

о.бешенковская
травля
viehwasen 22
и далее...

часть II

травля.
голоса.

Copyright © 2005 O.Beschenkovskaja
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten
ISBN 3-936800-74-X
Printed in Germany

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Как-то года четыре тому назад, просматривая немецкие газеты, которыми меня периодически снабжал один из моих хороших знакомых Клаус Дитерих (светлая ему память), я обратила внимание на одну заметку. В ней рассказывалось, что в Гамбургском университете психологи провели эксперимент, результаты которого смутили даже самих исследователей и заставили о многом задуматься всех участников.

Психологи изучали феномен и механизмы травли. Для этой цели они выбрали одного безобидного, вполне интеллигентного студента и ещё двух студентов, очень общительных и активных, стремившихся к лидерству. Эти двое были подвергнуты специальной психологической обработке с целью создать у них негативное мнение о товарище.

Через две недели уже половина группы дружно ненавидела ничего плохого не сделавшего им человека, распространяя о нем негативное мнение, обрастающее придуманными подробностями и слухами, дальше.

Через месяц его ненавидела почти вся группа, через два месяца – почти вся кафедра. По подсчетам экспериментаторов, только 6 человек из 100 не поддались массовому психозу и остались при своём мнении. Трое из них продолжали общаться со студентом.

Эксперимент срочно прекратили, собрав всех студентов факультета и объяснив им, что же с ними на самом деле произошло.

Способность людей и особенно толпы поддаваться влиянию всегда использовали политики всех рангов. Собственно, на этом механизме и строится любая пропаганда. Так пришли к власти и удерживали её в России – Сталин, а в Германии – Гитлер.

Я никогда не поверю, что все немцы настолько ненавидели евреев перед войной, что Холокост оказался возможен. Но факт остаётся фактом. Немногие жители страны сохранили в этом вопросе нейтралитет, и лишь единицы – боролись.

Кстати, Германия в смысле самостоятельности мышления создаёт даже более благоприятное впечатление, чем Россия. Достаточно вспомнить, что истории известны 27 покушений на Гитлера и, если я не ошибаюсь, ни одного на Сталина. (Хотя лагеря и были переполнены осужденными по этому обвинению.)

Очевидно, идеалистическая философия, деятельный капитализм с заложенным в его основу индивидуализмом, создавали лучшие предпосылки для развития самостоятельности пусть даже в чем-то отрицательной, но – личности. (При всей немецкой общей, тоже весьма опасной законопослушности.)

Стоит ли удивляться, что все годы советской власти, внедрявшей в коллективный мозг населения страны свою идеологию, существовал ГУЛАГ, а самостоятельно мыслящих писателей, если даже не сажали, то подвергали травле.

В травле участвовало не столько правительство, у него были и другие заботы, сколько само писательское окружение.

Нет, не только из страха или из корыстно-практических соображений голосовал многорукий зал за исключение Бориса Пастернака из Союза писателей СССР. Самое, может быть, страшное, что большинство коллег делали это вполне искренне, по убеждению, которое сложилось у них в короткий срок, подогреваемое газетными статьями и косыми взглядами – уже - большинства.

Механизм травли с годами не меняется, он всё тот же.

И чем ничтожней люди, в неё втянутые и её осуществляющие, тем ближе она к обычной групповой уголовщине.

Нечто подобное мне довелось испытать на себе...

Памяти прототипа бабы Вали, далёкой от литературы женщины, которая на все настойчивые попытки втянуть её в травлю автора «Дневника сердитого эмигранта» решительно отвечала: «Да отвалите вы все! Там что, написано: «баба Валя», а меня как зовут?! Это же книга!!!»

1. ТРАВЛЯ

(ВЫНУЖДЕННОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ДНЕВНИКУ СЕРДИТОГО ЭМИГРАНТА»)

Помню, когда лет шесть-семь назад ещё выходивший в Берлине журнал «Зеркало Загадок» выпустил в качестве приложения к изданию так называемую «Диссертацию» Фридриха Горенштейна, от первой до последней строчки посвященную его гонителями и хулителями, вернее, представляющую собой яростное сведение счетов писателя с ними, я недоумевала: зачем?.. Зачем этот Гулливер топчет тщедушных лилипутиков, недостойных его внимания и гнева? Зачем называет их чаще всего давно забытые, и поделом, имена? И зачем редакция опубликовала всю эту, еще не «переваренную», ещё не ставшую литературой боль, показала читателям пену у рта большого человека в минуту его сердечного, хочется провести такую параллель, приступа? Тем более, что все аргументы Горенштейна сводились к одному: кто – я, а кто – они?!. Надо сказать, что в таких случаях этот аргумент, действительно, главный. Только «они» его как правило не хотят да и не могут понять...

Потом, поразмыслив, я всё-таки согласилась с редакцией, и не только потому, что гулливеров мало, а лилипутов – тьмы, тьмы и тьмы, и они, как клопы, пьют кровь великанов, упиваются ею и вполне могут всей толпой обесточить самый могучий организм.

Фридрих Горенштейн умер.

Умер раньше, чем ему было заповедано...

Талантливый человек всегда работает, что называется, на износ, а если ещё приходится жить как на вулкане, отбиваясь от нападков и травли...

Тогда - однажды вдруг – пена у рта. Не иноказательная. Последняя.

Имена тех, кто в меру своих сил и возможностей приблизил трагическую развязку, не должны потеряться в лабиринтах истории человеческих, вернее, нечеловеческих – клопов и Человека – взаимоотношений. Пусть их дети, чтобы избежать позора, чтобы спрятаться от каждодневного и ежеминутного стыда, сменят фамилии. Это и будет заслуженная кара.

Другой кары писатель не алчет – он не людоед.

И даже если он не очень-то кроткий христианин («ударил по левой – подставь правую»), а практикующий иудей (жестковичный, «око за око – зуб за зуб»), что, кстати, встречается довольно редко, ибо писатели -- народ вспыльчивый, но отходчивый, и законы местечковой мести воспринимают как дикость, но даже и в таком, нетипичном случае, талант не затверживает Тору слишком буквально. Писатель – сам до некоторой степени ребе, Учитель, его толкования Книги отличаются от ортодоксального (и, тем более, от любого корыстно-сального...) словоблудия.

Для меня лично Тора – одна из древнейших страниц Библии.

С теми следами ещё почти животного эгоизма (и человека, и народа в целом), которые не след (парадоксами пронизана наша жизнь – и соответственно речь) слепо переносить на сегодняшнюю реальность. А фанатичное отправление древних ритуалов и вовсе похоже на упрямую игру взрослых – в детей... Причем, если в христианстве сейчас играют в детей добрых, всепрощающих, без пыток и костров инквизиции, то в современном массовом еврействе – в злых, для которых весь мир, не восхищающийся евреями, – антисемит, то есть, враг. И нужно выжить, чтобы его уничтожить. (А не уничтожить, как это было в жестокой древности, лишь по трагической необходимости: чтобы выжить...)

Особенно неприглядные – массово-клоповые -- результаты даёт поверхностное наложение примитивно понятых еврейских канонов на советскую мимикрию вчерашних активистов КПСС. Мало того, что они вообще не достигли той Каббалической фазы, на которой человек начинает исповедовать мудрость и благость, ниспосланные свыше, они ещё и рвутся проповедовать другим то, о чём сами имеют лишь варварское понятие. Собственно, это и там была их профессия: доносить до «широких народных масс» решения «сверху»... Одним словом: пропаганда. Как сказал о таких неистовых неопитах мой друг Соломон Ягодкин: «Был коммунистом – стал сионистом. Уж лучше поменять врага, чем профессию...»

Но мы отвлеклись. Хотя в чем-то, вы увидите ниже, и приблизились...

Так вот, я считаю, что в случае с Горенштейном журнал «Зеркало загадок» оказался прав, предоставив писателю при жизни страницы для самозащиты. Ведь перо – это его меч, его единственной оружие. А листок бумаги – единственный щит, которым он может заслониться от подлых ударов. (С какой бы стороны эти удары

ни сыпались: с антисемитской или с псевдосемитской...) Писатель не станет плести интриги, сочинять подмётные письма или доносы, выступать на собраниях, обличая своих недоброжелателей и врагов, у его ДУШИ на это нет времени... (Да и желания, само собой разумеется, тоже нет. - Не случайно его ДУША пишется так...)

Поэтому в жизни часто торжествуют клопы, а в смерти – их жертвы.

(Рушась наземь, гиганты придавливают стада кровососущих своими мощными фигурами.)

Вот почему после ознакомления с «Диссертацией» Горенштейна меня вдвойне удивил (статья – не статья, эссе – не эссе), заведома клеветнический и литературно-беспомощный материал Игоря Полянского «Эмиграция перед зеркалом», опубликованный почти тогда же в том же «Зеркале Загадок» под предлогом как бы обзора русскоязычной периодики. (1999 г., выпуск 8). Продираясь сквозь труднопроходимые (не от филологического изыска, а от элементарного невладения словом) пассажи автора, понимаешь, что он поставил перед собой две задачи: попытаться уничтожить входившие тогда в силу конкурирующие издания, в первую очередь, литературный журнал «Родная речь», инициатором которого и заместителем главного редактора в котором была я, и – самую нашумевшую (на много лет вперёд...) эмигрантскую повесть (очень условно говоря – повесть, скорее, лирико-философское эссе) «Дневник сердитого эмигранта», принадлежащий (чем я горжусь по сей день) моему перу.

Для этой цели из всех выпусков «толстого» журнала он процитировал две не самые выразительные строфы одной авторницы, «не заметив» прекрасных больших подборок известных и не очень известных поэтов, а потом обрушился на «Дневник» и стал «обличать» его (мои) заведома провокативные фразы, кидаясь на них как щенок на брошенную косточку... (Начиная с первой, которую, конечно же, не надо понимать буквально: «Господи, как я ненавижу людей...» К этой фразе мы ещё вернемся...) В конце концов, г-н Полянский, привлекая к своей «статье–не статье» различные инсинуации, вспомнил вдруг про ещё одну «антисемитку» - Александру Львовну Толстую (между прочим, основательницу Толстовского фонда за рубежом и благо-творительного человека) и так увлёкся её разоблачением, что вообще забыл, о ком и о чём он пишет... К моей персоне удосужился он снова обратиться несколько абзацев спустя, утверждая, что «Дневник» напечатан в журнале именно и только потому, что этот журнал – «мой»... И – опять блефовал. Потому что ровно год назад – по отношению к его опусу - тогда же, когда и «Родная речь», это произведение («прямо со сковородки» - по выражению писателя Андрея Кучаева в газете «Европа-Центр», тоже выходящей в Берлине) опубликовал и всероссийский «толстый» литературный журнал «Октябрь», а журнал «Знамя» дважды возвращался к разговору о «Дневнике». (Разговору неоднозначному, но сейчас речь не об этом, а о «Родной речи») В «моём» журнале я была – подчеркиваю – «замом», заместителем главного редактора, поэтому и «сам», и директор издательства «Контакт» вполне могли отклонить моё собственное произведение, если бы сочли его по каким-либо критериям недостойным публикации. А вот Игорь Полянский был как раз главным редактором «Зеркала загадок», и ни один другой редактор не выпустил бы в свет «статьи-не статьи», неотфильтрованной, сумбурной, да и подловатой по сути (с конечным призывом к авторам и читателям бойкотировать новый журнал), той «статьи –не статьи», которую накропал он... Не выпустил бы – и **не выпустил**. С тех пор журнал заслужил (и ведь действительно – заслужил!) не очень лестное имя «Кривое зеркало загадок», как называлась обзорная статья Д. Хмельницкого, опубликованная в газете «Русская мысль» в том же, 1999-м году.

Говорят, что мама Игоря, Минна Полянская, очень болезненно реагируя на любые критические замечания в адрес его (и её собственного, их совместного) детища, всегда думала, что я «заказала» эти публикации... И статью Хмельницкого, с которым я вообще не знакома, и – через несколько лет - заметки о русскоязычной периодике поэтессы Ирины Рашковской, у которой, слава Богу, на всё есть собственная точка зрения. (Опубликовано в той же «Русской мысли», выходящей в Париже.)

Думала так, потому что чувствовала себя виноватой... Предполагала, потому что видимо просто не в силах понять, что поэт моего уровня не опустится до мести, и что у поэтов друзья – тоже не киллеры... А вины своей от меня не скрывала, почти каялась: «Ну что же было делать, ведь Фондаминские – наши приятели... Так уж получилось...»

К названным господам мы ещё вернёмся, пусть они покуда потерпят (я их косвенные козни терплю уже много лет...), а вот что касается Минны, то мне искренне жаль, что она (нехорошо играть на звучании имён, но «так уж получилось»...) подорвалась на такой, в общем-то, некрасивой истории... Впрочем, как писал Даниил Хармс, «с человеком чаще всего случается то, что на него похоже...» Увы, не обладая ни сильным пером, ни большим талантом эта, в общем-то милая и несомненно творческая женщина часто плетёт интриги, в которых сама же и запутывается. Ей явно не стать наследницей Фелицы, не достичь величия Екатерининского коварства: та, переписываясь с Вольтером, гноила в застенках Новикова... (По свидетельству одной нашей общей знакомой Минна, уже три года спустя после сделанного мне признания, обзванивала любителей литературы в Берлине, чтобы те не приходили на мой заранее объявленный Вечер в книжный магазин «Радуга». Сама же – пришла одной из первых...)

Ну, и чего же добилась г-жа Полянская? Да, её дважды приглашала из Берлина в штуртгартскую синагогу вольготно расположившаяся там теперь семья Фондаминских. (Долг платежом красен...) Да, люди пришли послушать о Горенштейне, но в ходе встречи пришли к выводу, что «воспоминательница» не понимает

личности «воспоминаемого», словом, доклад слабенький... А ведь – дружила! Что – замечу – всё-таки делает ей честь. Дружила с Горенштейном - и травила Бешенковскую... И всё это, как мне кажется, потому, что в корне, именно в корне не понимает личностей тех, о ком судит. Потому, что – и в этом я вижу главную причину её творческих неудач – Минна Полянская явно путает литературное краеведение, которым занимается по праву, с литературоведением, как речку – с океаном, обладающим совершенно иной глубиной... (Критическую рецензию в петербургской «Неве» на новую книжку Полянских тоже не я «заказывала», понятия о ней не имела, пока мне журнал не показали. Её написал Самуил Лурье, отнюдь не мой друг... Но мнения наши в этом вопросе полностью совпадают.)

Мне жаль журнала «Зеркало Загадок» и жаль его издателей-редакторов. Это люди, искренне и наивно полагающие, что в литературе и в искусстве связи решают всё...

К счастью, в конечном счете это не так.

Да и не в конечном – тоже: кто бы сейчас, кроме меня, вспомнил о давно не существующем, враждебно настроенном при жизни журнале? А мне всё-таки хочется воздать ему должное. Он был двуязычным, культурно-политическим, уникальным в своём роде.

Уже много лет и по сей день выходит ещё один журнал, о котором, можно сказать, при жизни забыли в русской прессе Германии. И о котором я считаю своим профессиональным долгом напомнить. (В данном случае имеется в виду мой профессиональный долг добросовестного публициста, писатель же, поэт – это не совсем профессия, скорее, условно говоря, -- способ жизни...)

А ведь как всё начиналось!.. Что ни месяц – то в какой-нибудь газете выступление В.Батшева, редактора «Литературного европейца». «Мы», «мы», «мы», «ЛеВ», «ЛеВ», «ЛеВ», кто не с нами – тот против нас... Хвастливое фронтёрство, очернение тех, кто не с «ними», в первую очередь, - журнала «Родная речь», которому повезло больше: он выходил на базе профессионального издательства. Если попробовать подвести итоги сейчас, то сравнительно недавно рыкавший «ЛеВ» может показаться потерявшей перья – писательские перья - курицей...

Но не торопитесь с уничижительными оценками. Никто иной как я, на которую «ЛеВ» с ненавистью «рыкал» посредством и организованных, и возможно даже подставных заметок (например, некоего Рабиновича в журнале Берлинской еврейской общины: «Литературный журнал надо доверять писателю Батшеву, а не кочевару...» - как раз к презентации «Родной речи» в общине в 1999 г., или Нины Бёттер «Зачем поэтической звезде быть редактором?» - письмо в издательство «Контакт», 1998 г. – А зачем было интересному прозаику, одному из основных авторов Батшева выражать своё недовольство «штатным расписанием» другого журнала?); так вот, всё это давно позади, и именно я свидетельствую, что выпускать своими силами ежемесячный журнал – уже само по себе почти подвиг. И не только толпы графоманов за деньги, но и некоторые настоящие писатели впервые пришли к читателю тоже со страниц «Литературного европейца», в частности, Игорь Генгренредер, произведения которого делают честь любому изданию. Просто есть люди, которые своих коллег воспринимают как конкурентов, как личных врагов, и считают, что в борьбе с ними все средства хороши... К сожалению, Батшев относится к их числу.

И дело не в том, что «ЛеВ» с годами пообрюзг и поистрепался, что всегда происходит с хищниками на пенсии, когда подрастают молодые хищники, а более крепкими клыками... И даже не в том, что у редактора этого журнала – собственная, не очень адекватная логика: он бранит отсюда, «из-за бугра» Россию, заочно - в одностороннем порядке - «пререкается» с Президентом (Путин, «салага», и понятия об этом не имеет...) - и яростно публикует вчерашних членов КПСС, которые «с ним», с Батшевым. (В кавычках с ним, потому что они всегда с теми, кто им почему-либо выгоден на данном отрезке их извилистого пути...) Практика показывает, что он, на словах – непримиримый антибольшевик, на деле придерживается как раз-таки типично большевистской логики: достаточно вспомнить Ленина с его архибезнравственными рассуждениями о необходимости и нестыдности (бесстыдности! – О.Б.) временных компромиссов... А главный принцип журнала, если, конечно, закрыть глаза на вопиющую с его страниц беспринципность, - один: «И тот, кто сегодня поёт не с нами, тот – против нас...» Не правда ли, знакомая песня?..

Это только один, хотя и самый важный аспект в наших – изначально – «невзаимоотношениях». Я считаю, что бороться надо с тем злом, которое рядом, которое ты можешь перековать в добро, и ещё - с тем злом, которое может нанести ответный удар. Так благородней. Так, в конце концов, интересней. С коллегами же я не борюсь никогда. Моё кредо: помоги или отойди в сторону, если не можешь нравственно примириться. Статью Батшева о Синявском я напечатала в одном из первых же выпусков «Родной речи». И вообще готова была обнять его как брата: всё-таки он при той власти своё отстрадал... Да и – повторяю даже сейчас – ошибки и фронда не должны заслонить весь огромный труд этого неоднозначного человека и разностороннего литератора.

От журнала «Литературный европеец» окончательно отвернулись порядочные люди, писатели и читатели, когда он в 2001-м году предоставил свои страницы совсем уж грязному пасквилю на автора «Дневника сердитого эмигранта», который – «не их»... (В том-то и дело, что «не их», в том-то и причина. А.Барсуков правильно сделал на этом акцент в своей интернетной реплике.). Я, кстати, так и не запомнила точно имени создателя сего длинного и опять-таки безжанрового опуса (впрочем, есть видимо и такой жанр: околотературная подлость, в понятия литературы и в её жанры никак не укладывающийся...), это был некий

Вайнштейн или Ванштейн, сейчас уже не имеет значения. Не потому, что прошло уже несколько лет и в жизни произошёл, как и всегда, процесс вытеснения хорошим – плохого. А потому, что автор пасквиля, получив гневные отповеди от литераторов различных возрастов и национальностей, в частности, от «старейшего рыцаря рифмы» Рафаила Иеримиевича Шика и от русско-немецкой поэтессы Лидии Розин, постепенно оказался в изоляции, и, как мне сказали, в январе нынешнего года в минуту душевного расстройств покончил с собой. Не знаю, о чем он думал в последние мгновения своей незадавшейся жизни, но не исключаю, что и об этом тоже... Так как помимо всей прочей грязи, которую он на меня вылил в своём, опять-таки сумбурном, опять-таки литературно беспомощном, сыром материале, он ещё попытался поставить под сомнение моё душевное здоровье... «Как врач...» (Забыв на минутку о том, что если бы он – допустим и такое – оказался прав в своих предположениях, то именно как дипломированный врач, хотя и явно не того профиля, немедленно пошел бы под суд за подобные «разоблачения» в прессе...) Но был он таким же, как многие, хроническим безработным, ни в чём толком не реализовавшимся, не получившимся или просто мало известным...

Бог с ним. Я всё же хочу надеяться, что Господь не оставляет самоубийц без последней, утешительной беседы. Ведь самоубийство – далеко не самое подлое и худшее, что может совершить и совершает человек на Земле. Даже если он самонадеянно полагает, что выносит этой развязкой приговор миру, в последнем чёрном отчаянии есть и узенькая щель для светлого лучика покаяния...

(Лучше бы он вовремя прислал мне свои стихи, болезненно озлобленные на весь мир, но и неординарные. Я помогала и помогаю почти всем мятущимся стихотворцам, хотя бы для того, чтобы ни одного из них не захлестнула однажды вот так петля депрессии... Ибо всяк творческий организм из себя хрупок...)

Что же касается моего собственного здоровья, то, как говорится, спасибо, пока не жалуюсь. (Ерничать – дескать, «и не надейтесь...» - не рискну, ибо все мы ходим под Небом, и только лучезарно глупый и дремуче необразованный человек может, пренебрегая народной мудростью, зарекаться от сумы, тюрьмы или больницы...) Я благодарна судьбе уже за то, что в условиях многолетней систематической травли (пока ещё речь идет о «цветочках зла» - Бодлер простит уменьшительный суффикс, тем более, что ягодки ещё впереди), в обстановке, можно сказать, максимально приближенной к экстремальной, мне удастся сохранять не только душевное равновесие и здравый смысл, но и доброжелательное внимание к миру и к населяющим его людям в сочетании с высокой профессиональной работоспособностью.

Вот тут-то кто-нибудь обязательно и встрянет, и вставит, и воткнёт ту самую фразу, с которой начинается моё нашумевшее произведение, и с яростью, достойной иного повода и лучшего применения, возопит, брызгая ядовитой слюной: «Доброжелательное внимание к людям?! – А как же – дескать – насчет того, что «Господи, как я ненавижу людей, особенно немцев и евреев, нет, всё-таки евреев и немцев...»?!!!

Как? - А как вы, господа-товарищи - клопы читали мою книгу и читаете книги вообще? – Проползаете по диагонали? Вы и кавычек там не заметили, и, главное, продолжения «...так должна **была бы** начаться эта книга, **если бы**...» - и далее – по тексту, ещё целый троп...

А если бы даже предложение было составлено–поставлено **не** в сослагательном наклонении, если бы даже литература как таковая **не** предполагала гротеск как один из профессиональных приёмов, если бы даже **не** подразумевалось, что читатель, взявшийся за непросито произведение, за прозу поэта, всё же способен уловить некоторые различия между лирической героиней и автором лирики, если бы даже всех этих выделенных шрифтом «**не**» **не** существовало? Если бы это была и в самом деле отчаянная исповедь некоего затаившегося монстра? Даже и в этом – абсолютно фантастическом – случае мизантроп, откровенно повествующий о своей нелюбви к людям, но не делающий им при этом ничего плохого, - неподсуден. Слово «ненависть» выражает чувство, внутреннюю неприязнь пополам с гневом, а не обозначает какое-либо антигуманное действие. И никаких призывав ни к какому действию, если мне не изменяет память, а память моя в эмоциональных аспектах всегда точна, в «Дневнике» не содержится. Наоборот, резко осуждаются, если так вообще правомерно сказать о кружеве художественного текста, антисемитизм, погромы, фашизм, насилие над личностью в любых его проявлениях.

Зато «заинтересованные читатели» задевшего их произведения – те самые клопы – тут же перешли к действию, к тому единственному действию, на которое они, клопы, способны...

Собственно, автор «Дневника» предвидел и это: «И ... дрогнула рука, спохватившись, что какой-то дурак или мерзавец уже протянул свою грязную лапу за этими строчками, чтобы залить их кровью тех или других, или, как это часто бывает, и тех, и других, а с другой стороны – уже дышит жарко в лицо сорвавшаяся с цепи свора «воинствующих гуманистов» всех мастей и подпалин, и свирепо рычит, обвиняя автора в новой расистской теории...»

Так оно, согласно собственному предсказанию, и получилось. (Кстати, Исай Шпицер – один из немногих, кто сразу, как только обрушился шквал, вернее, как только потекли помои на мою, тогда ещё недостаточно известную в Германии голову, процитировал в газете «Neues Leben» эти строки, он же сказал и о кружеве текста.)

В качестве защитного аргумента можно было бы привести и знаменитые строки Константина Бальмонта, написанные – и не случайно – именно в эмиграции: «Я ненавижу человечество, / Я от него бегу, спеша, / Единое моё Отечество – / Моя бессмертная Душа...», и письмо Петра Ильича Чайковского брату Модесту,

аллюзией к которому и прозвучало намеренно начало «Дневника»: «Если бы ты знал, как я ненавижу людей, как бы хотелось мне провести остаток жизни на необитаемом острове, в окружении только самых близких мне душ...»

Именно оно, это письмо, вспомнилось мне в кошмарной общаге, где пришлось три долгих года (кто больше?!) прожить бок о бок с людьми совершенно чужими и, что самое неприятное, в основной своей массе чуждыми, с потребителями и обывателями, приехавшими на Запад отнюдь не за призраком Свободы...

Но дело не в личном опыте, и уж тем более не в реминисценциях и аллюзиях, которые для большинства «критиков» моего произведения понятны не более, чем китайские иероглифы. Они и терминов-то таких отродясь не слыхивали...

И не в том дело, что многие литераторы, в частности, Д.И.Гарбар и Э.А.Наги, зарекали меня не ввязываться в дискуссии, не обращать внимания на недостойные заметки и реплики: вперёд, только вперёд, - говорил и писал мне Давид Иосифович, - не царское это дело: рубить головы...

А в чем же тогда?

С клопами любые аргументы бессмысленны. Клопы – слепы. У них нет ни глаз, ни ушей. Ни, тем более, высшей нервной деятельности... Клопов лучше просто не допускать на свою территорию, но в условиях эмигрантской общежитийной скученности это, к сожалению, невозможно...

Как сказал, открывая два года назад мой творческий вечер в Кёльне Даниил Чкония, «чтобы так превратно истолковать и эти, и другие строки Ольги Бешенковской, увидеть в них антисемитизм или антигерманизм, нужно быть или полным дураком или отъявленным негодяем...»

Дураков, как оказалось, немало, отъявленных же негодяев, которых знаю я лично, можно всех усадить в одну машину... Но негодяи манипулируют дураками и последние выполняют за них грязную работу: преследовать жертву, давить, травить на каждом шагу, забрасывать грязью, пока эта «сволочь с фарфоровыми петербургскими ушами», как было сказано в одном из анонимных писем на адрес «Родной речи», не «сдохнет в дерьме». (Цитата оттуда же).

Ох, и дались им, дуракам, и, как мы видим и ещё не раз увидим даже по их лексике, «большим гуманистам...» эти «фарфоровые уши» - ещё одна фраза, которую приводили в своих тогдашних газетных «наездах» почти все «оппоненты»...

Однажды в частной беседе поэт и литературовед Вадим Перельмутер обмолвился, что вся эта история чем-то напоминает травлю Андрея Синявского за «Прогулки с Пушкиным». Выдернули три фразы – и понеслось...

Причем, «понеслось» именно в раздираемой внутренними противоречиями эмиграции, к сожалению, и тогда зарекомендовавшей себя шумными междусобойными разборками. (Очевидно, эмиграция всё-таки противоестественное состояние для человека, особенно для писателя...)

Даже добрейший Лев Копелев, пусть земля ему будет пухом, приложил тогда ненароком свою авторитетную руку к литературному удушению Абрама Терца, дерзнувшего посягнуть на рутину устоявшихся мифов: не выдержал, будучи человеком консервативным, когда ему «в нужный момент» процитировали, что «Пушкин вбежал в литературу на своих тонких эротических ножках»...

Ножки... Ушки...

И чем у них только головы забиты, у этих, если так можно выразиться, «цицеронов цитат»...

Как чем? – Кровью... Чужой, жадно выпитой кровью...

Присосаться – и жить...

Как мог заметить внимательный читатель, я вполне выдержанно реагирую на разного рода нападки, классифицирую их, стараясь увидеть не только и не столько повод, сколько истинную, скрытую от сторонних глаз причину исходящей из оппонентов агрессии. В двух случаях, подробно рассмотренных выше, речь шла о журналах, редакторы которых воспринимали «Родную речь» как конкурирующее издание и были не прочь воспользоваться сложившейся вокруг «Дневника» скандальной ситуацией, чтобы «сложить» её в свою пользу. Не удержался от попытки затеять со мной скандал и завистливый Б.Марковский, заявив мне по телефону, что, как ему известно от Батшева, я – «акула, которая тут всех намерена проглотить», но у него всё же хватило ума не пачкать свой «Крещатик», содержательный в общем и целом, хотя и абсолютно лишенный какой-либо платформы журнал, низкой подковёрной войной. (Стихи его я, кстати, тоже напечатала в «Родной речи», они были не хуже других. Но о дальнейшем личном общении, естественно, речи быть не могло...) Все названные журналы возникли не сговариваясь примерно в одно и то же время, когда в Германии накопился некоторый писательский и читательский потенциал; их редакторы ставили перед собой в том числе и коммерческие задачи, что мне было совершенно чуждо, да и не нужно. Профессионально подготовленный гуманитарный проект, преследующий единственную цель - помочь авторам и читателям обрести друг друга, приняло уже вставшее на ноги издательство. Что им, частным издателям, действительно, вынужденным начинать с нуля, очевидно, и не давало покоя...

Кстати, в первые годы редакторы «Европейца» и «Зеркала» если и не дружили, этого я знать не могу, то всё же содействовали друг другу, давая взаимную рекламу. Но уже вскоре «Зеркало загадок» вышло с антирекламой, ошарашив читателей сообщением, что объявляется подписка на журнал... Падшева. Не знаю только, почему Батшев не отвечал тут же в «Европейце» приглашением подписаться на журнал (что

стоит исказить и эту фамилию...) Подлянского... Наверное, просто в ярости не сообразил. Что постеснялся – не думаю... Одна, условно говоря, «антибешенковская» коалиция распалась.

Кроме того, в реакции на «Дневник сердитого эмигранта» со стороны Полянских, как мы уже говорили, примешивался (вернее, уверена, в этом случае как раз преваляровал) факт давнего, ещё питерского приятельства с одной семьёй, действительно, послужившей мне прототипом для создания мало симпатичных образов...

Разумеется, моё произведение начиналось с необходимого предупреждения, что «все имена и фамилии вымышлены, а все совпадения случайны», но то ли перо моё оказалось убийственно-точным, то ли новоявленным бобчинским и добчинским захотелось всем рассказать, что всё это – о них, такое вот мазохистское тщеславие у не слишком умных людей тоже встречается (помните, как у Чехова один герой «напечатался» - под лошадь попал...), но... «обиженные» штутгартские евреи заголосили! И добро бы только в стенах своей общины, где им даже удалось убедить не читающего по-русски (хотя и понимающего многие русские слова) раввина подвергнуть автора резкому осуждению перед началом молитвы...

Между прочим, православная церковь до сих пор не сняла анафемы с имени Льва Толстого, что не делает чести ей, а Толстой всё это давно пережил и благополучно переживёт дальше...

В общем, именно с этого дня в конце 1998-го года группа добровольных активистов, так сказать, «команда Фундаминских» (теперь, спустя годы, некоторые прозревшие наблюдатели называют её «бандой Фундоминских»), но на тот момент всё же ещё команда, начала действовать по всем направлениям...

Забегая вперёд, добавлю, что раввина, блестящего знатока иудаизма и пламенного оратора, к сожалению, поначалу враждебно встречавшего всех «пришельцев» с коммунистической планеты Россия, лишив по существу общину её будущего – честной, образованной молодёжи, что я и отметила в своём условном «Дневнике», они же вскоре, захватив синагогу «без единого выстрела» (в лицо, ибо все их выстрелы – в спину...), выдавили на пенсию. И мне жаль, что раввин в том – с моим произведением – случае позволил сделать из себя прямого последователя анекдотичного «критика» Пастернака: «Книгу фрау Бешенковской я не читал, но скажу...»

Ничего не поделаешь: к советским клопам надо иметь определённый иммунитет, без него – на собственной постели зажрут, сам слезешь... В общем, я ему, г-ну Бергеру, теперь -- пастырю без паствы, в чём-то даже сочувствую.

А «группа поддержки семьи Фундаминских» уже вела, и с большим азартом, «охоту на ведьму»... Тем более, что ничего другого эти люди в Германии не делали и по причине возраста делать уже не собирались; день начинался у них поздно, полубессмысленно, а тут вдруг забрезжила какая-то цель в тусклом эмигрантском существовании... У их же «патронов» были далеко идущие планы и более молодая, отнюдь не такая бескорыстная, как у добровольных помощников, энергия...

Я называю эту фамилию – Фундаминские - только потому, что они сами «обнаружили» себя, настаивая на каждом углу, что их «оклеветали»... Хотя мне, признаться, здесь даже ничего присочинять не пришлось: коли уж на то пошло, вся сатирически описанная сцена приземления во Франкфурте происходила точно по тексту. И более того: я пощадила этих людей, не упомянув особо пронзивший мои идеалистические представления о жизни случай неделю спустя: когда эта же семья втихую выбросила на улицу чемоданы старого профессора С.С.Гдалевича, тоже прилетевшего с нами в одном самолёте, на том основании, что им и самим – это в общественном-то подвале – места мало, у них, дескать, большая семья... Мелькнуло: а если б война? Так они бы и самого профессора из эшелона выкинули, тоже ведь тесно... (Что только ни придёт в еврейскую голову, когда она вдруг оказывается в Германии...)

Пусть умудрённого читателя не насмешит моё искреннее признание, едва ли не детская наивность, но это была первая в моей жизни (на её 46-м году) встреча – лицом к лицу – с высокомерным ничтожеством, уверенным почему-то в своих правах на все возможные в этом мире привилегии, с хамством, облаченным в тихие с виду, запутывающие (и опутывающие) собеседника манеры... Здесь мы имеем дело не просто с клопами, это скорее другая разновидность многообразного насекомого мира, его ядовитые индивидуалисты... (Обидно, что Пелевин уже написал «Жизнь насекомых», но в литературе, как и в подвале, и даже в эшелоне всем хватает места. Тесно бывает только таким...)

Жизнь моя предыдущая вообще прошла не среди пауков в банке, как часто говорили, имея ввиду околонуучную и околочультурную среду. Мне повезло оказаться своей среди талантливых и открытых людей, единственной привилегией которых было много и плодотворно работать. Часто – без шансов на скорый успех и с риском для собственной свободы. Это были «последние мамонты» из старой литературной интеллигенции и друзья, талантливые поэты, представители так называемой альтернативной культуры, противостоявшей культуре государственной. Что в конечном – советском -- счете и привело меня к кочегарку. (Впрочем, об этом уже столько написано после Перестройки, что вскользь упомянутый на одной из предыдущих страниц Рабинович даже при всём желании не мог этого не знать...)

А тогда, в Эсслингене, в разговоре с возмущенным профессором я пошутила, что вот нам и готовый секретарь партбюро здесь, в Германии: он, этот ещё достаточно молодой человек с презрительно пересекающими встречные лица глазками и с бородкой Феликса Эдмундовича, новоявленный г-н Фундаминский, и своё не упустит - и перед чужим не остановится... А «чемоданное самоуправство» его

семейства – да что из-за мелочей расстраиваться, чай, новую жизнь начинаем!

И опять я оказалась, что нередко случается с поэтами, наивна и прозорлива одновременно: несколько лет назад г-н Фундаминский по существу возглавил еврейскую общину в Штутгарте, что, в том числе, подтолкнуло меня к решительному выходу из неё. Нет, даже не продолжающаяся годами травля, теперь уже, можно сказать, почти централизованная, с грязными анонимными письмами, вложенными кем-то в эмигрантскую газету, и с беспочвенными доносами в финансовое ведомство; к травле я уже как-то успела и попривыкнуть, а просто человеческая брезгливость, которую мне всегда внушали и внушают «тихари» и доносчики любого толка... Жаль, что именно в синагоге, которая в моем понимании даже не дом собраний, а Храм, как, впрочем, и любая другая церковь, свили они своё шипящее кишашщее гнездышко... И теперь здесь, уже независимо от моего «Дневника» и от моей несносной литературной персоны, завсегда и постоянно бранятся друг с другом, перетягивая друг у друга те сотни и тысячи евро, которые щедро отпускают немецкое правительство и еврейские организации на «развитие еврейской жизни в Германии» Получается, что таскать друг друга за фалды (пейсы они еще отрастить не успели, а теперь и не надо, русских евреев – несравнимое большинство), доводить себя и других до инфарктов – и есть это то самое «развитие»... И вот уже новый раввин, уволенный восвояси сбросившими религиозные маски местными лицедеями, подал на них в немецкий суд... О чем весь Штутгарт узнал из городской газеты „Stuttgarter Zeitung“ и из других средств массовой информации.

Синагога... Храм, обращенный к Богу... (Помните: «Ведь если дорога не ведёт к Храму, зачем она?..»)

Впрочем, рискну предположить, что каждый подлинный поэт, будь он этническим евреем или «негром преклонных годов», или родился он в интеллигентной, образованной мусульманской семье - всё равно рано или поздно придёт к неладам со своей, если так можно выразиться, «религиозной конторой», слишком уж пронизанной земными грехами, а в борьбе с любым инакомыслием нередко лицемерной по сути и фанатичной по форме. (В истории мировой культуры таких отходов от официальной доктрины почти столько же, сколько крупных талантов). С Богом вообще как-то лучше общаться без посредников... Тем более без посредников откровенно циничных.

Я надеюсь, что читатели с первых строк этого литературного документа (я не оговорила) поняли, что в отличие от «Дневника сердитого эмигранта», произведения художественного, «Травля», послесловие к этому произведению, относится к жанру публицистики, то есть, здесь автор не «создаёт образы», не обобщает разрозненные фрагменты, (в чисто литературной ткани это вполне допустимо), словом, старается быть предельно точным во всех деталях и даже по возможности объективным к своим недругам, но зато и называет «героев» их настоящими, а не вымышленными именами.

Они, «герои», этого наконец добились всем своим, уже много лет, назовём это так, злоумышленным копошением... Просто и коротко говоря – травлей. Не так давно это слово впервые прозвучало в печати со страниц «Еврейской газеты». И очень не понравилось «заслуженным» участникам войны с автором «Дневника сердитого эмигранта»: им бы хотелось назвать тот же процесс как-то поблагородней. Тем более, что некоторые из них, можно сказать, посвятили ему жизнь...

...В то время, когда в Германии и в России читали мой «Дневник», с тех пор изрядно (и, к счастью, довольно быстро после опубликования) устаревший по части описанных в нём условий приема еврейских беженцев, Вальдемар Вебер, главный редактор выходившей тогда в Мюнхене „Deutsche-Russische Zeitung“, поместив эквивалентный прочитанному отзыв на новый журнал Вадима Перельмутера, звонил мне и делился своим недоумением: «Представляете, они почему-то воспринимают «Дневник» не как художественное произведение, а как статью! Они думают, что Вы ненавидите евреев и немцев...»

«Они» - это, конечно, евреи, потому что немцы в редакцию не звонили, они не читали русских журналов, во время работы редакции и сами находились на своих рабочих местах, да и вообще всё-таки больше привыкли к свободе мысли...

- А фамилии, – спрашиваю, – звонившие называли?

- Когда требовал. Причем, очень тихо и быстро, не успевал разобрать...

Аналогичные звонки время от времени сотрясали и редакцию газеты «Контакт», поскольку журнал «Родная речь» выходил в том же издательстве. Сюда же, прямо пропорционально числу моих публикаций в газете, вдруг посыпались странные безграмотные письма с «разбором» всех моих заметок; например, одна дама с многочисленными грамматическими ошибками объясняла редактору, что «вкусным» может быть только свинячий язык, а не поэтический, как позволила себе выразиться О.Бешенковская в обзоре читательских стихотворений... Ну, и что ты тут будешь делать? – Ведь смешно, а мешали работать, отвлекали, пакостили... На ходу приобретая опыт противостояния травле, я догадалась, попросила редактора посмотреть на обратные адреса в этих «сигналах с мест», - и место, как я и предполагала, оказалось одно: город Тюбинген. Тот самый Тюбинген, где жила уже небезызвестная нам на тот момент «Фрау Друскин», как она обозначает себя на немецкий манер, и откуда она слала многочисленные факсы и письма всем знакомым писателям, всем известным ей организациям, и в центральный раввинат, и политикам России, всем, вплоть до немецкой полиции. Тот самый Тюбинген, откуда она угрожала судом и каталажкой и автору произведения, и всему издательскому дому «Контакт», и всем читателям, которые имели смелость заявить, что им «Дневник сердитого эмигранта» понравился...

Вот сейчас – спустя годы – мы ею поподробнее и займемся, она этого более, чем заслужила, а чтобы закончить разговор о «письмах протеста» при каждом появлении моей фамилии на страницах вышеупомянутой газеты, признаюсь, что редактор стал подписывать мои материалы псевдонимом. И – письма как рукой сняло... Потому что эта сверхбдительная читательница, с жадностью и, похоже, давно сдерживаемым голодом на склоки окунувшаяся в «борьбу», не могла отличить стиль автора, хотя мои статьи, а не только стихи, почти всегда узнаваемы... Для тех, кто понимает...

Итак: гражданка Друскина, на которую кивал (уже в 2001-м году, когда она при всех своих связях и неукротимой энергии всё-таки не сумела мне серьёзно навредить) и тот самый «врач», что сам не смог себя исцелить и резко ушел из жизни. (В текст его, между прочим, вклинилась фраза, что статья обо мне – это его должок вдове Друскиной... Я так и поняла с первых же строк, потому что он, собственно, ничего не придумал, а всю грязь почерпнул именно от неё...) Итак: вдова Друскина, на сведения от которой ссылался и ныне покойный, к сожалению, профессор Вольфганг Казак (мы с ним чуть позже выяснили отношения, и он согласился, что напрасно обиделся на меня по подsunутым цитатам за немцев, ибо по такой логике русские должны были уже давно растерзать всех своих критически настроенных писателей, а немцы – своих...), и другие мои знакомые немцы, с недоумением получавшие письма от вдовы с переведенными и оторванными от текста цитатами и с требованием немедленно прекратить со мной знакомство...

Так модератор, помогавшая мне в то время на поэтических Вечерах для немецкой аудитории, госпожа Бензингер, внимательно изучив письмо, ответила незнакомой ей Друскиной (до того видела её мельком пару раз в Обществе Ost-West), что не знает русского языка и не считает себя вправе судить писателя по присланному набору цитат, с некоторыми из которых, она, к тому же, более чем согласна: например, что русский крестьянин бывает культурнее сердцем, чем немецкий профессор... И пожелала автору письма здоровья... (Знающий тонкости немецкого языка непременно бы догадался, о каком именно здоровье здесь шла речь...) Но даже после такого ответа Друскина её в покое не оставила. Вскоре в квартире Бензингер раздался звонок приятельницы Друскиной (о связи между обеими, естественно, сообщено не было) некой Нечаевой, представившейся профессором Тюбингенского университета, куда меня, кстати, приглашали в 1994 году и где Друскина (гостя) вместе с Нечаевой пытались сорвать мое поэтическое выступление, - ещё до всякого «Дневника», просто так, для удовольствия... (В этом университете Нечаева преподавала с брежневских времён, и её как яркую сталинистку не любил весь более молодой коллектив – это по её вине кафедра славистики слыла уныло-консервативной. Еще совсем недавно она строила козни Екатерине Кудрявцевой, свежему пополнению факультета и, к тому же, автору незаурядных стихов. К радости студентов Катя осталась, а Нечаева, наконец, ушла на пенсию.) Так вот, на сей раз уже товарищ Нечаева стала настаивать, чтобы госпожа Бензингер порвала со мной всякие отношения. Нечаеву госпожа Бензингер тоже не знала (потому я и пишу: звонок некой), это было непрошенное вторжение в святую святых – „PRIVAT“, и у моей знакомой создалось неприглядное, к сожалению, впечатление о русской диаспоре в целом – сплетни, склоки, дразги... Хорошо, что мне удалось его постепенно поколебать, рассказывая при наших продолжающих к взаимному удовольствию встречах о талантливых писателях и художниках из нашей волны, просто о достойных людях...

Не меньшее удивление возникло у госпожи Кинцле, с которой мы знакомы с первых моих шагов в Германии и осуществили немало успешных совместных творческих проектов. Здесь (обратите внимание – редкий случай!) наследили сами Фундаминские, обычно психологически обрабатывающие других (отметим – попутно – идеологические способности и вспомним о Гамбургском эксперименте) и старающиеся остаться в стороне от творимых далее мерзостей... Всё чаще появляясь на культурологических Вечерах Общества «Geißt-Strasse 7», что, безусловно, никому не возбраняется, начав пропагандировать это Общество в «Импульсе», что тоже полезно – пусть люди приходят, интегрируются, вход свободен, и даже прославляя в этом своём рекламном-информационном листке партию зеленых, в представительство которой входят супруги Кинцле, что, опять-таки, у меня лично никаких возражений не вызывает, г-да Фундаминские, видимо, решили, что пора наконец перейти от слов к делу... Поэтому однажды предложили моим друзьям более со мной не общаться на том основании, что никто – якобы – уже не общается... И что все евреи как один возмущены моей антисемитской книгой. (Что книга моя скорее «антифундаминская» в большом смысле, они, если и поняли, то умолчали...) В разговоре на эту тему со своим коллегой и моим другом ещё с общежития на Viehwesen 22, ныне – городским служащим Евгением Смертенко (рада за него, незаурядный человек!), Вероника (госпожа Кинцле) грустно вздохнула: «Я вижу, нет мира в еврейской общине...» - Так немцы реагируют на подобные провокации. – А как же им ещё реагировать?..

(Вот откуда и возникает антисемитизм, а не из литературных произведений, даже если это и «200 лет вместе», а не просто «Viehwesen 22» - Дневник сердитого эмигранта...)

Думаю, читатели уже догадались, что, конечно же, фрау Друскина – тоже близкая знакомая фрау Фундаминской. Но если последнюю я ещё могу как-то, нет, конечно, не оправдать, гнусность – всегда гнусность, и нет, не понять, потому что я вообще не понимаю желания отдельных особей гадить другим, когда жизнь так коротка и не успеваешь даже помочь всем, кто в этом нуждается, но могу хоть как-то логически объяснить её поведение: очевидно, она в силу своей явно завышенной самооценки отождествила себя со всем еврейским народом и искренне считает, что сатирическое изображение её семейства является карикатурой на

весь упомянутый народ... Хотя скорее всего просто мстит, безо всякой к тому философии, сознательно и расчетливо используя подлость и комплексы в окружающих её людишках. (Тем более, что захватывая всё новые плацдармы общественной жизни, является и секретарём христианского общества. Впрочем, это выглядит даже весьма благородно: вроде бы и не столь за самоё себя радеет, сколь за других... Г-жа Фундаминская любит так выглядеть... И если ей это частично удаётся в глазах тех и других, то – оставим пока и тех, и других, и её саму в этом приятном заблуждении...)

...Иное дело – фрау Друскина. Здесь мы имеем по существу (при всех перепитиях трудной и уникальной судьбы, сделавшей Друскину на какое-то время известной) типаж обычного «жописа», как величали в Ленинграде подобных писательских жен, с важным видом рассуждавших о литературе, в которой разбирались ещё хуже, чем в модных фасонах, жен, затевавших в Комарово, в Доме творчества, окололитературные интриги и склоки, отчего их мужьям – писателям нередко становилось неловко, а порой и вовсе неведомо... (Оттуда, из советского Комарово, и пошло, кстати, с чьей-то лёгкой руки это крылатое выражение: здесь отдыхают жописы, дописы и мудописы: жены писателей, дочери писателей и мужья дочерей писателей...)

Как-то на моём поэтическом вечере в Дрездене один из слушателей посетовал вслух: «Жаль, что у этой женщины, что на Вас всюду пишет, такая фамилия... Могут подумать, что она родственница Льва Друскина, выдворенного из СССР, тоже, кстати, за дневник... Я помню, я слушал Ваше выступление по «Свободе»...»

Я постаралась обойти это весьма веское замечание и не призналась, что Л.Друскина – не однофамилица, а вдова поэта. Не хотелось, чтобы тень этой травли упала на имя страдальца, к тому же умершего в Тюбингене за несколько лет до моего переселения в Германию.

Те, кто следит за моими публикациями (следит не как Друскина здесь и не как – прежде – КГБ там, впрочем, КГБ всё-таки редко старался смешать литератора с такой грязью, ему до вдовы далеко...), те, кто в середине 90-х слушали здесь по ещё тамошней привычке радиостанцию «Свобода», она тогда вещала из Мюнхена, и уже читали первую местную русскоязычную газету «Контакт» или выписывали «Русскую мысль» из Парижа, запомнили мой очерк о Льве Друскине. (А жившие в Петербурге прочли его в газете Союза журналистов «Час пик».) Очерк о том, как питерские писатели, обиженные изображением своих персон в его дневнике, видимо, донесли на него в КГБ небезопасных 70-х, и литератора – выдворили из страны... В открытый космос... Особенно возмутило нас, «неофициальных» поэтов, что выдворили прикованного к постели инвалида... (Впрочем, и в Союз советских писателей приняли его в не лучшие для литературы годы, и публиковали – тоже скорее как инвалида, чем как поэта: в стихах его – свидетельствую – не было ничего верноподданнического, но, честно говоря, и ничего особенного.) Мой очерк о трагедии и спасении Льва Друскина, ибо изгнание подарило ему по существу вторую жизнь, защиту Генриха Бёлля, встречу в Германии как героя, внезапную, не по рангу, известность (как я рада, что всё произошло именно так!), мой очерк назывался «Одинокий голос на фоне стаи»... (Когда-нибудь кто-то напишет примерно теми же словами и об истории с моим «Дневником», только действие как бы перенесется из Ленинграда в Штутгарт...)

Инициатором очерка была вдова. Она попросила меня, уже после неудавшейся попытки сорвать мое выступление в университете (хотя вообще-то приглашали на него студентов, а не соседей учебного заведения...), униженно попросила напомнить приехавшим и всё прибывающим иммигрантам о его судьбе. «Я, наверное, плохая вдова», – кокетничала она, сидя у меня дома, и мне хотелось, чтобы она поскорее мой дом покинула, потому что я не люблю плебейских перепадов от хамства к самоуничижению, но и отказать ей я тоже не смогла: в память о Льве Савельевиче, во имя справедливости, наконец. Я в то время (1994 г.) регулярно выступала по радиостанции «Свобода», в рубрике «Писатели у микрофона». – Потому-то Друскина ко мне и обратилась, потому-то и заискивала... Она же – вдова – договорилась о параллельной со «Свободой» публикации в «Русской мысли», списавшись с тогдашним редактором газеты Мадам Иловайской-Альберти. Что меня, признаться, внутренне покорило: о моих текстах не надо ни с кем заранее договариваться. В какую бы газету ни посылала я очерк, статью, эссе – они немедленно идут в печать. (Посмотрите хотя бы русскоязычную прессу Германии: мою фамилию теперь можно увидеть везде, а всего шесть-семь лет назад эти же газеты щедро публиковали неприкрытое издевательство моих так называемых «оппонентов»; видимо, потому, что редакторы, приехавшие со всех концов нашей необъятной родины, ещё не знали моих стихов, прозы и публицистики. И сами на тот момент ещё не успели прочесть «Дневник». Газеты, как и вообще русская жизнь в Германии, находились в стадии становления, и многие потом быстро «сошли с экрана».)

Мне не нужны связи ни в литературе, ни в журналистике. Мои тексты говорят сами за себя. И публикуются во всем мире, в изданиях как элитарных, так и в более демократичных. Безо всяких личных знакомств и дополнительных переговоров. И сама я, редактируя тот или иной журнал или альманах, сразу преду-преждаю любителей налаживать «предварительные контакты», что цветов не ем, духов не пью, а что касается шоколада – извините, страдаю от диабета...

А вот что происходит, когда в силу вступают связи...

В 1998 году та же, ныне, к сожалению, покойная И.Иловайская-Альберти по просьбе той же самой Друскиной пустила в печать критическую статью Г.Андреева, «заказанную» ему ею же – Друскиной. (Которая мне обо всех своих кознях радостно сообщила в письме, закончив его иезуитской фразой, что ей меня – видите ли – очень жалко...) Называлась статья «Исповедь советской интеллигентки». Очевидно, схема была такая: раз его приятельница Друскина настроена против меня, а её в Германии принимали как члена семьи

политического беженца Льва Друскина, значит, она – получается - антисоветская, а я – стало быть – наоборот, советская... (Как всё в этом мире условно и относительно...) А уж для «советских» мы черной краски не пожалеем – вымажем с ног до головы, будьте спокойны, дорогая Лиля!.. (Так зовут Друскину).

Не отвечая принципиально на подобную «критику», здесь я всё-таки сочла необходимым сообщить редактору уважаемой мною газеты своё мнение. Письмо у меня сохранилось, как и большинство откликов, рецензий и пасквилей на «Дневник сердитого эмигранта». В частности, я писала о том, что автор статьи не удосужился привести точно ни одной цитаты, очевидно, Г. Андреев считает возможным с текстом «противника» не церемониться, позволяет себе вставлять в продуманные фразы писателя первые попавшиеся слова, разрушая и лексику, и музыку предложения. И далее толкует уже своё собственное изложение, искажая первоисточник... И ещё я писала о том, что нисколько не обижаюсь на «Русскую мысль», потому что как журналист понимаю, что газете, возможно, нужны «острые» материалы, и не призываю автора статьи к юридической ответственности, хотя охрана авторских прав всё ещё существует, но, действительно, несчастные-таки советские люди: Л. Друскина и её, извините, «подельник» (дело-то общее...) Г. Андреев, он – уже со страниц европейской газеты, угрожают мне тюремной камерой, чуть ли ни высылкой из страны, - это всё то, чему они научились там, откуда приехали: место мыслящего инако – за решеткой... (В статье сквозило нескрываемое сожаление, что пока этого со мной почему-то не произошло...)

Кстати, я слышала от знакомых, что живет автор той статьи где-то на границе со Швейцарией, тихий такой, мягкий человек – мухи не обидит...

Вот, значит, и плохо, если такой мягкий... Из мягкого можно вылепить всё, что угодно... (Может, он и произведение толком не читал: только небрежно срисованные Друскиной и тенденциозно подобранные, просто-напросто подтасованные «цитаты»?... Этого мне знать не дано, но о своем «заказе» на его статью Друскина мне сообщила письменно.)

А газета «Русская мысль» вскоре дала два материала, как бы снимающих это агрессивное нападение. Один из них принадлежал перу Вадима Фадына, второго я, к сожалению, так и не увидела. - «Русская мысль» в киоски Германии не поступает.

Разумеется, фрау Друскина и фрау Нечаева с тех пор, как Фундаминские начали, так сказать, «править Пуризм» в штутгартской синагоге, дважды побывали там со своей программой. (Опять же: долг платежом красен...). Читали они стихи Льва Друскина. Ну что ж, хорошо, что память о человеке и литераторе не изгладилась окончательно, не захлебнулась в той «бурной деятельности», которую вдова развела вокруг меня и в результате высекала себя как та, унтер-офицерская...

Теперь при визитах на родину оправдывается в доме питерской поэтессы Галины Гампер, которая тесно дружила со Львом Друскиным (они были коллегами по профессии и по несчастью, Галина тоже прикована к инвалидеому креслу, и в память о Лёве, которого считает своим учителем, конечно же, продолжает принимать и его вдове.) Объясняет Друскина, что, дескать, очень тогда обиделась на меня за критику немцев (у Г. Гампер – немецкое происхождение, и, между прочим, её отец погиб за Россию...), словом, только потому она всё это и вытворяла... Думаю, что Галя даже не поняла, зачем акцент сделан именно на немцах, она – интернационалистка...

А как же донос в Центральный раввинат, что произведение – «антисемитское»? И все остальные письма, не имеющие никакого отношения к немцам? В частности, письмо к Елене Боннэр, суть которого была в том, что объявилась в Штутгарте какая-то Бешенковская (какая – это Друскина хорошо знала, потому что я пришла к ним в Комарово, когда почти все от них отвернулись, привезла на коляске Галину Гампер), что эта никому неизвестная Бешенковская выдает себя за диссидентку и за писательницу, и с этим нужно бороться?.. А как же «обработка» соредатора петербургского журнала «Звезда» Я. Гордина, после которой он приехал как наэлектризованный в Москву, где ему в редакции журнала «Октябрь» всё и объяснили, и показали «Октябрь» с этим же «ужасным» произведением, и напомнили шот-лист главной питерской премии «Северная Пальмира» с моей фамилией, и с его фамилией – тоже, в списке членов жюри... И хотя личный друг Друскина, а значит и его вдовы Я. Гордин поначалу, видимо, тоже разгорячился, подумал, что «наших бьют», он всё-таки отказал вдове в немедленной организации разгромной рецензии по заботливо приготовленному ею набору цитат, в этом случае, само собой разумеется, уже не «антиеврейских», а «антинемецких»... И ещё «...Цветаева – сестра моя во поэзии и Ницше – брат во суровости, меня бы поняли...» -- вот, дескать, вообразила себя поэтессой, с великими себя сравнивает, в родственники набивается...

Вскоре, кстати, косвенный отклик на «Дневник» в «Звезде» появился. Прошу прощения, я забыла незнакомую мне фамилию автора (кажется, впрочем, это был Михаил Нехорошев), который писал, что в литературе немало зависит от вкусов, что он лично любит других прозаиков, но среди его знакомых, умных и образованных людей, многие с восторгом зачитываются О. Бешенковской. А как поэт я и раньше публиковалась в «Звезде», и позже – тоже. Просто это шло «по ведомству» не Я. Гордина, а другого соредатора... Гордин меня лично не знал. Он – шестидесятник, издавна член Союза советских писателей, а моё поколение оказалось, как о нас говорили и писали, «задержанным»....

На самом же деле, даже и на тот день биография моя и библиография были вполне солидны, и, между прочим, с Цветаевой меня «сравнивали» неоднократно критики и литераторы, в частности, Е. Дунаевская в журнале «Нева» в 1997 году, в рецензии на книгу стихов «Подземные цветы», на ту самую книжку,

суммировавшую подпольно-подземный лирический опыт и выдвинутую на премию «Северная Пальмира». (Пишу «сравнивали» в кавычках, потому что так вульгарно говорить о литературе волен только «жопис», а не профессионал...) Так что не стану здесь ссылаться на антологии и энциклопедии, на свидетельства авторитетов, скажем, профессора Е.Эткинда, в отзыве на те же «Подземные цветы» как бы наметившего параллель между автором этих строк и Иосифом Бродским, всё это, и многое другое, вы можете увидеть и прочесть на моем недавно открывшемся интернетном сайте. Да, собственно, и необходимость доказывать легитимность моей персоны в Германии уже давно отпала: за эти годы мне удалось осуществить несколько проектов, встретивших одобрение в прессе и в читательской аудитории, в частности, выпустить две поэтических антологии; кроме того, я стала составителем, редактором или членом редколлегии в нескольких известных в стране литературных изданиях, и редко проходит пара месяцев, чтобы какая-либо газета не попросила меня об интервью. А мой двуязычный том в серии «история женской литературы» на базе университета в Потсдаме вышел ещё в 1996 году. Акцентирую: собственноручно двуязычный! И с тех пор увидели свет, одна за другой, ещё ряд книжек: в Петербурге – на русском, а в Штутгарте – на немецком. Одна из них вроде бы и не совсем моя, но особенно греет душу: это наше совместное творчество с немецкими ребятами, которых я в школе два года знакомила с основами стихосложения и учила брать интервью. Проект этот, в финансовом отношении благотворительный, то есть, бескорыстный, придуманный евангелическим священником господином Фраем, доставил всем нам, и детям, и взрослому немало радости. А какие-то «доброхоты», добравшиеся и до евангелического священника со своим неизменным «творческим предложением» прекратить со мной всякие дела (жизнь моя на виду – все события в газетах), и здесь потерпели фиаско. Он деликатно объяснил, что у него вообще-то совсем другая община, не еврейская, да и занимаемся мы с ним вопросами не конфессии, а культуры... Причем, уже давно, и весьма плодотворно. Что в Германии только приветствуется...

(Интересно, что бы сказали штутгартские евреи, если бы к ним на Hospitalstrasse заявили мусульмане или католики и попытались вмешаться в планы комиссии по культуре?.. А как бы они вообще вошли в синагогу? Да их бы никто и на порог не пустил, там охрана покрепче, чем у канцлера. Это только все остальные церкви и общины открыты, - здравствуйте, люди! Входите с добром и миром в душе...)

Клопы продолжали жаждать крови...

А к стати, что же полезного совершила для своей такой любимой - на словах – Германии гражданка Друскина? (Чтобы уже, наконец, попытаться распрощаться с ней хотя бы на этих страницах...) Как – напрашивается встречный вопрос - что? А что она, человек в возрасте, к тому же, в специальной ортопедической обуви, наверняка, и с другими проблемами нездоровья (ничто не проходит бесследно, и та травля Льва Друскина в Ленинграде – тоже, ведь большинство обитателей Комарово после истории с дневником обходили их дачу за версту), что она вообще могла делать?.. Вот и получала пособие, то же самое, которым печатно, через организованные статейки в газеты, попрекала меня, и разводила грязь вокруг моего имени, организовывая повсеместную травлю, которая множилась в почти геометрической прогрессии... Фактически это всё, чем она занималась. Ну что ж, от каждого, как говорится, по способностям, и каждому – по его труду...

...Нет, правильно всё-таки журнал «Зеркало загадок» дал в своё время высказаться, что называется, на полную катушку Фридриху Горенштейну, что впоследствии сподобило и меня взяться за эти заметки, внутренне содрогаясь от безразличности к их «героям».

Писатель не сводит счеты: он предъявляет свой - кровный - счет... (Будьте добры, платите согласно выпитой...)

А теперь снова вернемся – ничего не поделаешь -- к травле, тем более, что она продолжается и по сей день, то несколько затухая, то разрастаясь с новой силой...

...Все эти промелькнувшие (несмотря ни на что) в напряженном и каждодневном творческом счастье годы, время от времени, измененные, как в дурных детективах, голоса смачно матерились в моём телефонном аппарате, однажды прозвучала угроза, что на этой неделе на меня наедет машина. Когда в тихом бюргерском мире вспыхнула эпидемия паники, связанной с порошком сибирской язвы, я – один за другим – получила два конверта с белой порошковой массой в голубых точечках и трусливой запиской – печатными буквами - «Смерть врагам еврейского народа»...

В полицию обращаться не стала (времени жаль, да и не терплю сутяжничества), домашним не сказала ни слова (зачем зря волновать...)

Автор «Дневника сердитого эмигранта», могли бы и догадаться, - не из пугливых. К тому же, я прекрасно понимала, что следы непременно приведут к адресам каких-нибудь старых еврейских идиотов, «поделившихся» со мной стиральным порошком из магазина «Lidl» или «Aldi». А вот скандал, что называется, «под кампанию» был бы и в самом деле на руку антисемитам, которых, увы, немало и в демократическом обществе. Мне, например, как раз в те дни один сосед, турецкий подросток, нарисовал на дверях свастику... Пришлось поговорить с ним и с его мамой. С тех пор он, уже взрослый, всегда пропускает меня вперед и предлагает донести сумку...

Ну хорошо, вправе задать вопрос вполне доброжелательный, серьезный читатель, а почему автор повести или эссе, к какому бы жанру ни приписать это произведение, ополчился всё-таки на и без того несчастных

евреев, а не на кого-либо другого? И может ли вообще антисемитизм иметь какие-нибудь объективные основания, кроме биологической (зоологической) неприязни к евреям как к таковым?

Отвечу сначала на первый вопрос. Потому речь идет о евреях, что произведение в значительной мере действительно написано как дневник. Потому, что в Германию приехали именно советские евреи, нередко пресмыкавшиеся перед тамошними властями до такой степени, что постепенно сменили свою природную ориентацию (всех нас Бог и родители задумывали как человекoв...) и по многим повадкам и рефлексам их уже впору, к моему глубокому сожалению, скорее отнести к отряду пресмыкающихся...

Да и вообще вековое унижение не может пройти для народа бесследно. Есть примеры ещё из римской истории: раб, с которого сняли оковы, немедленно хотел купить себе раба, а не стать равным среди равных... Иного счастья он себе уже просто не представлял: такая вот – изуродованная рабством – мечта...

Точно так же, увы, многие евреи в СССР стремились стать членами КПСС и возмущались у себя на кухнях (советский образ жизни и способ протеста) национальной дискриминацией, когда их туда, в правящую партию, открывающую возможности карьеры, впускали неохотно, лишь с малой квотой. Жертвы государственного антисемитизма не понимали, что судьба спасает их Души, что здесь, может быть, сокрыт промысел Божий: уйди от мирских соблазнов – они мерзки...

Именно такие, не осознавшие мерзостности своих мирских притязаний евреи, и толпились в описанном эмигрантском общежитии вокруг нашей лирической героини, - возвращаясь к исходному произведению... А отнюдь не мужественные евреи-диссиденты, которых в СССР было едва ли не больше, чем русских, но к этому времени они уже стали на Западе старожилками. Здесь наши пути фактически не пересекались. Да и они, герои 70-х, стыдно сказать, теперь выясняют в печати свои взаимоотношения, обвиняя друг друга во всех смертных грехах...

Кстати, внимательные читатели заметили, что положительных героев в „Viehwasen 22“ – ничуть не меньше, чем отрицательных. И они, между прочим, тоже евреи (других, неевреев, по этому адресу не проживало), но эти персонажи повествования не «толпились», не кричали, не докучали ни лирической героине – ни, соответственно, читателям произведения. И всё-таки автор их разглядел и услышал, и с удовольствием отмечает, что с прототипами их дружен и по сей день...

Что же касается отнюдь не биологических причин сегодняшнего антисемитизма, то евреи, разогнувшись (надолго ли?..) даже в современной России, не говоря уже о Германии (здесь еврейские общины чувствуют себя как в Индии - священные, неприкасаемые коровы), похоже, как-то подсознательно решили взять реванш за всё свое накопившееся в СССР бесправие и молчание, и так получается, что теперь только их одних и слышно на всём сдержанном фоне многонациональной страны... Подозреваю, что уже не первый раз в нашей многострадальной истории... (Многочисленные и не менее темпераментные турки, к примеру, ведут себя куда скромнее и тише...)

К чему всё это может привести - сказать нетрудно, но страшно...

(Это не мой цинизм - насчет священных коров, это цинизм тех, кто пользуется чувством вины, воспитанным за послевоенные годы в немецком народе, вернее, уже не чувством, чувства не вечны, а этим опасно устоявшимся клише, и беззастенчиво „доит“ немецкое государство якобы для блага членoв общины... Так что где здесь «корова», ещё вопрос...)

Сотни еврейских иммигрантов, прекратившие безвременно (в Германии – и не начинавшие) какую-либо разумную деятельность вследствие массовой безработицы, постигшей и настигшей нашу, уже нашу страну, сгибась от нестерпимой ноши свободного времени и не зная, куда приложить руки, размахивают кулачками на своих собраниях, яростно обвиняя в антисемитизме всех тех, кому просто не по душе торговля мёртвыми душами и они сами с их бесконечными претензиями и требованиями. (И, тем более, с надоедливими доносами друг на друга...)

Дремучее, какое-то средневековое сектантство посреди объединённой Европы.

Не говоря уже о том, что некоторые дежурные ораторы, борцы с мифическим и символическим антисемитизмом, используют 6 миллионов трупов своих соплеменников как трибуны, как ступени к «национальной» карьере, что Холокост они смеют превращать в гешефт! - Не говоря об этом, потому что об этом я просто не могу говорить!

Может, и хорошо, что в синагогу не пускают посторонних, меньше будет реального, а не придуманного антисемитизма...

В злостные антисемиты – полистайте русскоязычную еврейскую прессу, послушайте так называемые «культурные» разговоры -- один за другим зачисляются уже не только О.Бешенковская, но и Достоевский, и Чехов, и Толстой, и Цветаева... Список можно продолжить – он фактически равен списку русских писателей, которые, как правило, - всегда идеалисты и непримиримы не только к тридцати иудиним серебряникам, но и к тридцати украденным миллионам. Наконец, просто нравственно чистоплотны и, соответственно, брезгливы...

Одну из своих поэтических книжек молодая талантливая петербургская поэтесса Полина Барскова, переехавшая в Америку, так и назвала «Раса брезгливых». По крови она тоже еврейка, но отнесла себя именно к этой расе... Не по Галахе, а по Совести...

Государственные и национальные границы в семьях, сложившихся в СССР, часто проходят не по земле и

не по метрикам, а по живому: по отцу, матери, детям... Иногда мне кажется, что в руках воинствующих неопитов, стремительно и пародийно присоединившихся к устойчиво консервативным ортодоксам, – не Тора и не Коран, а нож...

(Фрау Друскина, не забудьте послать эту фразу в Центральный раввинат и главному мулле Израиля... Впрочем, я думаю, что кто-нибудь со мной и там согласится...)

«Родство по слову порождает слово,

Родство по крови порождает кровь...» --

Пронзительно сформулировал поэт и бард Александр Городницкий.

...Напомню, возвращаясь к литературе, что начать травлю русского поэта, еврея по национальности, Иосифа Бродского поручили в советское, насквозь лицемерное время, конечно же, тоже этническому еврею, воинствующему активисту-полковнику. И он от всей своей слабоумной души постарался оправдать оказанное доверие...

Лауреат же Нобелевской, уже всемирно известный Бродский говорил о себе, что он, наверное, плохой еврей, но хороший литератор...

Неужели эмиграция полностью меняет приоритеты, идеалист-интеллигент вызывает презрительные насмешки в толпе, воспринимается почтенной – раздобревшей на купле-продаже - публикой как печальный клоун, а «хороший еврей» становится чем-то вроде профессии? Да это же страшная карикатура и на капитализм, и на иудаизм, добавьте сюда заляпавший все кошелки фабричный импрессионизм – и получится издевательски перекошенная в зеркале времени картина человеческого существования... Содом и Гоморра...

Но мы, кажется, далеко ушли от темы травли, заявленной в заголовке?

Нет и ещё раз нет, она, травля, всегда и опять рядом, более того, мы как раз приблизились к её эпицентру...

Штутгарт, столица Земли Баден-Вюртемберг, правильнее сказать, - областной центр, город, на главных улицах которого мелькают (и уже примелькались) почему-то всегда надменные лица русских евреев, громко разговаривающих и бурно жестикули-рующих, возвращающихся с очередного собрания в синагоге...

Эмигранты стараются впитать в себя «новые ценности» как можно быстрее, и у некоторых, похоже, происходит внезапное «несварение мозга»... Приступы этой болезни настигают их не только в своём «семейном» кругу, но и в общественных местах иногда тоже...

Так несколько лет назад в большом, переполненном зале штутгартского муниципалитета, когда Евгений Евтушенко закончил свою поэтическую программу (это был один из наших совместных проектов с обществом интернациональной культуры «Geißt-Strasse 7», с супругами Кинцле, которые уже упоминались на этих страницах) ученически терпеливо, долго держав на весу протянутую руку, поднялся наконец замеченный поэтом господин с обманчиво благообразной внешностью, и – жажнул... Сообщил Евтушенко, что Бешенковская – цитирую в точности – «плохой еврей»...

«Бешенковская – хороший поэт, – возразил ему Евтушенко, – и вообще, не втягивайте меня в свои разборки...»

За ужином Евгений Александрович, улыбаясь, спросил меня, не отвергнутый ли это мною графоман, которому так неймётся...

В сущности, так оно и было. При всей своей доброжелательности к начинающим авторам пенсионного возраста, доброжелательности, уже вызывающей улыбки коллег, я не смогла помочь А.Богуславскому опубликовать его воспоминания, которые были втрое толще... самого журнала, и, к сожалению, безнадежно слабо написаны. Но меня (вот как бывает!) подкупила отчаянная решимость его - на встрече с Евтушенко - не очень вменяемого поступка: ведь человек – как думал, вероятнее всего, он сам – старался для «общего дела», защищая таким образом «честь семьи»: и семьи своих друзей Фундаминских, и всех обиженных мною евреев... Он был готов пострадать за «справедливость», невзирая на то, что я сидела в президиуме, не понимая, что в данном случае их «семья» -- это уже почти местная мафия...

Поэтому на следующих выборах в руководство еврейской общины я, о чем он, конечно не подозревал, отдала свой голос именно за него, полагая, что если эту энергию направить в созидательное, а не а разрушительное русло...

Ошиблась. Как мне когда-то, еще в юности, говорил поэт Александр Кушнер: «Оля, вы недооцениваете опасность, исходящую от графоманов. Что бы они ни говорили и ни делали, они не безобидны, они только и ждут момента, чтобы из зависти воткнуть вам нож в спину...»

Всегда благостно улыбающийся старичок-бодрячок, уже облаченный в невидимую мантию (не путать с талесом – ритуальные символы имеют всё-таки глубоко уходящие корни...), в мантию важной общественной нагрузки, стал выскакивать везде, где только появлялось моё имя... (Я имею в виду городские инстанции, до других, не штутгартских, ему было не дотянуться...) Словом, стал возникать как из под земли и «возникать» по поводу любого моего опубликованного материала, независимо от его темы и жанра. Ирина Духанова, редактор газеты «Вести», которую начало выпускать бюро путешествий Цекели, выслушав его пару раз и просмотрев предложенные им самим – в качестве альтернативы к моим – материалы, популярно и, в отличие от меня, не сlishком цацкаясь, объяснила «хорошему еврею», что он – просто-напросто графоман... А неведомая ей Бешенковская - (Ирина приехала в Германию всего несколько лет назад из Ровно) – поэт и

литератор в каждом своем слове... «Да Вы её еще не знаете!..» - «Как это не знаю? Писатель – это его тексты. Мне достаточно прочесть одно её стихотворение...»

Если не ошибаюсь, примерно в те же дни «Вести БВ» официально разделились на две газеты: «Новости БВ», которым я, как могла, помогала все эти три года, хотя времени для участия в прессе на региональном уровне у меня почти не остаётся, и «Известия БВ», на которые устремил А.Богуславский свою фонтанирующую энергию... Но, тем не менее, здравый человек и опытный журналист М.Воронов допускал мою фамилию «к употреблению» и в этой, уже как бы конкурирующей газете, и даже неоднократно предлагал опубликовать там мои стихи. Я вежливо обходила этот вопрос, предвидя, что «хороший еврей» его же, бедного, потом, что называется, до инфаркта доведёт... А мне и «толстых» журналов более чем достаточно, где таких (графоманство тоже имеет свои уровни...) близко не подпускают... И, к тому же, хотя я начисто лишена чванства, публиковаться рядом с этим злокачественным графоманом всё-таки не хотелось...

Жаль, конечно, что даже земельная, городская пресса дробится, небольшие локальные творческие силы – и те распыляются, но зато и «семье» не удаётся прибрать к рукам все, до последнего, источники информации и превратить их в своё пропагандистское оружие и безальтернативную рекламу «семьи»...

Справедливость требует добавить, что «семейный» рекламно-информационный листок «Импульс», ещё одна, можно сказать, почти-как бы-газета в Штутгарте, кстати, возникшая первой (честно признаться, я уже смотрю, что называется, сквозь микроскоп, ни один не то что поэт, как говорится, «с именем» – просто областной журналист не стал бы заострять внимание на издании такого мизерного - с машинописный лист бумаги - формата) но, повторяю, справедливость всё-таки требует отметить элементарную грамотность «Имппульса», что в местной прессе, увы, отнюдь не само собой разумеется, и его насыщенность информацией. Скорее всего, серьезному читателю всё это скушно, но я прошу его чуть-чуть потерпеть, ибо отношу себя к честным, добротным и дотошным профессионалам во всём, что касается печатного слова, а нынче всякое слово – печатно... В «Имппульсе» - я держала в руках некоторые номера – «всяких слов» не наблюдается, зато они жужжащими эскадрильями вьются вокруг «Имппульса»...

«Имппульс» должен появиться в этих записках ещё и потому, что именно в это издание повадился вкладывать уже в нынешнем 2005 году свои гнусные анонимки какой-то тип, с некоторых пор преследующий меня и моих близких. История попала в «Еврейскую газету», выходящую в Берлине, под заголовком «До полного уничтожения...» с подзаголовком «В Штутгарте травят поэта». (Вот наконец и прозвучало в печати это давно назревшее слово: травят...) Были опубликованы возмущенные письма В.Лившица, В.Привис, жесткий комментарий редакции и осуждение «этих недостойных анонимок» со стороны ... госпожи Фундаминской, которая тут же, со свойственным ей лицемерием, сообщила, что читатели подсказали ей: оттого для этого грязного дела был выбран именно «Имппульс», что очень уж он популярен среди народа... Она и здесь попыталась сделать себе рекламу. Руками неведомых читателей... (Не слишком изощрённый идеологический приём, но в эмиграции сходит и такое...) И всё же позвольте усомниться в истинности причины, столь лестной для печатного органа.

Отлистаем календарь на несколько лет назад...

Г-жа Фундаминская всегда почему-то тяготела к литературе, не случайно семья (здесь – без кавычек) открыла в Штутгарте всё-таки не колбасный, а книжный магазин, и на культурную программу в еврейской общине семья (тоже – без кавычек, хотя... здесь уже русская бабушка надвое сказала) активно влияла, не потому ли и оказались штутгартские евреи на обочине всех ярких литературных событий, происходящих в Германии? - Денег в кассе немного, судя по отчетам ревизионной комиссии всего – на культуру – не более ста тысяч евро в год (!..), а надо в первую очередь отблагодарить участников акции «А ту Бешенковскую – ату!..». Прошу прощения за попутное злословие, главная причина, конечно же, не в этом. (Хотя литературная программа штутгартской общины, собственно, этим себя и исчерпала, если не считать выступления гастролировавшей по всей Германии талантливой Дины Рубиной).

Не разбирается чета Фундаминских в литературе, хорошее от плохого отличить не может, книги знает только с обратной стороны, где цены стоят... Вот в чем причина. Начетчики, пустоцветы, бесталанные люди, привыкшие, видимо, как и друзья их Полянские, что связи решают всё... И собирают вокруг себя точно таких же, самоуверенных, бесталанных, а значит, и к чужому таланту завистливых. Словом, плохо, когда люди занимают не своим делом... А если ещё имеется «сверхзадача» кому-нибудь «насолить»...

Не повезло им: большинство литературных событий в Германии все эти годы, несмотря на старания «семьи», были в той или иной степени связаны с моим, ненавистным «семье» именем: и фестивали поэзии, и презентации антологий, и новые журналы и альманахи, и даже турниры любителей поэзии... Не повезло им – и не повезло жителям города. Но ведь последние сами произвели семью – в «семью»... Значит, по Бисмарку, заслужили...

Пусть поговаривают, что с «голосами» в еврейской общине происходят странные манипуляции, что сама система выборов как бы предназначена для последующего произвольного вычеркивания и вписывания, меня это всё не интересует. Захотели бы – давно подняли бы свой живой протестующий голос... Не против автора книги, которую большинство и не читало, а против тех, кто, постепенно подкапываясь к источнику материальных благ, негромко журчащему в здании синагоги, в конце концов цинично взрывает фундамент Веры...

Энергии у них – хоть отбавляй: ещё и на «литературу» хватает, правда, учитывая отсутствие ориентации в оной, на литературу в кавычках...

Очевидно, два года назад госпожа Фундаминская прознала из газет о том, что я более не поддерживаю и не «жюрию» так называемый «международный» поэтический конкурс, придуманный и взявший разбег в Дюссельдорфе, а потом распространившийся по всей Германии. (Не поддерживаю, кстати, лишь потому, что организаторы потеряли всякое чувство реальности и стали всерьёз величать всех пробующих перо поэтами, возвышая тем самым не столько их, сколько самих себя, ублажая собственное тщеславие, и по-существу принося культуре уже больше вреда, чем пользы. А саму идею – приветствую. Как говорит мой друг Соломон Ягодкин, пусть лучше пишут плохие стихи, чем хорошие доносы... И ведь немало звучит на таких конкурсах и в самом деле талантливых стихов!)

Надо отметить, что стиль мести у обидевшейся на меня за интервью «Мы и рифмы» госпожи Педаховской оказался точно такой же, как и у Друскиной тире Фундаминских: она начала возбуждать по всей Германии агрессивных графоманов и просто наивных, недалеких людей, организовывать звонки и письма в газеты... На бедных коллег-журналистов опять полилась типично советская демагогия, посвященная на сей раз уже не моей «ненависти к евреям и немцам», а моей – якобы – нелюбви к милейшим и талантливейшим людям, пишущим стихи... И начались – по тому же сценарию, что когда-то в «Контакте» -- лихорадочные поиски «блех» в моих собственных текстах, публиковавшихся в журнале «Партнер», в том же Рейнском регионе, где проживают организаторы... Впрочем, были попытки найти брешь и в «Русской Германии», но там сразу распознали этот маневр и дали бесповоротный «отлуп», не вдаваясь в частности. Тем более, что интервью, на которое так шумно и гневно дышали учредители турнира, было опубликовано именно в этой газете и некоторый нарочитый снобизм исходил как раз не из ответов, а из вопросов... (Кстати, такие провокативные приёмы нередки в «большой» журналистике, но здесь, в эмиграции, больше привыкли к «тёплой» патоке советских «многотиражек».) Словом, теперь по той же самой идеологической схеме из меня снова попытались сделать «врага народа»... Неважно, какого народа – немецкого, еврейского или народа, сочиняющего «в столбик»... Здесь уже всё с удовольствием смешали в одну кучу...

(И это при том, что из многих профессионалов, живущих в Германии, только, я, наверное, и занимаюсь почти безотказно пишущими стихи, причем на любом уровне. Публикую их и в журналах, и в альманахах, и в газетах. – Не за их счет... При каждой возможности. Единственное моё требование в таких случаях за перо с пиететом к его величеству Слову... С трепетом – к тайнам ремесла... И с уважением – к мастерам.)

Неудивительно, что слово за слово, - и наши дамы, Фундаминская и Педаховская, или Педаховская и Фундаминская, я всё же не знаю точно, кто был инициатором знакомства, быстро нашли общий язык. Фундаминская, все эти годы собиравшая вокруг себя недовольных Бешенковской, можно сказать, «выращивавшая» их (теперь уже и на общинных харчах...), объявила себя спонсором «международного» турнира в Штутгарте, пригласив Педаховскую и, судя по всему тому, что за турниром последовало, вооружив местную команду стихотворцев и рифмоплётов целенаправленной ненавистью... Собственно, сделать это было нетрудно, помятуя о словах Кушнера относительно завистливых графоманов... Они как будто только и ждали сигнала к действию...

Некий Ю.Герловин уже докучал по электронной почте Даниилу Чкония, ведущему литературного приложения к журналу «Партнёр», сообщив, что он родом из Ленинграда, и Бешенковская, враг всех евреев, всех людей на земле, к тому же, ...«стучала» там на отказников... Интересно, что об этом же осужденный всеми как «лжец и мерзавец» (отклики в «Еврейской газете»), автор анонимного письма, вложенного в «Импульс», повествовал недавно жителям города Штутгарта... Формулировки - почти слово в слово...

После второго «сигнала» от своего непрошеного осведомителя (первый был как-то смутен, полунамёками, что-то вроде разведки боем...) Даниил вымыл руки и позвонил мне... (В морду распоясавшемуся «писуну» дать не мог по причине большой географической отдалённости Кёльна от Штутгарта...)

Именно он, Д.Чкония, не скрывающий ни от кого, что служил в Москве советским литературным чиновником, никогда не позволяет себе переступить черту литературной порядочности. Он – профессионал в самом полном смысле этого слова, и честь (честь каждого присосега к бумаге слова, а не мундира...) ему дорога. Точно так же, как и мне. Поэтому несмотря на моё «левое» прошлое, с этим поэтом, критиком, а теперь и главным редактором журнала «Зарубежные записки», по уровню – ещё небывалого здесь, у меня с первых же дней в Германии оказалось гораздо больше общего, чем, скажем, с тоталитарно насаждающим демократию лишь для себя одного В.Батшевым...

Эту же фамилию – Герловин - называл мне и писатель Владимир Авцен, выступавший в прошлом году в штутгартском КСП – Клубе Самодетельной Песни. Ему, рассказывал, пришлось выступить дважды: сначала – со своей программой, а потом, когда он услышал со сцены поток грубо зарифмованной грязи, с какими-то сексуально-нездоровыми фантазиями в мой адрес, и когда люди, сидевшие в зале, вместо того, чтобы возмутиться, даже как-то дежурно похлопали, - поднялся ещё раз: «В вашем городе живет большой поэт, а вы стараетесь смешать его с последним дерьмом!».

Если что нас обоих и удивило в этой истории, то именно массовая потеря брезгливости у народа, который, как мы помним по Пушкину, безмолвствовал и во времена Бориса Годунова...

И вот именно этот Герловин, что-то, верно, пишущий, но, наверное, нигде не публикующийся, очевидно, озлобленный и закомплексованный, то ли неудачник – то ли бездарность, и явно (напоминаю о письме в «Партнер») негодяй, а также и вовсе неведомый мне В.Старшенко, до тех пор ничем себя вроде не замаравший, стали при спонсорской поддержке Фондаминой организаторами «международного» турнира в Штутгарте...

Стоит ли удивляться, что вскоре, на первый взгляд, вполне здравый Старшенко (если судить по его заметкам в газетах), выступил прилюдно с какой-то непристойной бранью в мой адрес, сначала вроде бы в рифму, а потом, когда рифм ему не хватило, ругался – с трибуны - уже просто так, без них...

Избранная ими же победительница штутгартского турнира, действительно, очень способная Виктория Привис (вот и несомненная польза таких состязаний!), при сём присутствовавшая, громко заявила, что более не хочет иметь с ними никаких дел и ни в каких их турнирах отныне не участвует... Тем более, что и кичливое (от слов и «кич», и «кичиться») действо в «столице» турнира – Дюссельдорфе произвело на неё, мягко говоря, несколько удручающее впечатление...

Предвидели бы заранее - ни за что бы к первому месту не подпустили... Но теперь с ней, вроде бы уже «королевой» турнира, ссориться не хотелось. Поэтому Старшенко объяснил г-же Привис свою агрессию: оказывается, он слышал, будто бы партия нацистов в Германии... взяла мою повесть «Дневник сердитого эмигранта» на вооружение и собирается идти с ней... на выборы...

«Они что, и русский для этого выучили?» - спросила Вика... (На вопрос, от кого он такое слышал, Старшенко ей не ответил...)

А я, когда она мне об этом рассказывала, подумала: следующий этап: «Бешенковская пила кровь еврейских младенцев...» Всё остальное уже, кажется, было... (Да и основы любой «черной мифологии» - едины...)

Подозреваю, что читателю уже давно тошно и мерзко: да это же, действительно, натуральный клоповник, причем, на самом социальном и человеческом дне, ниже, чем у Горького... И зачем известному (с этим уже никто не может поспорить) поэту обращать даже тень своего внимания на всё это зловерное копошение? Неужели так раздражает?

Да нет. И не замечаю. Просто – как Лука-утешитель – вздыхаю порой: «все черненькие, все прыгают...»

Скорее всего, Друскина и не вспоминает о том враче (о мёртвых – без иронии и кавычек), которого, может быть, именно она и убила, спровоцировав в минуту его душевного срыва на подлую «статью-не статью» в мой адрес... А теперь какой-то Герловин мерзости сочиняет, хорошо ещё, если только по собственному желанию...

Пишущие стихи, любые стихи, если они, конечно, не профессионалы, довольно часто эмоционально неустойчивы: неукротимая злоба, месть всему миру за свои неудачи, и в первую очередь тем, кому в этом же мире что-то да удалось... Хотя, конечно, к мерзости надо иметь особую внутреннюю предрасположенность. Пушкин не писал подмётных писем. Писали – ему... И ещё немаловажно, что он был профессионалом. Потому и отзывался с восторгом порой о своих современниках, поэтах маленьких. А они – о нём?..

Талант щедр. Слабенький росток одаренности скареден, он инстинктивно хочет, чтобы ему досталось как можно больше солнца. И обвиняет в отсутствии собственной силы мощные соседние кроны...

И всё-таки мне как-то жаль любых сочинителей. Не жаль – подстрекателей. Последние – в любом случае – убийцы... Даже если человек остаётся жить, они уже убили в нём всё человеческое, толкнув на подлость. Не говоря уже о том, что приглашение на подлость – это всегда и приглашение на неминуемую казнь...

С удовольствием бы перечитала (в который уж раз) Набокова, но надо всё-таки закончить это эссе. Так что пусть и читатель потерпит: ещё совсем немножко, финал (не думаю, что травли, но - текста) не за штутгартскими горами...

Кроме того, здесь я единожды – раз и навсегда, чтобы более мне к этой грязной материи не прикасаться, – решила вскрыть для себя и для читателя сам механизм человеческой подлости, а знание, как известно, множит печаль. Такое знание множит ещё и – повторяю это слово – брезгливость...

Так вот, доведём всё-таки наше, основанное исключительно на фактах, прямых свидетельствах и документах, расследование до конца...

Если неизвестный, допустим, что неизвестный (неужели за руку хватать? – потом своих не отмоешь...), анонимщик, знающий, что и ежемесячный листок еврейской общины (редактор – М.Фундаминский), и городской рекламно-информационный листок «Импульс» (редактор – М.Фундаминская), - и более, отметим, никто - настойчиво пропагандируют выступления «невменяемо-антибешенковского» г-на Герловина (на одном из них мы уже как бы побывали с помощью В.Авцена, о других тоже слышаны от испытавших шок культурных людей...), то куда же ему вложить свою клевету, злобу и невменяемость, если не в «Импульс»? Анонимщик будто знал, что за этой газетой прячутся его единомышленники...

Не учел только, что им не нужна неприкрытая уголовщина, внимание полиции, шум в «Еврейской газете» (что пошатнуло их годами обкатывавшийся миф о – якобы - антисемитизме автора «Дневника сердитого эмигранта»), и вообще им хотелось бы задушить меня в перчатках, желательно в белых перчатках, лайковых, респектабельных...

Да на этих перчатках уже места светлого не осталось...

Наконец-то это заметили даже самые доверчивые евреи («биомасса» - выражение одного из нынешних украинских политиков и истинное отношение «семьи» к людям), члены штутгартской общины. Кресло под циником М.Фундаминским закачалось, и его семья, и вся их «семья» в панике...

Я получила несколько писем от уважаемых мною людей с просьбой не выходить из общины, наоборот, воспользоваться кризисной ситуацией и попытаться взять в свои руки хотя бы литературную программу там, чтобы хорошие писатели, которых я иногда приглашаю, приезжали в большой, удобный зал, а не в пригород, в Эсслинген...

Ответила, что и поздно, и незачем.

Ничто так не отвлекает от Бога как так называемая общественная или, тем более, (хочется пошутить: кошерная, но – не стану...) общинная жизнь...

Если бы даже и без травли...

Поэтому я поневоле признательна всем своим недругам за неё, за эту многолетнюю постоянную травлю, как была когда-то в конечном счете благодарна ленинградскому КГБ за грозивший оставить без хлеба насущного запрет на профессию журналиста...

Впрочем, как говорил – не грех вспомнить еще раз – Д.И.Ювачев, «с человеком чаще всего случается то, что на него похоже...» На меня похоже: порой неожиданно для себя самоё и, возможно, в самый неподходящий, если следовать обывательской логике, момент, как рыцарь без страха (хотя и далеко не без упрёка...), вдруг нарушить всеобщую гармонию лжи, сказать вслух то, о чем многие стараются даже думать как можно тише – и встать перед разгоряченной толпой, что называется, «с открытым забралом»... А дальше уже – как распорядиться судьба, я ей доверяю...

Так что теперь - поменьше суеты и поболее подлинной жизни и сопутствующего ей внутреннего света, которого хватит не только для себя одной... И это не просто красивые слова.

Увидев, что даже меня, поэта, приехавшего в эмиграцию с некоторым литературным багажом, а на тот момент, на начало девяностых, можно даже сказать, вдруг - известного поэта в Ленинграде (что ни день – то статья обо мне или интервью со мной в газетах, вплоть до дня отъезда), здесь общими силами «мстителей» и завистников (я намеренно назвала не всех, кое-кто уже сам кое-что понял) попытались сразу, что называется, смешать с придорожной пылью, я, упрямо встав на ноги, как могла, облегчала интеграцию своим коллегам. И вообще тем чудакам, которые что-то там пишут... (Если, конечно, они не защищены ослепляющей кольчугой самодовольства...) Сегодня у меня более ста постоянных абонентов и корреспондентов в Германии. Каждому из них мне удалось хоть чем-нибудь да помочь. И пусть некоторые, постепенно оклемавшись и отогревшись, не только не оправдают надежд, но даже присоединятся к травле, пусть им станет тесно в литературе как тем, в подвале, всё равно они не отучат меня протягивать руку тонущему. И поднимать с колен павшего. И врачевать раны избитому.

Да, это ближе к христианству, чем к иудаизму, но Христос в моём понимании – первый еврейский интеллигент...

Я уже мысленно заканчивала эти записки, когда вдруг в русском бюро путешествий в Штутгарте, вполне вроде бы приличная солидная дама, заметив у меня в руках мою собственную книгу, и, видимо, не зная меня в лицо, надвинулась на меня: «Зачем Вы купили книгу Бешенковской?! Мы все договорились не покупать её книги, бойкотировать её выступления и вообще проходить мимо неё как мимо трупа...»

- Это почему же? И кто это: вы все? – любознательно спросила я, как будто никогда не замечала вдруг набычивающихся, перекошенных лиц при каждом приближении к зданию синагоги, рядом с которым находится и бюро путешествий Цекели, и удобный копировальный центр, где мне иногда приходилось бывать...

- Мы все, евреи! Потому что она антисемитка. Значит, мерзавка. А по еврейскому обычаю о мерзавцах говорят как о мертвых. Это и в нашем общинном листке написано...

...Да, видно, случай клинический... Вчерашний комсомолец, если, конечно, не член КПСС М.Фундаминский, разогнав раввинов, обучает членов общины древним иудейским традициям... Ну, не буду же я объяснять на ходу, что «говорить как о мертвых» - это метафора, и относилась она к перешедшим в иную веру, то есть, как бы – символически - умершим для еврейского Б-га... И даже это не следует понимать, что называется, один к одному, потому что традиции складывались за много веков до того, как, скажем, еврей Генрих Гейне, плохо переносивший барышников-соплеменников, принял христианство... Потому что иначе получится, что и он, и Борис Пастернак, и другие талантливые Человеки - покойники, а, скажем, мошенники и спекулянты, состоящие в еврейской общине, и гнусный анонимщик, и прочие ползающие по этой Земле твари – вечно живые...

Ну что ж, в таком случае всё правильно, моё место – среди ТЕХ, в ЦАРСТВЕ МЁРТВЫХ...

...Но почему же тогда Б-г дал талант всё-таки им, а не вам?..

ЦИТАТЫ С КОММЕНТАРИЯМИ

Сразу оговорюсь, что не цитирую здесь «статью-не статью», помещенную в «Литературном европейце» в 2001 году, в связи с тем, что автора этого текста уже нет в живых. Позволю себе сделать лишь одно, вполне безобидное, если сравнить его с содержанием статьи, замечание: автор долго и снисходительно читает мне лекцию о том, как в Германии устраиваются на работу, и сначала – утверждает он – составляют «Fertrag». Это одно из самых распостраненных слов пишется с „V“ – Vertrag. Я бы не останавливала внимание читателей на такой, казалось бы, мелочи, если бы это не было общим тоном негативных рецензий: безапелляционность безграмотности...

«... я не стану рассуждать о том, какая поэтесса О.Б., ибо не знаю такой поэтессы, сестры Марины Цветаевой и Фридриха Ницше, которая грозитя вместе с покойным Иосифом Бродским прославить мой еврейский народ (всё выделенное жирным шрифтом взято из её «дневника» в журнале «Родная речь» 2/9X Э.Л.) Поэтому я ни слова не скажу лично об авторе, а инициалы О.Б. предлагаю читать как «Одна Баба»..
«Реплика сиониста». Э.Левин. Газета „ Neues Leben“ Ausgabe 21/08 1999

Нельзя не отметить, что газета сразу отмежевалась от «баварского сиониста», опубликовав предупреждение читателям, что «реплика» опубликована в дискуссионном порядке и «LND» не несет за неё никакой ответственности. Уже со следующего номера «Новая жизнь» начала публикацию ответов Э.Левину, после чего он и обратился ко мне ... с жалобой на своих «обидчиков» и на газету...

«Создавая понятийный шум высокой концентрации и заражая читателя хроническим вербальным иллюзионизмом, «Родная речь», с одной стороны, легитимирует дезинтеграцию, а с другой, несомненно, является её вторичным продуктом...»
«Эмиграция перед зеркалом». Игорь Полянский. Журнал «Зеркало загадок» 8/99

Так о чем и, главное, для чего поднял И.Полянский такой «понятийный шум» на страницах им же выпускаемого журнала «Зеркало загадок»? Ответ оказался прост как мычание: чтобы дискредитировать «Родную речь», чтобы в конце открыто призвать авторов – и соответственно – подписчиков к бойкоту нового издания и, тем самым, легитимировать собственную нравственную дезориентацию...

«А что значит немецкое «гут»? А это слово, которое произносилось немцами, когда они «мочились на наши святыни». (Ход, достойный автора «Молодой гвардии» и Эренбурга времен Второй Мировой войны.)»
«Исповедь советской интеллектуалки». Герман Андреев. «Русская мысль» № 251 1998

Ну что тут скажешь? Ход, достойный советской пропаганды: все средства хороши, если надо ошельмовать автора... Можно и цитату перевернуть, и смысл довести до абсурда. Но с этим мы уже как будто разобрались... А вот что касается Эренбурга, то его имя не раз «полоскали» благополучно проживающие в нынешней Германии, в том числе, и евреи. Вот тут уж хочется воспользоваться аргументом Фридриха Горенштейна: господа хорошие, кто Он – а кто вы?! Это его, Илью Эренбурга, единственного «солдата пера», грозился лично повесить Гитлер! Это он, а не вы, был на передовой, под обстрелами и бомбежками... Или Вам уже теперь и Гитлер - просто один из, так сказать, «соотечественников», а борец против фашизма – «совок»?.. Стыдно-с, как говаривали когда-то благородные люди....

P.S. В этом эссе я не упомянула о первой критической статье по поводу «Дневника сердитого эмигранта», опубликованной в издававшейся тогда «Нашей газете» под заголовком «Автопортрет на фоне барака» (1998 г.), потому что автор статьи М.Сироко всё же не ставила перед собой задачу довести книгу и саму О.Бешенковскую «до полного уничтожения», хотя и эта статья тоже изобиловала разного рода личными «подводными течениями» и совершенно неоправданной амбициозностью. (Сегодня М.Сироко – литературный редактор рекламно-информационного листка «Импульс»).

Любое литературное произведение может кому-то не понравиться по самым разным причинам, и если, скажем, моя лучшая подруга, по достоинству оценив профессиональные качества текста, всё же сразу высказала мне обиду за евреев в целом, то это – её право. И я её очень хорошо понимаю: живи я в Петербурге – у меня бы просто не накопилось такого материала. Как никогда не было его раньше. Возможно, прочти я такой текст, живя там, – тоже бы удивилась и в чем-то резко не согласилась с автором. А она – здесь – быть может, написала бы ещё хлеще... Не зря же интеллигентный, тихий человек, программист Саша Аптус, с которым мы начинали эмиграцию, прочитав «Дневник» и зная общую подноготную текста и его прототипов, сказал: «пожалуй, это ещё слишком мягко...» Беда в том, что он, как и многие тихие люди, вряд ли бы решился повторить своё мнение публично...

И если крупный писатель Борис Хазанов черкнул мне записку, что вещь, на его взгляд, совершенно непричесанная, и ему нравятся только стихи, и попросил не обижаться, то я, конечно, нисколько не обиделась. Потому что ему и Татьяна Толстая – я наблюдала однажды на Франкфукской книжной ярмарке, как он её слушал – тоже, видно, не очень... – Вздыхал, морщился, ёрзал на стуле... А я, например, очень высоко ценю его эссеистику, проза же мне кажется скучноватой. Толстую же, наоборот, люблю со всей её резкостью, яркостью, притчевой метафоричностью. Кстати, мне передали, что и она, отвечая несколько лет назад на вопросы читателей (передача транслировалась по телевидению), косвенно похвалила «Дневник», сказав, что о русской эмиграции в Америке писать не собирается, знает заранее, что получится так же, как у той нашумевшей писательницы из Германии с фамилией на «ая»... И добавила: «Лихо написано...». Илья Штемлер, писатель из Петербурга, не знавший моих стихов (тоже шестидесятник и прозаик, как и Я.Гордин), попросил проживающего в Германии академика Вениамина Свирского передать мне, чтобы я немедленно бросала всякие глупости (стихи, то есть..) и переходила на прозу: ведь такой вызов сделан, такой новый прозаик явился – какие там стихи... И Свирский присовокупил к этому отзыву своё аналогичное мнение.

В искусстве, в литературе многое зависит от вкусов. Одни любят Достоевского, другие – Борхеса, а я, например, в Германии уже трижды перечитала собрание сочинений Гончарова.

Есть понятие вкуса и есть понятие уровня критики.

Уровень критики не должен быть ниже уровня канализации...

Отрадно, что ни один талантливый прозаик или поэт не написали ничего по «заказу» Друскиной, хотя она надеялась спровоцировать того же Бориса Хазанова. Ещё более отрадно, что многие писатели и читатели «Дневника» его пылко, подстать стилю автора, одобрили, я получила массу писем, часть из которых готова показать вам на следующих страницах.

Одобрили тем более горячо, чем более грязно высказывались в печати почти все «оппоненты». Да и в газетах фактически каждое негативное выступление тут же купировалось публикацией прямо противоположного мнения.

Даже на вполне вменяемую статью М.Сироко в еврейской «Нашей газете» тоже был опубликован ответ В.Тарана в одном из последовавших номеров.

А вообще в литературе почему-то всегда получается так, что все «заказанные» разгромные статьи, в основе которых заведомая месть и подлость, – одинаковы и элементарно плохо написаны, а «защитные» – назовем их так, – все разные...

(Вроде как счастливые и несчастные семьи по Толстому...)

Потому, верно, что защищавшие меня и мой текст ни в коей мере не инспирировались с моей стороны (привыкшие действовать через связи начетчики очевидно не могут себе такое даже представить). Я старалась не замечать травли. Просто нашлись, к счастью, люди думающие и честные. Возмущенные целенаправленным потоком полившейся грязи. И ещё – умеющие читать...

Авторы же «разгромных рецензий» – заведомые «мстители», непрофессионалы, часто завистники, очевидно, предрасположенные к подлости, испытывающие при погружении в грязь какое-то особое, вполне свиное счастье... И – не умеющие и не желающие учиться читать...

Бои вокруг «Дневника» шли и в интернете.

Жаркие. Молодые. С крепкими словечками.

Брань – ещё та, зато и и восторги порой – монитор вздрагивал..

В результате «Дневник сердитого эмигранта» попал в список «интеллектуальный бестселлер».

Российское посольство в Бонне тогда, в 1998 году, заказало несколько журналов в редакции «Октября», представитель посольства сказал редактору, что автор – смелый и честный человек, и всем нам надо эту повесть прочесть, чтобы лучше понять проблемы наших эмигрантов...

Сотрудники немецкого консульства в Москве одно время советовали познакомиться с «Дневником» подающим документы на отъезд в Германию. Германские дипломаты тоже увидели здесь именно проблемы и их правдивое отображение.

Историк С.А.Мадиевский сообщил мне, вернувшись из Москвы, с Международного конгресса по иудаизму, что новосибирские ученые выпустили сборник статей, связанных с еврейской эмиграцией, в котором эмиграция в Америку исследуется по творчеству В.Аксёнова, израильская «волна» – по рассказам Дины Рубиной, а поток в Германию – по моему «сердитому дневнику».

Таких задач автор перед собой не ставил.

И вообще я уже не раз говорила, что это не повесть, а скорее эссе, проза поэта.

«Прозу прозаика» я писать не умею, хотя и считаю себя профессиональным литератором, работающим во многих жанрах.

Но повесть или роман не напишу никогда, только если очень условно...

(Достаточно сказать, что проза требует большого куска физического времени и элементарной усидчивости...)

Подводя итоги этих семи лет со дня опубликования «Дневника» (7 - важное число в науке Каббалы), можно сделать вывод, что жизнь шла, а болото травли – стояло... Под самое горло...

Не захлебнулась.

Жив курилка – во всех смыслах...

На это эссе ушел блок сигарет «Пегас», присланный Мариной Юровецкой из Баварии. Мы с ней познакомились, можно сказать, по «Дневнику»... Марина – социальный работник в еврейской общине, и она, прочитав, сразу же разыскала меня и пригласила к себе. Когда никто людей не натравливает на писателя, мыслей об «антисемитизме» в его произведениях у них почему-то не возникает. (А стоит натравить – и самые любимые евреями Игорь Губерман и Дина Рубина мгновенно станут «антисемитами» и «врагами народа». В их произведениях язвительности куда поболее, просто им наши мстительные клопы на перо не попали...) Словом, тот Вечер в еврейской общине прошел в теплой и дружеской обстановке, на печальном слушатели грустнели, на веселом – смеялись. Реакции, абсолютно адекватные тексту.

И так – во многих городах Германии. Конечно, там, где не успела поработать «группа поддержки Фундаминских» или там, где её, как в недавно в Нюрнберге, корректно, но твёрдо поставили на место...

Не слишком ли им всё-таки много уделено здесь внимания?

Ведь, действительно, просто местный клоповник, и вряд ли читателям и литературоведам будет интересно когда-нибудь знакомство с «партийно-профсоюзным» бюро еврейско-русской диаспоры в немецком областном центре по имени Штутгарт, куда судьба занесла О.Бешенковскую...

Как говорил в таких случаях Фридрих Горенштейн: кто – они, а кто – я!..

Они – значительно моложе меня.

И я заранее лишаю их, и всех, до последнего, участников травли права «воспоминать» обо мне, когда - вдруг - за это станут платить... То есть, конечно, не когда, а если... Но именно травля часто заставляет писателя поверить в свои силы. И средних писателей, и откровенно слабых, как правило, просто не замечают, и они могут благополучно пригреться в клоповниках на правах как бы «своих», незаметно почесываясь в темноте одиночества...

Поэтому я должна сказать спасибо всем участникам травли за то честно завоеванное место, которое занимаю сегодня в русской литературной Германии. Будучи по натуре совершенно не «карьерным» человеком, я оказалась вынужденной отстаивать буквально каждый свой шаг вперёд, преодолевать дополнительные препоны, защищаться, что сделало меня ещё сильнее и твёрже, чем прежде. Тем более, что сила сопротивления той, советской, власти (между прочим, их власти) во мне ещё сохранилась. Организм призвал и мобилизовал задремавшие было внутренние резервы.

Особая моя личная признательность тем евреям, что решили, согласно внутриобщинной инструкции, проходить мимо меня «как мимо трупа». Потому что мне всегда жаль времени на пустые досужие разговоры, а из вежливости я не могу их прервать и, как правило, терпеливо выслушиваю назойливого собеседника.

Обращающимся же за профессиональной помощью литераторам, даже любителям, не отказывала в ней и не откажу никогда.

Но, высказывая свою своеобразную благодарность, я категорически настаиваю на том, чтобы названные здесь (и не названные – тоже) персоны, так или иначе участвовавшие в травле, не смели приближаться впоследствии к моему имени, учитывая их мгновенную мимирию: иначе вдруг почему-то окажется, что это именно они меня в штутгартской синагоге или в журнале «Зеркало загадок» когда-то и вскормили, и нежно взлелеяли...

Этими заметками я заранее избавляю своих друзей и семью от необходимости выуживать правду из лабиринтов лжи, когда...

Но – не будем, как говорится, искушать судьбу...

Жизнь и труд (для меня это почти синонимы) продолжают...

2. ГОЛОСА

(ПИСЬМА, ОТКЛИКИ, СТАТЬИ, СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ)

Письма, с которыми читатели получают возможность здесь ознакомиться, были адресованы в редакцию журнала «Родная речь», то есть, их авторы не исключали возможность опубликования своих мнений, а некоторые об этом настоятельно просили. Но и в ситуации начавшейся травли я не позволяла себе отдавать страницы литературного журнала под «рекламные ролики» своего произведения и затевать полемику с другими изданиями. Ибо жизнь свою сознательно строю обратно пропорционально обывательской «мудрости», а это, в частности, означает: что можно быку, то не дозволено Юпитеру... Редакция журнала и директор издательства придерживались того же мнения. Поэтому мы вынуждены были отказать, к примеру, г-ну Тропше в опубликовании его вполне корректного ответа г-ну Полянскому, редактору журнала «Зеркало загадок», а также нескольким авторам нашего журнала, рвавшимся в «бой» с тенденциозным «Литературным европейцем». И лишь однажды, когда г-жа Друскина начала угрожать издательству юридическими санкциями за «клевету», «Родная речь» вышла в свет с блоком писем, посвященных «Дневнику сердитого эмигранта», со свидетельствами очевидцев и участников реальных событий, описанных в художественном произведении. (Это был № 4 за 1998 г.) Журнал осуществил таким образом своё законное право на защиту.

Среди этих материалов было и письмо писателя и литературоведа В.Порудоминского, одного из серьезных специалистов в области литературы, создателя нескольких монографий. В.Порудоминский – человек в возрасте, он немало повидал на своём веку; для него реакция толпы на нетрадиционное литературное произведение – не новость...

Писатель Андрей Кучаев – известный сатирик, так же, как и В.Порудоминский, бывший москвич, тоже одним из первых высоко оценил «Дневник сердитого эмигранта». Он выступал по этому поводу в открытой печати. Здесь же я привожу его первый, непосредственный отклик на произведение, адресованный мне лично.

Что же касается Михаила Городинского, мастера более мягкой (и оттого, может быть, ещё более безысходной) иронии, писателя из Петербурга, то он сейчас, к сожалению, затерялся на просторах Германии, после нескольких переездов Михаила его координат у меня нет, в русскоязычной печати я его имени давно не встречаю и потому просто не смогла испросить разрешение на публикацию адресованного мне письма. Но всё-таки сочла публикацию возможной, потому что, во-первых, каждый профессиональный литератор понимает, что всякое его эпистолярное слово раньше или позже может оказаться в руках читателей, а во вторых, и это для меня как для публикатора самое главное, Городинский не пришел в такой безоговорочный восторг от произведения, чтобы его письмо можно было использовать в качестве рекламы тому, зато высказал несколько очень интересных, на мой взгляд, мыслей...

Вот с непосредственных откликов моих коллег, подчеркиваю, не заинтересованных во мне как в редакторе, совершенно независимых, публикующихся в «толстых» журналах России, а также с письма Ю.Лейдмана, художника и прозаика, никогда не печатавшегося в «Родной речи», мне бы и хотелось начать. А дальше вы прочтаете читательские отзывы, чаще всего, от совершенно неведомых мне людей, познакомитесь с воспоминаниями очевидцев, обитателей «Vihewasen 22», уже опубликованными однажды в «Родной речи», увидите несколько документов, свидетельствующих о травле, заглянете в газеты, об этом писавшие. Думаю, что всё это будет небезинтересно ещё и потому, что письма читателей нередко сами по себе являются почти литературными произведениями. Хороший читатель – тоже по-своему одаренный человек.

Что же касается пасквилей на автора под видом критики произведения, я их тиражировать не собираюсь. Во-первых, многие их ещё не забыли, во-вторых, желающие могут разыскать издания, в которых эти пасквили опубликованы, а в третьих, и это, может быть, самое главное: если бы даже они были «посвящены» не мне, а кому-то другому, и если бы даже не были основаны на заведомой лжи, всё равно как редактор с определённым опытом и принципами я не могу публиковать сырые, плохо написанные «статьи-не статьи»... Старалась и стараюсь никогда этого не делать, и эти страницы – тоже не исключение.

Уважаемая Ольга Юрьевна!

Читал Ваше повествование и радовался его силе, неожиданности, точности.

Сел, было, тотчас писать к Вам, но удержало чувство неловкости: что у меня за право и преимущество доводить до Вас свои суждения. Но вот прочитал ещё раз (в «Октябре») и снова был захвачен энергией и пластикой Вашего слова. Хорошо, что Вы (и как Вы) написали это. Всего Вам доброго.

В.Порудоминский, Кёльн

Уважаемая Ольга!

Ваша вещь – гвоздь журнала, она хороша, тонка, искренна., это почти новый жанр. Непременно буду перечитывать...

...«Viehwasen» великолепно. Вас будут ругать – не слушайте никого!

Судить Вашу вещь вправе только так же, как Вы, тонко чувствующий слово литератор, а не эмигрантский «фломаркт». Мне больно слышать Вашу правоту уже в прочитанных «откликах». Смотрят только с «оценочной» стороны, судят бесвкусно, безграмотно, а в голове только одно: конкурентный зуд, «борьба» за место под здешним маленьким солнцем...

Я и сам написал в «ЕЦ» нечто нетонкое и неточное, простите, «мужик» всё же...

Тронут, бесконечно тронут Вашим «Дневником».

А.Кучаев 12.09.98, Мюльхайм

Оля, привет!

Тему еврейского беженца нового типа нашего теста и поколения в Германии ты, по-моему, закрыла навсегда, сказав об этом по существу всё, что можно, а то и побольше. Общеинтересен и по-своему продуктивен был именно тот период вдохновенной растерянности, обморока воли вместе с мощным выбросом адреналина, наше в этом состоянии барахтанье, открытия, комментарии. И вот его, себя в нём, интерьер, окрестные фигуры, всё густо попершее из нас вместе с мощным инстинктом жизни, готовностью к унижениям и живучестью, вперемешку с какой-то почти заискивающей ностальгией ты выразила энергично, точно, зло и остроумно. С мозгами и достоинством русский, еврей, немец, вероятно, испытывали бы при чтении попутно с любопытством острую брезгливость к этим тараканам в банке, похоже вольно или невольно (инстинктивно) уже и самих себя пережитивших, а заодно и к автору, с каких-то высот этой банки бойко судящему евреев, немцев, и с получением квартиры чудесным образом умиротворяющемуся (что ведь тоже – подчеркиваю – и характерно, и честно). И задавали бы относительно духа всей банки те самые вопросы, которые кто только себе ни задавал, и ты тоже на страницах повести. Но это их дело, пусть защищаются, протестуют или уважают за дерзкую искренность. Мне же читать было интересно от начала до конца, несмотря на прилипавшее по мере продвижения чувство, или, может быть, благодаря ему: тебя делают свидетелем, ты слышишь и видишь то, что сам почему-то тщательно прятал, прячешь – в подушку, в стакан, в дневник (неопубликованный), в частный разговор, в молчание наконец. Но у каждого разумеется свои взгляды, вкусы, свои причины прятать или не... И все вопросы на этот счёт каждый задает себе сам...

М. Городинский, Аахен, 1998

Уважаемая Ольга Юрьевна!

Прочел Ваш «Дневник сердитого эмигранта». Смеялся так, что стены содрагались и окна звенели. Так «гогочут» у Репина «Запорожцы». Навлѣк на себя неприятность: прибежала с нижнего этажа маразматическая старушка-соседка...

Каскад остроумия, юмора, шуток, озорства обрушился на меня как водопад.

Но ваша горькая ирония не располагает к смеху. С Вами не умрёшь, а если и умирать – то не страшно. Представляю, что многие Вас не поймут или не захотят понять. Дураки и идиоты будут неистовствовать, вопить и размазывать сопли на своём безличьи. Этот глупый и ничему не научившийся мир творит похвалу только глупости.

Вы – «за всех – противу всех». Мне нравится многосложность и резкость Вашего характера, которые связаны с честью и достоинством. Вы не только лирик, но и гневный, яркий сатирик. У Вас есть слух на будущее.

Стихи Ваши мне нравятся, но судить можно, когда знаешь каждую строку поэта. В голосе Вашей поэзии угадывается магия Марины Цветаевой. Влияние её огромно для современной поэзии. Вы тоже ничего не скрываете от читателя. Жаль только, что здесь достойных читателей очень мало, нет почвы, корней, среды и языка.

Я также, как и Вы, терпеть не могу местечковых черт и акцента, хотя сам родился в маленьком городке. Человек рождается не по своей воле и не выбирает место своего рождения. Художнику не нужны «фарфоровые петербургские уши», чтобы услышать вокруг себя человеческую мерзость. Так ведь и Вы совсем не о том: Вы – противу жлобства. И для Вас, и для меня московский или ленинградский обыватель не лучше местечкового еврея. Это я прочел и Ваших строках, и между строк. И не беда, что Шолом-Алейхем не в числе Ваших любимых писателей. От этого его гениальность не уменьшится. Вы справедливо бичуете евреев, русских, немцев, бичуете с талантом классического сатирика. Но куда делся, или почему Вы его спрятали такой огромный пласт жлобства, который существует и у русских немцев? Это, мне кажется, придало бы книге особый смак.

Читая, видимо, кем-то организованные нападки на Вас, заклинаю: признак таланта и знаменитости художника, а потом – его общепризнанности заключается не в количестве, а в качестве признания. Спасибо Вам за всё.

С наилучшими пожеланиями

Ю.Лейдман, Бохум

Это были письма коллег. А теперь - впечатления от прочитанного свидетелей и участников событий, описанных в «Дневнике сердитого эмигранта», в основном, проживавших по тому же адресу: Viehwesen 22. Эти материалы, как и большой очерк Анастасии Поверенной из Мюнхена, представительницы предыдущей эмиграции, были опубликованы в 1998 году в журнале «Родная речь». (Здесь я воспроизвожу только отрывок из очерка А.Поверенной, имеющий непосредственное отношение моему «Дневнику».)

Интересно отметить, что общежитие на Viehwesen 22, с тех пор уже не раз отремонтированное, ставшее значительно приветливее и лучше и до сих пор обитаемое (теперь здесь живут соискатели политического убежища со всего мира) в прошлом году отметило свой круглый юбилей. И его начальник г-н Я. Паперна пригласил меня принять участие в этом событии.. Приехать я не смогла, но в телефонном разговоре мы вместе посмеялись над перспективой, что, если когда-нибудь в Штутгарте любители литературы захотят повесить мемориальную табличку «Здесь жила О.Бешен-ковская», то это будет именно тут, на Viehwesen 22...

(Родившийся в Чехословакии г-н Паперна умеет читать по-русски и «показ цитат» - испытанный приём интриганов - вызвал у него не обиду, а всего лишь улыбку...)

ПИСЬМА ПО ПОВОДУ

Редакция журнала «Родная речь» рада, что одно из произведений, опубликованных в журнале, а именно «Viehwasen 22», История с географией, или Дневник сердитого эмигранта» Ольги Бешенковской, вызвало живой отклик читателей и коллег по перу. Судя по многочисленным письмам, поступающим в редакцию и непосредственно автору, «Дневник» разбудил разнообразные мысли, чувства, а кое у кого - и воспоминания о начале нелёгкой эмигрантской дороги.

Коллеги же писатели отмечают в своих отзывах профессиональное мастерство автора и оригинальность найденного им для воплощения своих творческих замыслов жанра.

Не случайно и литературно-художественный журнал «Октябрь» (Москва, 1998, №7), согласно взаимной договорённости об обмене наиболее интересными материалами, выбрал из первых выпусков «Родной речи» именно это произведение, а в Санкт-Петербургской «Неве» опубликованы включённые в повествование стихи.

Правда, на общем фоне благодарностей за публикацию не обошлось и без нескольких возмущённых писем и звонков, как это всегда случается при выходе в свет острых и не тривиальных рукописей.

А одно разгневанное письмо, поступившее к нам по факсу, мы даже решили предложить вниманию читателей журнала. Критическим назвать его, к сожалению, трудно. (Для компетентной и конструктивной критики мы открыты всегда). Но то, что нам прислала читательница из Тюбингена, больше смахивает на политический донос застойных времён, только привычный для того времени уголовный штамп «антисоветская пропаганда» заменён здесь «антинемецкой»...

Чего же хочет госпожа Друскина, полагающая почему-то что сотрудники газеты должны... контролировать журнал, и охаивающая заодно (видимо, по принципу: клеймить «врага народа» - так уж клеймить...) книгу известного поэта, изданную одним из уважаемых германских университетов? — Трудно сказать... Ну что ж... Вы хотели — мы, как говорится в редакциях в таких случаях, «пропечатали»...

В редакцию газеты Коммуна

Lidia Druskin

Губернаторскими день и ночь.
Я нашла "время и возможности" прочитать "умирающая женщина" по английскому и американскому вариантам в журнале "Vielwasser 22", опубликованное в лет. изд. журнала "Родина" № 2

Принадлежит оно перу и советам "самой популярной русской писательницы" О. Баденковой, или "литературная и поэтическая известность" в Германии и за ее пределами.

При вступлении.

1. Читая и рекомендуя журнал и газету этой "догадливый человек" хотелось бы и поговорить по поводу, как он был рекомендован и издан?

2. Если нет, то кто имеет авторские права на его публикацию?

3. Когда редакция намерена представить произведения О. Баденковой на

авторские в соответствии с требованиями закона?

Насвак-Хизова

Лidia Druskin

Р.В. Слово, вставь в кавычки, чтобы указать на редакцию из "Р.В." и из опубликованных авторских О.Б. "Идеология, или Родина"

Комментарий к письмам:

Редакция «Контакта» не «напускала» на г-жу Друскину Соломона Ягодкина. Он сам на неё «напустился», потому что был возмущен её сверхактивной деятельностью, направленной на разжигание травли. Добавим, к тому же, что у «жалкого графомана» вышло на тот момент две книжки в элитарном петербургском издательстве «Борей-Арт». И почему две подборки его афоризмов она, г-жа Друскина, написавшая десятки писем во все возможные и невозможные инстанции, немедленно посчитала травлей собственной персоны?.. (Я уже не говорю о том, что не ею заслуженный статус политического беженца, похоже, развил в Друскиной что-то вроде мании величия: ну, кому, каким политическим силам она интересна и где она видела черносотенцев, свободно гуляющих по Германии? И на каком основании она посмела предположить, что у издательства «Контакт» есть связи с такими преступными группировками? Если кому и надо было после этого обратиться к адвокату, то именно издательству...)

Кроме того, выражая недовольство отпечатком в журнале своего домашнего адреса, стоявшего в факсе, и грозясь редакции судебным процессом за несоблюдение „Datenschutz“, г-жа Друскина видимо забыла, что в законодательстве Германии есть и такая, более сурово наказуемая статья как „Rufsschaden“, чем она занималась умышленно и упорно, и что подтверждается её же письмами и свидетельствами очевидцев.

Фрагмент же письма с «конструктивной критикой», о котором упоминает Друскина **и не возражает, чтобы оно было опубликовано**, мы воспроизводим здесь. О том, насколько оно «конструктивно», предлагается судить читателям...

Я же только хочу обратить их внимание на тот факт, что Борис Хазанов, как и следовало ожидать, имел своё, всё-таки отличное от навязываемого ему мнения, о «Дневнике сердитого эмигранта», а профессор Вольфганг Казак совершенно определённо заявил мне, что «ничего по чужому указанию» не переводит, хотя, действительно, в сердцах выбросил тогда моё имя из готовившейся статьи. Но в впоследствии восстановил текст.

Реакция Я.Гордина прокомментирована и объяснена в предыдущей главе. Статья Г.Андреева (Файна) вышла в «Русской мысли». О ней мы уже говорили подробно.

Относительно «полного совпадения мнений» Друскиной и других её адресатов я судить не могу, поскольку в печати никто из них по этому поводу не выступил. Так что оставим это утверждение на её (или на их) совести...

Томясь сй возмущённого ВВ Куркина
курят и кайфа Ваще произведет амор-
раском, и связалась с профессором Ключо,
Маллером и Козалом, а также с г-ом Баров-
ским, "человеком состоящим из души" и Г.
Вёрном. Ч в дружески альтернативном смысле

Ключо был Абрама, а нам перевернул
наиболее "интересные" пассажи из "Ull"
Тюбсбургский именной отовсейски состо-
вил резане и резане его по формуле ун-го, и
в том числе и в Оверсигнамент ВВ.

Кроме того Ключо был там факель и камп-
ешии пива в "Русская атом" и "Кампак", в

Landesvolkstat ВВ, музейный Ost-West Gesell-
schaft, в Вунтертаасский проект ВЗ Комитета,
Christ-Judische Gemeinschaft и частные
музы.

Я также говорила с Б. Розановым и граф-
Т. Фрейлом (Виртсбург). Не забудь о Ваще
наконец меня полностью удовлетворен, если
но это процессивов совнархоза с меня смонти,
и членство: под флагом русской литературы и
ей её члены ВВ приморские итйайтале
амителетелеми, амитерганеме и амит-
гуманити преи.

Ольга Бешенковская
как зеркало новой эмиграции
(О повести «История с географией,
или Дневник сердитого эмигранта»)

ПОЭТ И ФИЗИК

Повесть Ольги Бешенковской заставляет меня признаться в собственном графоманстве. Не признавался я в этом грешке ни самой Ольге Юрьевне, хотя желание показать профессионалу свой опус становилось во время разговора порой навязчивым, ни своим близким.

Повесть об эмиграции я начинал писать сам. Многократно. В подвале общежития. В общежитии. В своей квартире. В чужой квартире.

После очередной попытки написать нечто осмысленное и проанализировав написанное, я пришел к выводу о бесперспективности этой затеи. Я понял, что для написания эмигрантско-еврейско-немецкой повести (или антиэмигрантской, антиеврейской, антинемецкой, как была бы эта повесть расценена значительной частью читателей) необходимо не бойкое изложение анекдотичных историй из жизни «среды обитания», и не строгим языком воинского устава написанная инструкция из серии «Как в Германии встать на социал и стоять до последнего» (варианты «Как в Германии найти работу», «Как в Германии делать вид, что никак не найти работу», «Как в Германии найти мужа», «Как в Германии потерять жену», и.т.п.). Нужно было нечто большее...

Закрывая последнюю страницу повести Ольги Бешенковской, понимаешь, чего тебе самому не хватало (не хватало-то до уровня Бешенковской невообразимо много, но это, видимо, главное): лирики. Именно лиричность повести, определенная тем, что автор – поэт и по литературному опыту и по жизни, делает ее Литературой. Лиричность повести не только в страстных, личных, иногда интимных стихах, вписанных в прозу. Лиричность повести в стиле изложения событий, личных переживаний, даже в самых ядовитых высказываниях. Лирика господает читателя, это ведь не про коров на лужайках, не про последний поцелуй и не про первый минет. Лирика — это позиция Личности Автора. Но, впрочем, о роли Личности (Ольги Бешенковской) в Истории (с географией) чуть-чуть ниже...

РЕЗОНАНС *«Родная речь» № 1 (4), 1999 197*

ПОЭТ И РАССКАЗЧИК

Мысль моя глубока и оригинальна: Эмиграция — тяжелое испытание, эмигрант, который берется за написание автобиографической повести, должен выбрать интонацию так, чтобы не скатиться к мазохистскому любованию собственными страданиями. Иначе рождаются произведения, мною почитаемые, кстати, вроде «Это я, Эдичка!» или «Бодался теленок с дубом» (Солженицынская вещь, хоть и не про эмиграцию, но всё про то же: «Ах, как мне было тяжело с ними со всеми бороться»... Ударение на МНЕ ТЯЖКО).

Эмигрантские повести Сергея Довлатова, с которым Бешенковская была хорошо знакома, наилучшим образом подходят для сопоставления с повестью «История с географией».

Довлатов сам любил подчеркивать, что он рассказчик. Рассказчик отстранённо-иронично излагает происходящее. Вместо спасения у Довлатова появлялся спасительный цинизм, который и помогает выжить, который смягчает трудности восприятия новой, жесткой, непривычной жизни.

Бешенковская – поэт. Ее спасение – поэзия. Поэтический нерв, личная вовлеченность в события книги, явственно выраженная позиция автора, горький сарказм, а не отстраненная ирония, обобщения (пусть не всегда бесспорные) объясняют притягательность этой книги. Проза в повести эмоционально выдержанная, аналитическая, местами сдержанно-личная, местами философская, несет на себе отпечаток личности Поэта. Поэт же раскрывается в стихах, тонких, сильных, переполненных эмоциями.

ПОЭТ ПРОТИВ ТОЛПЫ

Подзаголовок-то неправильный. Поэт не против толпы. Он над ней. Он над толпой евреев, немцев, эмигрантов, профессоров из Москвы и черновицких торговцев, немецких графоманов и российских псевдолитераторов. Он не против евреев и не за немцев. Он против тех, кто в родной речи называется хлестким словом «чернь». Он не за тех, кто с умным видом рассуждает про «трактовку парадигмы у Кафки», а потом обманывает гадко и мелочно. Он симпатизирует людям независимо от их национальной принадлежности, образования или происхождения. Он за тех, кто по духу своему не принадлежит к толпе (отличаться от толпы ростом, носом или родным языком не обязательно).

Виктор Ерофеев сказал, что бесполезно рассказывать про вкус хорошего французского вина тому, кто привык к бормотухе. Ольга Юрьевна назвала свой журнал «Родная речь». Идеализм Поэта проявился и здесь. Какая уж тут родная речь! Оля, для кого Ваша речь, Ваша проза, Ваши стихи, Ваши аллюзии, Ваши философские эссе, Ваши ссылки на Ницше и Гессе родные?! Много ли таких?! Не Вы ли писали про „Muttersprache“ и „Vaterland“?! Язык, на котором говорили матери многих Ваших читателей, и Ваша родная речь имеют общего не больше, чем принц и нищий (точнее, чем нищий и принц).

Есть ведь и люди, которые «Мастера и Маргариту» воспринимают как развлекательную вещичку. Будут люди, которые Ваше произведение будут рассматривать как антисемитскую выходку. Или как антинемецкую провокацию. Или как антиэмигрантскую инсинуацию. Или как месть бабе Мане за пол невымытый. Ну да и Бог с ними, собака лает, а караван идет...

Николай Михайлов

(Он же: Костик, один из персонажей повести)

В редакцию журнала «Родная речь».

Очень благодарна автору «Дневника сердитого эмигранта» за удовольствие прочитать книгу. Автору присуще обостренное чувство юмора, которое часто переходит в жесткую сатиру, не без злости, но и не без горечи. Глубок психологический анализ поведения людей, которые (все такие разные) но, в силу сложившихся обстоятельств, по разным причинам оказавшиеся вместе на маленьком пятачке на чужбине. У них всё впереди и всё не так безнадежно, как сразу кажется. Многих эмиграция «погребет» как личностей, многих вынесет на поверхность. Но всё это потом. А сейчас надо выжить и не потерять при этом человеческий облик.

Книга Ольги Бешенковской многопланова, автор умеет и посмеяться над собой, и погрузить со своим героями. Хочется пожелать книге долгой и доброй жизни. И ещё большое спасибо за отличные, включенные в повесть стихи.

С уважением, Софья Попова, Штутгарт

...Вашу повесть мама «пустила по рукам». Приличная публика смеется от души над некоторыми эпизодами. Многие задеты из-за принадлежности к «нелюбимому» народу. (Пишу, зная Вас, это прилагательное в кавычках...) Но «сердцу не прикажешь» и невозможно обязать автора литературного произведения горячо и самозабвенно любить своих героев. Тем более, таких... Я не думаю, чтобы Салтыков-Щедрин или Гоголь пылали страстью к своим персонажам. Но последние не стали от этого менее правдоподобными.

З. Гдалевич, Франкфурт-на-Майне

Прочитала книгу, многое вспомнилось. Много было тяжелого, необъяснимого. Всё! Казалось, жизнь закончи-лась. Хорошее всё уже позади.

Всем было плохо. Когда-то, в той жизни, все были индивидуумами, очень талантливыми и остроумными, и, что наверное главное, очень уважаемыми, и вдруг – такие немые, глухие (от незнания языка, обычаев) и очень нелепые в этой добродушной, уютной стране.

Теперь, оглядываясь назад, когда всё позади, смеюсь, читая грустную, очень грустную остроумную историю, написанную добрым, совсем не сердитым человеком, которого я узнала и полюбила за эти годы...

Н. Линде, Штутгарт

190 «Родная речь» № 1 (4), 1999

РЕЗОНАНС

СНОВА О VEHWASEN 22

(Заметки очевидца)

Увесистым камнем упала в тихий пруд еврейской жизни Штутгарта повесть Ольги Бешенковской И взбаламутился ил, и пошли по пруду волны. Сперва от камня к берегам-читателям, затем, отражённые и преломлённые берегами, в разных направлениях, с различными скоростями и амплитудами, так что возникли водовороты критики и злобы, цунами восторга и благодарности. Не думаю чтобы кто-нибудь остался равнодушным, прочтя повесть. И уверен, что не все прочитавшие сумели её оценить, ведь для понимания серьёзной литературы недостаточно знать все буквы алфавита и уметь складывать из них напечатанные на бумаге слова. И «верхнего» образования, не подкреплённого интеллектом, способностями к анализу и самокритике тоже недостаточно. В силу того, что я тоже жил довольно долгое время по адресу «Viehwasen 22», мне (посчастливилось? не посчастливилось?) выслушать разные мнения по поводу произведения Ольги Бешенковской. В диапазоне от «достойно Нобелевской премии» до «гнусный пасквиль». И даже такие: «Я, правда, сам не читал, но мне сказали что это ужасно! Как можно ТАКОЕ писать?» Или: «Это клевета! Таких хаймов нет и быть не может!» Тут просто хочется расхохотаться в лицо. Может, господа хорошие, может! Не всем удалось пожить в таких хаймах, некоторые почти сразу же в социальные квартиры въехали, раньше эмигриро-вавшими родственниками к их приезду приготовленные. Но таких, лишённых нормальной эмиграции, мне жаль, как было бы мне жаль, скажем, лишённых детства. Из квартиры там — в квартиру здесь, и дальше - глухонемой куклой в сопровождении тех же родственников по „АМТ“-ам ... Так-то оно, конечно, проще, да уж больно скучно. И адаптации не способствует. Поэтому пожившие в таких хаймах богаче не

поживших, как путешествовавшие — богаче не путешествовавших, служившие в армии — богаче не служивших, и так далее. Это богатство, которое, как и здоровье, не купишь, обычно называют жизненным опытом. И человек с достаточным жизненным опытом не должен с позиции Фомы неверующего отрицать что-то, базируясь лишь на том, что он лично там не побывал. Наверняка большая часть человечества не ступала ногой, скажем, на остров Мадагаскар. А ну как все дружно возьмутся утверждать, что нету его, раз они не видели?

На Viehwesen 22 мы (ехали две семьи вместе из Киева) попали не сразу. Сначала добрались до указанного нам в письме общежития в Эсслингене, того самого, где к тому майскому дню 1992 года уже проживали некоторые действу-ющие лица повести, включая автора. Тут выяснилось, что мест в доме нет, всё забито от подвалов до чердаков и нам нужно немедленно просить администрацию об отправке куда-нибудь, например, в Ванген.. Это такой чудный уютный городок на юге Баден-Вюрттемберга, от него рукой подать до швейцарской границы. Всю эту информацию нам услужливо выдали соотечественники, почему-то предпочи-тающие мучения в тесноте чердаков и подвалов роскошному курорту на швейцарской границе. Как выяснилось много позже, отнюдь не все в этом хайме ютились так, как герои повести. Некоторые были устроены весьма комфортабельно, жили уже довольно долго там и неплохо ориентировались в обстановке. Именно эти «доброжелатели» и встречали новоприбывших советами уезжать в другое место, опасаясь, чтобы их не потеснили. И не случайно никто не захотел показать нам хотя бы, как выглядят комнаты. Спасибо, хоть позволили в туалет сходить.

Через пару часов у нас уже были оформлены документы в Ванген, пришел микроавтобус и мы поехали. Не прошло, наверное, и четверти часа, как мы почему-то свернули с трассы и за окнами замелькали какие-то фабрики и заводы. «Неужели швейцарская граница так близко? Не может быть», - думал я. Но уже приехали и отворились железные ворота, бусик въехал на территорию лагеря и его сразу окружили африканцы. «Будут бить», - почему-то решил я. Бить нас не стали, но сразу похватили наши вещи и поволокли куда-то. С чемоданами пришлось мысленно попрощаться, но через несколько минут мне стало стыдно за свои мысли. Эти парни просто хотели нам помочь и перенесли наши увесистые сумки в предназначенную для нас комнату. И в дальнейшем никаких проблем у нас с африканцами не было. Это оказались весёлые, дружелюбные ребята. Некоторые знали русский после учёбы в СССР, всегда готовы были искренне помочь, объяснить. Какой контраст между ними и нашими земляками из Эсслингена! Ведь те отлично знали, в какой Ванген мы едем. Вангеном называется та часть Штуттгарта, где находится улица с романтическим названием Viehwesen...

Итак, нас поселили в бараке, две семьи в одну комнату. Что ж, лиха беда -начало. Вскоре удалось нам разделиться, хотя мы были почти уверены, что будем вынуждены жить так долгое время. Но это не очень смущало нас, так сильна была жажда начать новую жизнь. Разумеется, своей отдельной комнате мы были рады. Но чувствую своим долгом описать картину, которую мы застали при вселении в эту комнату. (Это исключительно для тех, кто кричит «Клевета!»). Итак: дверь в комнату. Замок едва держится в двери, выпадает из неё, потому что дверная фанера расщеплена и разбита. Дверные ручки можно двигать в любых направлениях, но только благодаря им замок всё же не валяется на полу. Вдобавок в двери зияет дыра - пожалуй, и кошка пролезет. О тараканах и говорить нечего - где их нет. На нашем этаже крысы, правда, не замечались, зато во дворе их было достаточно. Дальше: комната. Если иметь воображение, то можно себе представить и более грязные стены (самые «живописные» места мы потом рекламами мебели и ковров заклеивали, улучшали одновременно интерьер). Вся мебель, кроме железных кроватей, была поломана. Деревянными монстрами возвышались скелеты шкафов. Стулья приказали долго жить. Ноги стола, отделённые от туловища, валялись под

кроватями. Окна, правда, были целы и маленький холодильник исправен. Для полноты картины не хватает ещё слоя грязи на полу и всех предметах. Но разве может всё это смутить людей, собирающихся начать новую жизнь? Грязь отскребается и отмывается, дверь и мебель ремонтируются подручными средствами, ведь все нужные инструменты лежат в чемодане. А за материалами далеко не надо ходить - вон их гора целая за соседним бараком: поломанная мебель, электрорадиотехника и т. п. Тогда мы ещё не знали слова «Sperrmüll» и не понимали, откуда это и почему. Но это было неважно. И вот дверь получает пластыри, заплатки и шурупы, замок садится в своё гнездо, - можно жить. Стол и стулья возвращаются в своё первоначальное состояние, из фанеры и досок выпиливаются полки для шкафов, приводятся в порядок дверцы, - пора браться за общественные места.

Разумеется, всё загажено. Это бы ещё ничего, благо, вода имеется. Но из 10 электроконфорок на кухне 4 не работают. Остаются 6 на 6 семей. Хоть и поровну, а мало. Но можно попытаться сделать, лишь бы не понадобились запчасти. Запчастей не потребовалось, через два часа все конфорки исправны. Хуже с душем: умывальник с душем вместе, значит очереди запрограммированы. Окна в душе нет. То есть, оно есть, но вырвано с мясом из рамы и мирно стоит на полу.

Пока на дворе июнь, тепло и приток свежего воздуха приятен. Но от двух душевых кабин остались только фундаменты, «украшенные» торчащими из них кое-где осколками оргстекла. Зато с водой перебоев нет - ни с холодной, ни с горячей, тут всё о'кей. Правда, закрыться в этом умывальнике-душевой нельзя, так как замок, конечно, сломан. Но и это не страшно, сначала муж дежурит в коридоре, а после приходит и вовсе гениальное техническое решение: с уже упомянутой помойки за бараком приносится доска нужного размера и стеснительные жильцы ставят её изнутри распоркой между стойкой умывальника и дверью. (А если бы дверь наружу открывалась?) И окно ставится на место, фиксируется там и для подстраховки забивается толстой доской посередине, ведь на этаже живут и дети, а весит оно - не дай Бог. Конечно, теперь окно служит лишь источником дневного света. Но это всё ещё цветочки. Вот в туалете - там уже ягодки. О такой ерунде, как окно, тут и упоминать стыдно. Из двух рядом стоящих фанерных кабинок пользоваться можно отчасти одной. Унитаз к полу почти не приверчен и пляшет, как мустанг под ковбоем, а если после свершения дернуть за верёвочку, то изрядная доля воды из сливного бачка льётся просто на пол, может и ноги облить. А во второй кабинке и этих удобств нет. Значит, занимаемся первой. Умудряемся укрепить унитаз, ликвидировать течь. Но что делать с дверьми? На две туалетные кабинки имеется одна дверь, лежащая у стены. На ней даже сохранились оба шарнира, а точнее, их верхние половинки. А вот нижние на обеих кабинках начисто отсутствуют. И как же теперь эту дверь навесить? Входная дверь в эту, простите, парашу никакой защёлки не имеет. Выходит, снова ставить мужа в коридоре? Выход из этой ситуации лежит всё на той же помойке. Находятся два толстых гвоздя, изгибаются, забиваются, фиксируются. И дверь висит. (Так она провисела года полтора).

Можно было бы ещё порассказать о быте на Viehwesen 22, например, о проблемах со стиркой, или получением почты, или о вымалывании у хаусмастера мусорных мешков для кухни. Но речь не об этом. Ведь повесть, хотя и носит название «Viehwesen 22», не является произведением только об этом хайме, и, тем более, о его бытовых условиях.

Это художественное произведение с глубоким философским смыслом и стихами автора, органично вписанными в текст. И уж ни в коем случае это не лёгкое чтение в перерыве между яичницей и кофе или футбольными таймами. Так отчего же сыр-бор разгорелся? Сторонников и приверженцев повести, к которым отношусь и я, анализировать неинтересно. Хороший отзыв - он и есть хороший отзыв, тут более-менее всё ясно. (Не путать с комплиментами. Комплимент - это зачастую сладенькая ложь в

красивой упаковке, надушенная подхалимажем. Но настоящим Профессионалам комплименты не нужны, так же как и сомнительная приставка «известный» перед фамилией. Профессионал - себе цену знает.)

Итак, у повести есть и немало противников и критиков. И это нормально, совсем не обязательно должны все люди быть одного мнения. Что же вменяется в вину автору? Опираясь на выслушанные мною негативные отзывы, рискну сделать вывод:

- а) критическое восприятие страны проживания;
- б) критическое восприятие евреев;
- в) резкость суждений.

Не мне с моим сугубо техническим образованием судить писателей. И о литературе тоже могу рассуждать на уровне дилетантском: нравится — не нравится. Но как рядовой читатель, для кого, собственно, и пишутся литературные произведения, выскажу своё мнение по спорным пунктам.

Сперва о критическом восприятии страны проживания. Сразу скажу, что в этом вопросе я с Ольгой Бешенковской мало солидарен, так как воспринимаю многие вещи иначе. Но это же не повод лишать точку зрения и позицию автора на существование.

Другое дело - евреи. Уточняю: бывшие советские евреи. Тут я хочу снять шапку, поклониться баракам и сказать: «Спасибо тебе, Viehwesen 22, за то, что помог мне узнать мой народ». Одно дело, когда несколько миллионов евреев рассеяны по Союзу. И совсем другое, когда 200 из них собраны вместе. Немало людей с прекрасными человеческими качествами посчастливилось мне узнать за время жизни в хайме. С некоторыми из них и по сей день дружим или поддерживаем отношения. Если бы такие люди преобладали... Увы. В Вангене (наш хайм мы называли просто Ванген) после первых нескольких месяцев открытости и веселья стала постепенно возникать и сгущаться атмосфера неискренности, подорительности и отчуждённости. И стали лопаться подчас старые, долголетние: связи и дружбы. Да и не удивительно, если друзья вдруг находят (или думают, что находят), к примеру, скорейший путь к получению квартиры и начинают прятать письма и врать друзьям (ведь они конкуренты!) - то к чертям собачьим таких друзей. А было бы достаточно квартир, не жили бы в хаймах - и дружили бы дальше, не зная с кем, ходили бы в гости, не зная к кому. Поэтому я повторяю: «Спасибо тебе, Viehwesen 22, что ты был в моей жизни». К сожалению, хитрость, граничащая с подлостью, встречалась не так уж редко. Не думаю, чтобы это была беда одного нашего хайма. Подтверждением тому служит хотя бы уже описанная история нашей отправки на «швейцарскую границу». Нельзя не упомянуть и о такой важной черте характера некоторых представителей нашего контингента, как гордость. Но не та, врождённая благородная гордость римских патрициев или русских аристократов. Такая тоже есть, но встречается много реже другой. Та, другая, лично мне неприятна. Это маска, по которой безошибочно выделяю в толпе представителей советских евреев, носящих её. Кто не видел эту маску? Брезгливо поджатые и одновременно выпяченные губы, надменный взгляд Агамемнона и печать на лице под названием «мне все должны». Такой вид, возможно, годится для светских раутов и приёмов, следовало бы снимать его хотя бы на время походов за социальной помощью или на распродажи в дешёвых магазинах, чтобы не выглядеть смешным. Ряд черт еврейского менталитета не остался незамеченным Ольгой Бешенковской. И вот её повесть вышла в свет. Сначала было тихо, потому что большая часть бывших жителей Viehwesen 22 молодой журнал «Родная речь» не выписывала, а потому и не читала. Но лавиной прошёл слух и журнала уже не достать и не найти, на прочтение записываются. Но что происходит в этот период? Это просто замечательно, поскольку типично.

Поздний вечер. В квартире раздаётся телефонный звонок. Хозяйка берёт трубку. Алло, Софочка? (Верочка, Анечка...) Вы уже читали? Как, ещё нет? Ой, там о вас такое...» И оглушённая Софочка выслушивает о себе жуткие подробности, с наслаждением

сообщаемые ей «подружкой», которая, кстати, сама не ещё читала, но пользуется моментом выложить Софочке всё, что она о ней думает... Потом «подружка» желает «спокойной ночи» и набирает следующий номер... Какое уж тут «спокойной»! Софочке уже не до сна и нет покоя, пока она сама не прочтёт эту повесть. И вдруг, дочитав до конца, не обнаруживает о себе ничего. Это может быть ещё обиднее. «Меня просто не заметили, хотя я там тоже была!» Ну, а если кто-то узнал себя в повести, несмотря на изменённое имя, значит образ схвачен правильно и написано верно. Но какой неповторимый шанс появился выказать свою преданность синагоге! (Ведь и её не обошла им вниманием автор повести). И организуются походы с заверениями и клятвами в непричастности и несогласии; и делаются (кем?) переводы «нужных» мест на немецкий; и услужливо подсовываются «пострадавшим». А сами «пострадавшие», может быть, и не чувствуют себя такими уж пострадавшими, но их же не оставят в покое угодливо суетящиеся дамочки, способные сделать любого гораздо несчастнее, чем он есть. В общем, критика на евреев в повести, вовсе небеспочвенна. Слышу немой вопрос: «А ты сам кто?» Отвечаю: «Не волнуйтесь. В моей родословной не было ни одного нееврея».

Ну, и о резкости суждений автора. Да, действительно, резкость Ольги Бешенковской граничит порой с безжалостностью. Но многие ли читатели возьмутся обвинять её в искажении фактов? А правда - она, бывает, и глаза режет. Для создания этого произведения автору, кроме писательского мастерства и знания предмета, необходимо было ещё и мужество, качество, к сожалению, переходящее в среде нашей эмиграции в разряд дефицита. И я желаю Ольге Бешенковской дальнейших успехов как в прозе, так и в поэзии.

Евгений Смертенко, Штутгарт

«ХОЛОДНЫЙ НЕУЮТ СВОБОДЫ»

Родная речь» № 1 (4), 1999

Анастасия Поверенная

«...И вот глаза впиваются в первую строчку необычной и по жанру, и по манере повести: «..НЕНАВИЖУ...особенно немцев и евреев... Нет, все-таки евреев и немцев...». Потом читаю название «Viehwasen 22, История с географией, или Дневник сердитого эмигранта» более пристально, вчитываюсь и настраиваюсь на ритм повести-дневника, и... понимаю, что буквальная, плоская вера в каждую, начиная с первой, фразу автора, Ольги Бешенковской, по меньшей мере, наивна. Под маской «сердитого эмигранта» - волнующийся и страдающий автор. И мне уже кажется, что мы сто лет знакомы и дружны. Сочувствую грусти и печали, временами хохочу вместе с ней, вижу ее ироническую улыбку и бесовские искры в глазах..

Часто читаем: редакция не несет ответственности за... А мы, уважаемые читатели, несем ли мы ответственность за *не-понимание* автора? Не выдерживаю и звоню.

- Ольга, скажите, НЕНАВИЖУ - это что - позиция или поступок?

- Конечно, поступок.

И я благодарю ее и за журнал, и за повесть.

Не позиция - поступок. Позиция - это принцип и тут стоять надо насмерть. Поступок можно понять, объяснить. Зачем Бешенковской понадобился риск - оттолкнуть от себя первой же фразой только что приобретенную публику и нового читателя?

Повесть напечатана, стало быть, и вход в хайм Viehwasen 22 для посторонних уже не запрещен. Я хочу поговорить по душам не с автором, а с обитателями этого общежития.

Почему не с автором? Да потому что Бешенковская не только прозаик, но и известный поэт и у поэтов такого склада в России всегда с властями был разлад, а с жителями хайма естественно, разный жизненный опыт. Не случайно в повести она дважды говорит об этом:

«...Поэт угрюм, поэт не вхож, ни в правительство, ни в храм,
Не посещает он, как Бог, молений в собственную честь...»
«... И представьте себе, был поэт абсолютно в себе,
И не прочил себя ни в министры, ни просто в Мессии.»

Итак, я хочу говорить с обитателями этого общежития. Не прошу персональных нар, мне хватит места за столом.

Дневником этим, «сердитым», резким, жестким до жестокости, автор баламутит «эмигрантское болото», заставляет обитателей хайма Viehwesen 22 заглянуть глубоко в себя... устыдиться - и освободиться от того, что не дает им придти к взаимоуважающей и взаимоуживающей гармонии отношений *Они — Мы...*»

Далее Анастасия Поверенная рассказывает о своем опыте эмиграции, о своих немецких друзьях, о том, как надо избавляться от иллюзий, но не от Веры... Очерк довольно объемён, и потому я, к сожалению, не имею возможности воспроизвести его целиком.

...Пока г-жа Друскина суетилась, разжигая и раздувая травлю вокруг автора «Дневника сердитого эмигранта», в редакцию шли письма читателей, искренние, взволнованные, не придуманные, не «заказанные», живые, тёплые, горячие, обжигающие... У меня хранится большая папка таких писем и, что характерно, наши неожиданные корреспонденты часто не только восхищаются (это вовсе необязательно, хотя, конечно, приятно любому автору) – они спорят, рассказывают о себе, делятся болью и радостью...

Бешеная Ольга ... на!

Не знаю, из какого старорусского закоулка моей еврейской души выплыло это полузабытое слово, которое сочетается с обгрызанным, на западный манер, кургузым обращением лишь по имени не более, чем фрак с джинсами, а требует обязательно «имени-отчества», коего не имею... Поверьте, нет цены тому упоению словом, которое испытала, читая Вас во второй книжке «Родной речи». По первому разу сглотнула всё, как давно некормленная псина, обсасывая как самую сахарную, мясную косточку, упиваясь не столько тем, о чём написано, сколько тем, как написано. Мне кажется, я тоже, как и один из Ваших героев, обладаю талантом искренне восхищаться талантом других (конечно, в пределах моего понимания). Так вот, здесь я могу воскликнуть «Мы в восхищении!!!» Какое владение словом, какими тонкими инструментами обработаны мысли! Даже Ваш «скобочный» стиль восхитил, когда фраза уже плотно укомплектована словами, а есть ещё аргументы и нюансы, которые просто необходимо оправить вдогонку... Вы используете скобки как прицепной вагон в час «пик». По второму разу я читала уже как бы беседуя с Вами. Мне весьма импонирует Ваш темперамент (оправдываете фамилию или же это псевдоним?). Я не так резка (нет, не то, не так аргументированно резка, многое не приемлю просто на уровне чувств). Поэтому Ваш «антивсехизм» иногда кажется мне перебором.

Начнем с немцев. Разве Вы не замечали, что первым начинает смеяться над ситуацией сам пострадавший, а окружающие как бы подхватывают этот анестезирующий смех, как бы говоря этим: «Ничего, дружок, сейчас мы вместе пересмеём твою неудачу», и активно помогают. Так что национальную черту – посмеяться над чужой бедой – я трактую совсем по-другому. И мне обидно, если такого писателя заочно зачислит в свои «солисты» наш вездесущий «черновицкий хор», вдохновенно льющий своё недовольство на аборигенов. Впрочем, эти книги не читают, и, как Вы правильно заметили, в Черновцах родились и талантливые поэты, так что не будем придираться к месту рождения.

Мы сами приехали из Кишинёва. Это столица с великолепной интеллигентной прослойкой, географически не очень далеко от Черновцов. Так вот, общий с Румынией отрезок истории оставил такую информацию.

Накануне войны при фашистском правительстве Антонеску был некто Куза, организатор партии, идеология которой полностью отражена в названии их газетки «Контрожидане». Этот Куза оставил такую сентенцию. Он, дескать, не сторонник физического уничтожения евреев. – Надо их всех просто переселить на необитаемый остров. И они быстро сами поймут, почему их так не любят...

Должно быть на родине, основательно разбавлены другими народами, мы почти все в силу ума и таланта чего-то достигли, а «пастыри» заполучили свою паству, вооружившись вместо давно забытой Торы моральным кодексом строителей коммунизма, и повели нас к «сияющим вершинам» - к миражам - через выполнение планов и соцсоревнование... Но «свежий ветер перемен» рассеял все их стада, и пастухи тоже перебрались в новые земли в тайной и страстной надежде набрать новое стадо... А из кого, спрашивается, когда вокруг – одни пастухи?... Беда, на мой взгляд, в отсутствии искренней платформы, на которой можно было бы стать со... (сотрудником, соратником, соучеником, соучастником, на худой конец – просто соседом). Я бы, например, с удовольствием стала членом клуба «Читаем Бешенковскую»...

Со всем уважением, на которое способна,

Тамара Бихман, Эссен, конец января 1999

Признаюсь, таких больших («длинных» - здесь неуместно) писем я получила немного. Это был – далее, еще на трех страницах, исписанных от руки – глубоко личный, трагический рассказ о гибели дочери, который я не считаю себя вправе передавать читателям, о попытке найти себя в новой жизни. (Мне очень хочется надеяться, что эта попытка удалась). Пользуюсь случаем сердечно поблаго-дарить автора письма за искренность и доверие.

И, конечно, за рассказ о кошках: «полуперсиянке» Юте и «сибирячке» Глафире, потому что, как написала Тамара Бихман, она, как и я, «кошатница», и её очень тронули в «Дневнике» описания моих любимых животных.

Уважаемая редакция!

Наверное, покажусь банальной, начав своё письмо словами «Пишу впервые...»

«Родная речь» попала ко мне в руки совершенно случайно, все 4 выпуска. Сразу оценила высокий уровень журнала, но мыслей об оригинальности его наполнения не возникало, не находила (да простят мне уважаемые мною авторы «РР», обладающие хорошим слогом и пишущие в разных жанрах) настоящего литературного ПРОИЗВЕДЕНИЯ, захватывающего, шокирующего, будоражащего, заставляющего услышать пульсацию собственного сердца... И – вот оно! «Дневник сердитого эмигранта!» (Второй номер). Как-то всё сразу встало на свои места. Поймала себя на том, что давно уже не читаю, вернее, – проглатываю, с карандашом в руке, машинально выписывая поразившие меня своей меткостью фразы.

Я далека от «еврейского вопроса». Но давайте смотреть правде в глаза: все мы (евреи, немцы, украинцы), приезжая сюда, вдруг начинаем понимать, до какой степени мы русские... Однако, справедливости ради, должна отметить, что именно русским евреям мы – три сестры-немки, приехавшие сюда со званием «народное трио» Казахстана, обязаны своим «вторым рождением». Это она, седовласая Елена Абрамовна, выпускница московской консерва-тории, с присущим евреям темпераментом воскликнула «И вас тут никто не слышал?! Боже, как обидно за людей...»

Странно звучит, но мне кажется, что нет худа без добра. И не окажись Ольга Бешенковская в столь ужасных для цивилизованной страны условиях мы, вероятнее всего, не получили бы возможность впитать в себя, как губка, поток чистых слез, идущих из глубины её огромной души. При том, что я восприняла эту повесть отнюдь не как крик, взывающий о помощи. Я восприняла бытийную основу просто как констатацию факта, с которым все мы в той или иной степени соприкоснулись здесь, на чужбине. Мы благодарны этой стране (впрочем, как и автор произведения, если читать его внимательно), но – не стоит лукавить. Всё-таки ещё долго Германия будет для нас чужбиной....

А что до г-жи Друскиной с её опубликованным в журнале письмом, то поражает даже не то, что она не сумела оценить профессионального мастерства автора и его в целом гуманного замысла, уметь читать – это не всем дано. Поражает другое. Её «опус» - не что иное, как прямое оскорбление и писателя, и всей редколлегии журнала. И если г-жа Друскина решила посостязаться с автором «Дневника» в жанре жесткой сатиры, то ей это явно не удалось. Для этого надо иметь по меньшей мере талант. Почему-то пришли на память слова одного знакомого: «Кто на что учился...»

Мне, как читательнице, близко в Бешенковской и то, что она не заслоняется от людей и их проблем, у неё болит душа за свой народ, отсюда и резкость – для его же блага... Литература – это как бы мать любого народа, и она вправе его и пожурить, и даже поддать шлепка.

И если мои слова хоть чуточку Вас поддержат, уважаемая Ольга, считайте, что ещё на одного почитателя Вашего таланта, Вашего громадного интеллекта, стало больше.

С уважением

Надежда Шатило, Фулда, 1999

Конечно, такие письма поддерживали и автора, и редакцию.

По сравнению с ними реакция искусственно взбудораженных штутгартских «активистов» кажется просто дикой, какой-то пещерной, каковой, в сущности, и является. Да и не только штутгартских.

Некоторые люди, и таких людей, к сожалению, среди европейских «подселенцев» немало, воспринимают свою принадлежность к «избранному народу» отнюдь не религиозно и весьма странно: как к народу привилегированному... А, значит, и любое критическое замечание встречают в штыки. (Что же тогда делать, скажем, народу русскому, который писатели никогда не щадили в своих произведениях и, чаще всего, как раз от очаянной и отчаявшейся любви к России...)

Признаться, я бы не удивилась, если бы в каком-либо городе, даже не в Штутгарте, изнемогающие от безделья евреи вышли на демонстрацию против «Дневника сердитого эмигранта». Для этого бы понадобилось только пару зачинщиков из числа «идеологов», чтобы «накачать» толпу в общине – и дело, как говорится, в шляпе... (То есть, в данном случае, в кипе...)

А письма всё шли...

Здравствуйте, Ольга!

Мне странно и страшно немного начинать это, уже не раз написанное в душе, письмо к Вам.

Мне кажется, что я уже видела Вас. Я видела только (!) Вас, проезжая все остановки и заезжая не туда, куда надо, в мюнхенском метро. Да – это объяснение в любви. Вы, действительно, попали в меня... Я читала, смеялась и плакала. Я погрузилась полностью в стихи – очень и очень стихи... Спасибо Вам за роман. Он – настоящий! Я очень благодарна Володе Веберу за этот подарок: номер 2 «Родной Речи». Не буду дальше интриговать. Меня зовут Татьяна Горохова. Мне 32 года. По профессии я журналист. Впрочем, мне бы не хотелось здесь, в письме, заполнять анкету. Главное: мне было хорошо с Вами.

А всем настоящим всегда трудно. Трудно везде.

У Вас всё очень точно, и в стихах, и в прозе. Вы – молодец!

Татьяна Горохова, Вюрцбург, 10.01.1999

Уважаемый г-н редактор журнала «Родная речь»!

Прошу Вас передать мою огромную благодарность Ольге Бешенковской.

Ольга! Я узнала всех моих соседей, всех, до одного. Спасибо, что Вы их так «пропесочили».

Недавно к нам в хайм приехала ещё одна семья, из Одессы. Эх, их бы на Ваше острое перо!

Не будете ли Вы писать продолжение? Тогда я могу подослать материал...

Не понимаю только, почему Вы перенесли действие из Гамбурга в Штутгарт?

Я же точно вижу, что всё это про нас, слово в слово.

Т.Гольфштейн, Гамбург, 1998

Ну что ж, значит, автору произведения удалось создать типичные образы. Впрочем, это не моя профессиональная заслуга – их создала сама жизнь. И мне жаль, что мои отрицательные персонажи столь характерны для нынешней эмиграции. А штутгартские прототипы, стало быть, напрасно претендуют на свою уникальность...

Ольге Бешенковской

...Почти со всем согласна я,
А также вся моя семья.

И наша тоже синагога
Ужасно далека от Бога.
Она ни в чём не помогает,
А только деньги вымогает...

Рассказ Ваш весь я прочитала,
Переживала, вспоминала,
И мысли Ваши – как мои.
Как отгадать Вы их смогли?..

...У Вас прощения прошу,
Что, может, плохо написала,
Но я от всей души пишу!
(И мужу тоже показала).

Юлия Шенкман, Ротинген, 1999

Спасибо, Юлия, это очень важно для писателя: уметь «отгадывать» мысли своих соплеменников и соотечественников. И простите, что я сократила Ваше письмо в стихах, потому что стихи, хоть и предельно искренние, но «беспредельно» длинные... (Надеюсь, что и муж Ваш тоже простит.)

Здравствуйте, очень уважаемая мною Ольга!

С большим удовольствием обратилась бы к Вам по имени-отчеству, но, как Вы правильно заметили, потерявши Отечество – мы потеряли и отчество...

Хочу от всей Души поблагодарить Вас за то, что Вы написали и напечатали «Дневник сердитого эмигранта». Давно не читала я ничего подобного, несмотря на своё литературное прошлое. По образованию я – «чистый» филолог (МГУ, 1948), а по профессии – редактор более чем с 30-летним стажем работы в различных издательствах, в том числе в издательстве «Иностранная литература» (французский язык).

Читая Вашу «Историю с географией», я вдоволь наулыбалась, а в одном месте даже всплакнула (Конечно, по поводу Вашего «тесного» общения с медициной «для всех». Но, слава Богу, всё – судя по дальнейшему тексту – обошлось, и я надеюсь, что Вы извлекли уроки и из этого опыта. Это я Вам говорю на правах старшей, вернее, уже старой...)

Вы изумительно точно, но в то же время эмоционально написали о том, о чём я часто думала и в чём убедилась за пять лет пребывания здесь. Только, конечно, я бы не смогла об этом так написать: смело и – одновременно – с большим внутренним тактом по отношению ко всему, что нас тревожит.

Да, смелости и справедливости Вам не занимать, за что Вы, видно и поплатились у себя дома...

Мы тоже целый год прожили в хайме, в Нижней Саксонии. Правда, нас не хотели туда пускать из-за нашей любимой дворняжки Проши, которую мы привезли с собой. Но как рады (и откровенно!) были обитатели хайма, что с таким «приданным» мы не могли рассчитывать на скорое и приличное жильё... В конечном счете нам помогли немцы-любители собак, спасибо им.

Господи, да что же это такое, до чего же искалечила людей эта кошмарная встряска, весь этот ад и бред... Некоторые из эпизодов, описанные Вами, совпадают «один к одному», как будто Вы не в Штутгарте жили, а у нас, в нашем хайме...

Мои встречи с немцами в общем заставили меня сделать те же выводы, что и Вы. (Но у Вас это как бы и не выводы, а мазки, импрессионизм наблюдений, поэзия прозы...) Мне думается, что, может быть, если бы в немецком языке слово «интеллигент» сохранилось в нашем старом понимании, то и интеллигентов было бы больше...

Очень обидно за детей, боюсь, что у них уже не дрогнет сердце от музыки Бетховена и Моцарта, от стихов Гейне и Шиллера, я это хорошо знаю, ведь моя младшая внучка – гимназистка. Можно учить и заучивать, но я – о дрогнувшем сердце...

А тот, кто «уцепился» за первую фразу Вашего произведения, пусть возьмет на себя труд дочитать его до

конца, подумать и понять, почему автор намеренно начал именно с этой фразы...

Посылаю Вам в подарок две моих книги о здоровом питании. Надеюсь, поможет и Вам, и Вашему сыну. Этим вопросом я занялась давно, когда поняла, что на медицину надеяться трудно. А годы спустя решила поделиться своим опытом и знаниями с людьми.

Успехов Вам в Вашей благородной деятельности.

Мария Литвина, Ганновер, 1999

Открытка

Прочитала залпом «Viehwasen 22»!

Восторгалась, возмущалась, хохотала во всё горло!

Ольга, проза Бешенковской достойна её поэзии!

Полагаю, что Нобелевская премия не за горами!

Жму кисть автору.

Светлана Ягудаева, Саарбрюкен, 1998

Уважаемая Ольга!

Хочу поблагодарить Вас за потрясающую публикацию: «Viehwasen 22». Производит ошеломляющее впечатление. Талантливо, остро, умно, жёстко и замечательно искренне!

Если судьба приведёт Вас в Бамберг – милости прошу в гости.

С удовольствием покажу Вам город.

(Я – из Москвы, в настоящее время являюсь аспиранткой университета Отто Фридриха в Бамберге, пишу диссертацию).

Татьяна Плюхова-Якоб, Бамберг, 16.11.98

Уважаемая Ольга!

...Пользуюсь случаем высказать своё мнение о Вашей вещи: "Viehwasen 22." Прочёл её с большим интересом. Написано живо, с массой любопытных подробностей, «провокативно» (в хорошем смысле), если вспомнить некоторые суждения о евреях-эмигрантах, да и о немцах тоже. Попутно замечу, что и мои воспоминания о нашем еврейском хайме далеки от идиллических.

Определённую глубину повести сообщают отступления в ленинградское прошлое, размышления об эмиграции как таковой.

Не скажу, что книга неуязвима для некоторой критики, но сейчас речь не об этом, а об общем хорошем впечатлении.

Я желаю Вам дальнейших творческих успехов, а журналу широкой читательской аудитории.

С уважением

Эдуард Шехтман, Ганновер, 19.06.1999

Здравствуйте, дорогая Ольга!

Давно, очень давно (сразу после прочтения Вашего «Дневника») собиралась откликнуться. Всё, что тогда просилось быть высказанным, уже не восстановить, но осталось, на мой взгляд главное: чувство прочитанного. Возможно, я обозначу это чувство слишком прямолинейно (а оно на самом деле более полифонично), это чувство – восторг!

Дорогая Ольга! Я и вся наша семья желает Вам процветания, творческого и всяческого другого. Пусть помогают Вам Небеса, Ангелы, Люди и собственная Душа.

Алина Кишбаум, Регенсбург, 23.11.1998

Письма шли и шли со всей Германии, я складывала их в папку, а в газетах возникали совсем другие «отклики», впрочем, и глагол «возникали» надо было бы тоже поставить в кавычках. Потому что появлялись они не «из ниоткуда», а были организованы, в основном, Л. Друскиной и иже с нею, и базировались на «подготовленном» ею списке цитат, на одном тетрадном листочке. С единственной задачей: «уничтожить» автора. Порядочные люди, не имеющие понятия обо всей этой подоплеке, отвлекались на ответы в газеты, парировали заведомую ложь и клевету, волновались... Газеты постепенно как бы «прозревали», публиковали ответы оппонентов, чаши весов колебались, Фемида думала...

Из Мюнхена поднял свой истеричный голос г-н Э.Левин и газета «Neues Leben» опубликовала его не очень уместную в интернациональной Европе «Реплику сиониста». Основным аргументом Левина был тот факт, что автора «Дневника» он не знает, и поэтому предложил «расшифровать» мои инициалы «О.Б.» как «Одна Баба»... Столь же вежлив и аргументирован был весь его текст... В следующих номерах газеты появились аж три «реплики на реплику», популярно объясняющие «сионисту», кто я, а заодно – и кто он, судя по тому, что он написал обо мне... Совершенно уже невменяемый ответ Левина «Реплика на реплики на реплику» газета видимо публиковать отказалась, поэтому сие «произведение» получила от его автора ...я вместе с жалобой на... газету, приглашением в гости и ещё – предложением вместе отшельмовать этих «совков и графоманов», которые посмели печатно заступиться за моё имя и за моё произведение... «У Вас получится, Вы уже не совсем совок...» (Спасибо за комплимент...) Оказалось, к тому же, что за эти дни Э.Левин заглянул в антологию «Строфы века» и писал мне, что лишь по случайности его стихи не оказались в ней, рядом с моими, и что «его приятель – Боря Пастернак»... Оставим эту «случайность» на совести составителя антологии Евгения Александровича Евтушенко, тем более, что стихи г-на Левина не присутствуют и в других, даже куда более скромных, сборниках... Впрочем, замечу, что для меня известность автора имеет куда меньшее значение, чем качество его текстов. И кто в состоянии «приятельствовать» с «баварским сионистом» г-м Левиным, мне тоже совершенно неважно. Но уж – во всяком случае – не я...

Не правда ли, увлекательная история?

Так что спасибо за светлые пожелания АLINE КИРШБАУМ, мне кажется, что и Небо, и Ангелы, и Люди (именно так, как она написала, с большой буквы), и собственная Душа меня пока охраняют...

А теперь – несколько опубликованных в газетах ответов на резкие выпады. В тех же самых газетах, где были опубликованы и исходные материалы.

Кому понравится?

По прочтении «Viehwasen22» Ольги Бешенковской

Никогда не писал рецензий, считал их пустой бумажкой, но эту... В Вашей газете так много и так красиво написано о ней, чувствуется высокопрофессиональное перо, до него мне не дорасти. Так что, я не об этом, а о сути.

Страх разозлить антисемита или, не приведи Господь, бросить на его острые клыки дополнительную пищу, живет в нас, столь старательно воспитанный властью и собственными приспособленцами. С ним и приехали мы в заграницы, с ним и доживем до смерти.

Антисемиту всякое лыко в строку. Его не перекармливать. Он будет голоден, пока мы живем, ибо нами кормится. Кем бы мы ни были, как бы тихонечко мы себя ни вели и как бы мы ни молчали о самих себе.

Когда антисемиты берутся на прополку негодного для них еврейства, нас это не устраивает. Когда проводит гребенкой против нашей шерсти свой брат (сестра), мы прикладываем пальчик ко рту:

Тс-с-с? Не забывайте об антисемитах!

Ну, и черт с ними! Антисемиты своими выкриками на митингах напоминают нам о том, что мы-то живы. Так что пускай кричит.

Ладно, об этом хватит. Лучше о прочитанном. Читал прозу Ольги Бешенковской долго, что для меня не обычно. Но эту прозу не проглотить зараз. Перечитывать фрагменты - удовольствие. Такой афористичной прозы не читал уже много лет. Не у кого.

О чем ее проза? О евреях и немцах? Увольте! Вообще совсем не о них. И ее душевную возмущенность понимаю с другой, изна-ночной стороны.

Еврейка? Боже сохрани! Какая она еврейка, когда русская культура в ней вытесняет все, независимо от того, на каком языке она пожелает изъясняться - в прозе ли, в поэзии ли.

Русская? Боже сохрани! Какая она русская, когда понимание мира и ее самой в нем источаются настоящей кровью, а ежели в России льется кровь, то это точно еврейская, какая же еще?

Немка? Боже сохрани! Даже если и захочет - не дадут, у нее акцент вот такой, проявляется сходу, да она и сама не захочет. Это уж точно.

Ее протест - против затаскивания в узкий коридор еврейства без ее воли - там, на родине.

Ее протест - против неизбежности считаться немкой, иначе будет не так, как у всех, а это - такое же гетто.

Протест против любого загона, любой ограды, пощелкивания кнутом да еще с собаками по бокам.

Кому понравится?

А поди же, нравится многим. И многие хотят. Я знаю одного моего «единоплеменника», живет в Германии восемь лет, набачился по-немецки и даже со мной, знающим его более тридцати лет, говорит на этом языке.

И все же прекрасно понял меня, когда я его по-русски... Память же какая!

Пущен слух, что ее проза кому-то из немцев не понравилась. В это трудно верить. Но если так говорит сама Ольга Бешенковская, то это, увы, правда. Впрочем, откуда им может понравиться такая проза? Они привыкли растягивать мысль страниц на десять, ибо оплата, сами понимаете, по весу. Роман, меньший трехсот страниц, не выгоден никому.

Но все же, неужели не найдется такого образованного немецкого издателя, который поймет, что нужно издавать? Магазины завалены бумагой с буквами, и большинство - переводы. Это означает, что немецкий читатель познает чужие страсти, чужие надежды, чужие привязанности - чужую жизнь, а о нем самом мало кто ему что-либо говорит.

То же - и о нашем читателе-эмигранте. Надобно и о нем - хорошо или плохо, но то, что думаешь. А там - поговорите, поспорьте, может, от этого все мы изменимся и, глядя на нас, изменятся и наши коллеги по контингенту.

И будет не контингент, а союз взаимодействия. Ведь именно этого нам тут, как и в других местах, не хватает. Вот и об

этом, как я понял, пишет Ольга Бешенковская. Слава Богу, нашлись такие, которые начинают издавать журнал на нашем родном языке - для нас, здесь оказавшихся и здесь пускающих корни.

Когда читаешь прозу Ольги, все время что-то тормозит, что-то за-ставляет возвращаться и повторять пройденное. Прилагательные! Уди-вительно щедро она ими пользует-ся. Их много, и глагол затирается ими, заталкивается вглубь. Но он же все-таки глагол, а потому пытается встать, и фраза стано-вится выпуклой, трепещущей. К ней обязательно хочется вернуться, чтобы запомнить. Сходу так не получится.

Возможно, во мне говорит зависть. Так пишет прозу только поэт, потому что им ощущается не столько сущность, сколько ее следы: форма, окраска, запах, тактильная плотность и скользкость, звучание или, наоборот, беззвучие. Кому не нравится - пусть помолчит, а потом возьмется читать вновь. А если не возьмется, мне его жаль.

Владлен Таран, Берлин

NEUES LEBEN

„НОВАЯ ЖИЗНЬ“

(номер за 7 декабря 1998 года)

.....

Прочитал "Реплику сиониста" (№ 10), отклик на "Дневник сердитого эмигранта" в журнале "Родная речь" № 2. И поскольку "Реплика" напечатана в порядке дискуссии, посчитал своим долгом принять в этой дискуссии участие.

Прежде всего должен уточнить, что журнал "Родная речь" не является собственностью автора "Дневника", как это представлено в "Реплике". Он издается в Ганновере издательством "Контакт". Главный редактор журнала Владимир Марьин. Теперь по существу "Реплики".

Это естественно, что каждый читатель литературного произведения любого жанра, а тем более такого сокровенного, как дневник, имеет право на свое и только свое восприятие литературного материала и на его толкование, если, конечно, при этом он не претендует на роль судьи в суде высшей инстанции. В "Реплике" явственно ощущается раздражение и "обида за державу", в данном случае за еврейский народ, который оскорбительно выглядит в некоторых высказываниях автора "Сердитого дневника".

Поскольку любое обобщение "хромает", в том числе и обобщения в "Дневнике", и обобщения в "Реплике", мне хотелось бы здесь вкратце высказать свое отношение к "предмету".

Если не воспринимать это художественное произведение как иронию автора над собой, над судьбой, над событиями последнего времени, подарившими нам такое уникальное историческое явление, как эмиграция евреев в Германию, со всеми присущими эмиграционному процессу событиями -ломкой души и тела каждого эмигранта и вызванными этой ломкой огромными внутренними вибрациями, то, конечно, можно эти дневниковые откровения воспринимать плоско, положить их на плаху и четвертовать или распять на кресте, как это и сделал "сионист из Мюнхена".

Но жанр дневника - это откровение души, в данном случае души поэтической, нервной, мятущейся, нуждающейся в самовыражении, и которой это удалось где-то с раздражением, вызванным тяготами преобразования своей жизни, где-то с юмором, где-то с сарказмом и гротеском. А разве читая "Мертвые души" Гоголя, или "Историю одного города" Салтыкова-Щедрина, или "Одесские рассказы" Бабеля, мы не усматриваем этих литературных приемов, а видим лишь фотографическое изображение действительности? Почему же мы должны лишать права на них писателя Ольгу Бешенковскую?

А то, что ее произведение все это содержит, могут доказать несколько выдержек из него.

"...Встречаются иногда стройноногие, кофейнокожие, печальноглазые, о которых и хочется сказать, и не стыдно сказать "дети Израилевы"..."

Но этот генотип нации в России практически не сохранился. Такое впечатление, что иудеи вымерли - остались евреи... "

А сколько юмора в приведенном в "Дневнике" таком объявлении:

"Вы ищите квартиру? Мы Вам поможем! Обращаться: барак 2, комната 293, койка вторая, сверху".

Или еще. "...Иногда ко мне в гости приходит известный поэт местного значения. Он пишет не на немецком, а на швабском, который кроме него никто не понимает, и поэтому он пользуется уважением..."

Когда он первый раз спросил про меня на вахте, ему ответствовали: "Никаких русских писателей тут не живет. Одни евреи..."

"Дневник" Ольги Берешковской - это целостное повествование о судьбе русского эмигранта еврейской национальности, ажурно сплетенное из метафорической прозы и лирических стихов, в которых обнажена истонченная душа поэта.

«Знаю: Родина - миф. Где любовь - там и родина... Что ж
Не вдохнуть и не выдохнуть, если ноябрь и Россия...
Лист шершавый колюч, как в ладони уткнувшийся еж,
И любой эмигрант на закате речист, как Мессия...»

Но художник на то и художник, что он не может не предвидеть, чем его слово отзовется, в том числе и в душах черствых и облезлых, лишенных чувства юмора и ощущения целостности (без выдергивания отдельных лоскутов) полотна произведения. И, хоть, с моей точки зрения, резко, но достаточно справедливо Ольга Бешенковская предвидела это в таких строках: "И... дрогнула рука, спохватившись, что какой-то дурак и мерзавец уже протянул свою грязную лапу за этими строчками, чтобы залить их кровью тех или других, как это бывает, - и тех, и других, а с другой стороны уже дышит жарко в лицо сорвавшаяся с цепи свора воинствующих гуманистов всех мастей и подпаин, и свирепо рычит, обвиняя автора в новой расистской теории..."

К этому добавить нечего.

Исай Шпицер, Мюнхен

Дискуссии о «Дневнике» докатились аж до самой Москвы. Однажды мне сообщили, что рецензия опубликована в журнале «Знамя». Она показалась мне интересной и, самое главное, несколько развеяла мои сомнения относительно того, может ли вообще эмигрантская повесть (назовем эту прозу пока вслед за читателем так) стать фактом русской литературы: очень уж много бывает в таких произведениях, и моё тоже – не исключение, чисто местных реалий, непонятных и чуждых российскому читателю подробностей эмигрантского быта. Но публикация в «Октябре», а затем рецензия в «Знамени» свидетельствовали о том, что мой текст рассматривается с позиций именно этой литературы. Стало быть, причисляется.... Здесь я воспроизвожу эту рецензию в полном объёме, так как она сразу переводит стрелки разговора на иной, чисто профессиональный уровень, от которого здесь, в эмиграции, давно отвыкли...

Журнал "Знамя" №5, 1999

Смысл и стиль

Ольга Бешенковская. Viehwesen 22. История с географией, или Дневник сердитого эмигранта. - Октябрь, 1998. № 8; Родная речь, Ганновер, 1998. № 2.

Эта повесть наделала шуму в эмиграции, можно сказать, скандал вызвала, точнее спровоцировала, намеренно и решительно: уже первые строки эпатажируют манифестацией образа мыслей, что давно уже стал предосудительным: ненавижу немцев и евреев, говорит повествователь, нет, ненавижу евреев и немцев... Впрочем, сама откровенность заявлений заставляет предположить: здесь что-то не то. Вот если б ненависть затаилась между строк, злобно дышала из подтекста, а так... Хочешь скрыть лицо — выйди голым, сказал польский мастер парадоксов; в литературе голому телу деклараций доверия быть не может, знаток обязательно попытается разглядеть проступающие на картинке черты лица. С необщим, конечно же, выражением, — его легко предположить у Бешенковской, петербургского поэта, самиздатского автора, лишь в последние годы наконец замеченного, опубликованного и получившего — заслуженно! — известность и даже популярность. (Мужской род не слишком удобен, но задан Бешенковской, для которой — в лучших традициях женской русской поэзии — поэзия предполагает мужество.)

Потому по порядку. Соответственно динамике восприятия.

Первое впечатление — не смысл, а стиль. Стиль (а стало быть, и личность), что называется, имеет место быть — значит, есть основания разбираться в том, что, собственно, этим стилем сказано.

С первой же страницы напомнил о себе город интеллигентных дворников и сторожей, где дамы работают кочегарами, говорят хриплыми от постоянного курения голосами, и речи их состоят из полужраз, парафраз и перефразировок речений, не всем известных. Впрочем, характерность стиля книги трудноуловима, ее нелегко объяснить. Каталептические движения советского человека за границей: члены занемели от долгого пребывания в несвободной, нецивилизованной позе (у Бешенковской: мысли заключенного затекают, как мышцы...). Не поток спокойно-уверенной мысли, в солнечных зайчиках остроумных замечаний, вовсе нет, скорее случай поэта, который сбросил узду стихотворной формы ради хомута формы прозаической — и физически ощущает тяжесть словесных глыб, которые приходится растаскивать по "вольному" пространству прозы. Эта речь вскипает и пузырится метафорами, ассоциациями, отступление включается в отступление, затягивая повествование в воронку водоворота, и не помогают попытки автора расчистить дорогу мысли, затолкать замечания "кстати" за перегородки скобок, вколотить в причастия, окружить многоточиями... и благодари судьбу, откуда ж недовольство и досада? Трудно понять.

Или тут извечное еврейское недоверие к благополучию, вечное ожидание катастрофы ("Какие внешние перемены могут помочь тому, кто подставляет лицо под первые капли беды с восторженным трепетом узнавания")?

Кажется, в России было много тяжелее, даже если судить по тем, довольно скупо сообщаемым подробностям, что находишь в книге: работа в котельной, десятилетиями взносы за кооперативную квартиру, и квартира-то — однокомнатная на пятерых, так что рабочим кабинетом становится сиденье унитаза со столом—стиральной машиной. Но, как ни странно, похоже, со всем этим что-то примиряло. То ли набоковский прецедент с ванной—рабочим столом, то ли своего рода гордость поэта, знание о том, что русские писатели никогда у кормушки не толпились и не от жирного пирога питались, но, неприхотливые птицы небесные, довольствовались тем, что из божьей длани перепало. А может, примиряло с убогой обстановкой философское утешение типа: так заведено, ничего не изменишь. А тут — заведено иначе, да идет не по заведенному, не по "орднунгу". Искупление исторической вины оборачивается попыткой откупиться, унижительной подачкой — удивительной потому, что за нее бороться приходится, и в выигрыше тот, чьи локти сильнее. Согласимся, малоприятное зрелище — встреча скупых и презирающих (что в самой природе роли) дающих и жадных и ненавидящих (опять-таки в самой роли заложено) берущих.

Нравы не изменились, люди иногда милосердны, но чаще алчны и злобны, и чем благополучнее обстоятельства, тем пышнее расцветает пошлость, да и квартирный вопрос их испортил... но спокойно констатировать это может лишь известный солидный господин-"иностранец", наблюдающий суету обывателей во время кратковременной экскурсии с исследовательскими целями. Тот же, кто в самой гуще живет, теряет дар отстранение-аналитического или отстраненно-эстетического отношения к нравам и типам. У Бешенковской "баба Валя" приходит просить, пусть владеющая трудной наукой составления слов соседка напишет донос; и с гордостью вываливает на новенькую книгу кусок мяса, что "достала", а

он "мочится" кровью. "Человеческий зоопарк" Viehwesen (географическое наименование переводится как "скотский хутор") — не менделеевская таблица и даже не гоголевский перечень, изумленно-патетический, не без восхищения полнотой и совершенством, с каким проявляется глупость и пошлость. Карикатурные типажи в "дневнике" белый свет застыят, ничего, кроме них, не видишь. Вот и начинаешь ненавидеть всё на свете ("Земля — это круглая задница, набитая дерьмом").

У Бешенковской — подробности, шаг за шагом, осваивания нового жизненного пространства. Жизнь (годами) в общагах- "хаймах" "в архитектурном стиле „баракко“, в комнатах с нарами для многих семей, в тесноте и потому в обиде, ожидание денег от ведомств (а немецкая бюрократия сравнима разве с русской), вынужденная немота и язвительные улыбочки чиновников, походы на свалку, куда привередливые немцы выбрасывают порой и новые вещи...

При всем том, что стиль книги — поэтического происхождения, содержательно "мемуары" — самая что ни на есть проза. И, кажется, именно тут скрывается окончательная разгадка того факта, что именно этот эмигрант — сердится. Тут не летопись вхождения в новую культуру, но дневник увязания в быте — что и доводит до бешенства, до отвращения к жизни, тем более сильного, что автор дневника — поэт.

Я думаю, вопреки заявленной автором воле, что немецко-еврейские изобличения (и другим достается: поминаются русские хитрожопые лица, круглые блины славянских физиономий и желтая ненавистная — вьетнамки-комендантши в "хайме" для новоприбывших "беженцев"...)— выстрелы в воздух. Ухмылки не с этих лиц скалятся; это растянул рот в торжествующей ухмылке быт.

"Кризис тяжелой и продолжительной болезни, имя которой — ожесточение, миновал": "кончилась отчаянная повесть — и началась нечаянная жизнь". Как и всегда в русских книгах, пружина сюжета — не синтаксис, не детективный интерес собирания синтаксического комплекта (сделал-что-когда-как-какой-кто), но — морфологическая парадигма, смена состояний (а в классике бывало — и вообще положений: отлежал бок— повернулся на другой...). Герой склоняет обстоятельства на все лады, тем временем "само собой" меняется настроение; душевная муьт оседает, тон обретает светлую, прозрачную отстраненность и мудрость; книга кончается. Кажется, в том их, русских книг, натура или врожденный дефект: их порождает накренившийся под ногами пол, сместившийся угол зрения, утрата душевного равновесия — и они прекращают жизнь, когда порядок восстановлен; впрочем, не они сами и подготовили возвращение к жизни и порядку...

Однако самое (на мой взгляд) интересное в "дневнике" — не первый опыт прозы поэта (довольно неровный и далеко не уникальный), но как раз те замечания "в скобках", те скачущие мысли, что так мешали плавности повествования и поиску виновного. Например, попытки языкового диагноза "менталитета" (замечание: определение "интеллигентности" в немецких словарях содержит понятие "хитрый" — потому свинье можно приписать то же качество, что и академику Сахарову; или вот еще: сравнение достойного русского "я думаю" — и звенящего монетой немецкого "ихь деньке"...). Пусть отчет о "языковых разногласиях" с немецкой цивилизацией всего лишь провокация — она остроумна и даже, так сказать, социально полезна, может хорошо послужить в качестве оселка, на котором оттачивается языковое чутье.

И почему только поэты, принимаясь за прозу, выбирают громоздкую крупную форму, а не изящный и емкий жанр афоризма? Его способность забирать и преобразовывать разрушительную энергию отчаяния много выше, чем у "дневника"...

Е. О'Морфи

Эх, господин Морфи, не мы выбираем формы, они выбирают нас...

Но в чем-то я с Вами согласна и в этом утверждении. Сама последнее время как-то больше люблю читать афоризмы, конечно, не «смешные», газетные, а горькие, с подтекстом, и ещё - заметки на полях, комментарии, воспоминания... Словом, всё то, что Лидия Яковлевна Гинзбург, у которой я некоторое время, когда меня окончательно «достал» КГБ, по её спасительному приглашению работала литературным секретарём, называла «неосновными» жанрами литературы. Кто его знает, какие жанры в ней, в этой постоянно меняющейся литературе «основные»...

А пока, раз уж мы заговорили об афоризмах, мне хочется предоставить слово моему другу Соломону Ягодкину. Не по знакомству... Его тематические подборки публиковались в газетах «Контакт» и «Новости БВ» как непосредственный отклик на травлю автора «Дневника сердитого эмигранта», причем без какого бы то ни было моего содействия.

Соломон Ягодкин

Моськовиана

Ничтожество всегда говорит от имени всех, потому что говорить только о своего имени противно даже ему...

Если глаза – это зеркало души человека, то что же тогда его язык?..

Пасквилянт что хочет, то и напишет, а непасквилянт себе такого позволить не может...

Есть такой жанр – литературная подлость, это когда во всех остальных жанрах сказал уже всё, что мог, а перо по-прежнему тянется к бумаге...

Холуём был на редкость импульсивным: хозяева ещё подумать не успели, а он со своим пером уже тут как тут, как юный пионер, всегда готов!..

Самый доступный вид литературы – это доносы: всегда ясно, о ком пишут, и кто пишет...

Нельзя одновременно писать и анонимки и стихи, если, конечно же, это не такие же стихи...

Стучал долго и нудно, но те вконец обленились и окончательно перестали ловить мышей, пришлось настучать и на них...

Подонки никогда не подписываются, чтобы ещё на многое другое хватило чернил...

Делать подлости чужими руками – это сколько же рук потом надо отмыть...

Если рифмоплёт не может взять своими стихами, он берёт своим горлом, такова история всех горловиан...

Лакей, если повезёт, ещё может стать хозяином, но человеком ему уже не стать никогда...

Людей всегда беспокоит, как они смотрятся, но практически никогда – как они слышатся...

В отличие от великих в огонь любил бросать рукописи не свои, а чужие...

Образованный человек опасен для необразованных, а немного образованный – для образованных...

Не старайтесь угодить дураку хотя бы ради него самого, он от этого становится ещё глупее, а, значит, и опаснее...

От имени народа решил всех тех, кто не умеет правильно писать, маненько поучить уму-разуму...

Он так ненавидел интеллигентов, что даже не мог сказать, за что...

Если людям нравится, это ещё ничего не значит, последнее слово всегда за Народом!..

Чтобы пародировать других, надо, как минимум, самому быть талантливее пародируемого, а иначе может и не получиться, или получится, но совсем не пародия, а если пародия, так только на себя самого...

Если раньше были Мусины-Пушкины, почему бы сейчас не быть Моськиным-Шариковым, новые времена, новые лица, новые черты!..

Шерсть защищает человека от комплексов, а комплексы – от шерсти...

Исправлять других – это неизлечимая болезнь тех, кто сам писать не может, а очень хочется...

Жлобы напрасно думают, что нежлобы – не люди, нежлобы – тоже люди, хотя и не жлобы...

Чем больше палачей, тем меньше поэтов, потому что палач поэта казнить может всегда, а вот поэту научить палача стихи писать практически невозможно, у того не только голова, но и руки вечно не тем заняты...

Еврей-негодяй – такой же негодяй, как и все остальные негодяи, не говоря уже о том, что тем самым он ещё и самый ярый антисемит...

Тут же сменить партбилет на кипу, это очень тонкий ход, на который способны только самые умные из вчерашних коммунистов...

Деловому человеку никакие дела не мешают удачно обделывать свои делишки...

От оплёвывания до вылизывания – один шаг, примерно столько же, и обратно...

Рождённый ползать – не ушибётся...

Раб – сыт, человек – свободен, и оба при этом – счастливы...

Живут на свете бездарные люди, и в зависти и злобе своей буквально изнемогают, что живут на свете не только они...

Талантливых людей всегда единицы, но зато нам всем потом не приходится за них краснеть, более того, если выгодно, можно ими даже и погордиться, когда уже можно...

.....
Остаётся добавить, что наши «герои» вдохновили г-на Ягодкина на целую новую книжку афоризмов. Как тут не сказать: «Когда б вы знали, из какого сора...» Впрочем, лучше было бы и не знать...

Есть, кстати, в папке с материалами, посвященными „Viehwasen 22“, ещё одна рецензия, которая мне дорога, но которую, в отличие от рецензии в «Знамени», никто, кроме меня, ещё не читал...

ПИСЬМО – РЕЦЕНЗИЯ

(как и письма читателей, здесь публикуется впервые)

Уважаемая госпожа Бешенковская!

Хочу этим письмом поблагодарить Вас за прочитанный мною недавно и давно Вами уже опубликованный «Дневник сердитого эмигранта». Я звонила вам несколько недель назад, чтобы спросить будет ли для Вас ещё очередное читательское мнение актуально...

О Вашем «Дневнике» можно рассуждать бесконечно хотя бы потому, что задача с налету понять мемуарную прозу эмиграции, не теряя чувства юмора, и для начала перечислить хотя бы ее аспекты - задача утопическая, а размеры темы утопительные. (Чего стоит один вопрос о том, что такое мечта «о земле обетованной» и что бывает, когда на нее, на эту землю, свалишься). Бесконечно рассуждая можно и бесконечно хвалить, ругать, соглашаться и спорить, что донельзя занудно в письме, как для читающего, так и для пишущего.

Поэтому я остановлюсь только на том, что меня при первом чтении сильно удивило. Что удивляет при первом чтении? - читательская реакция. Моя читательская реакция была такая: я поняла, что Вы... не владеете прозой. Не в том смысле, в котором ею не владеет «талантливый самородок», не кончавший гимназий. Не в том смысле, в котором не владеет ею в какой-то момент человек ищущий если не новую, то хоть какую ни на есть форму - не то для нового содержания, не то для него одного нового содержания. Вы ею принципиально не владеете, по крайней мере, в этом «Дневнике». И это чудесно.

Сначала слова стелются ровно, утонченно, безукоризненно и дидактически-раздраженно. Милый стиль. Милый стиль российской «головастика». Открывши, понимаешь сразу, что это во всяком случае стоит прочитать. Но, с другой стороны, до зеленых ангелов в глазах мотаясь между тремя малышами и университетом (который здесь, по неизвестной науке причине, надо заканчивать второй раз) и обрастая мелкими подробностями частной жизни, понимаешь, что можно и не прочитать. Это знакомое лицо. Непременно встретишь где-то еще. Не то чтобы часто. Т.е. совсем не на каждом углу. Но встретишь. Поэтому если рискуешь, проболтавшись в книжке, проспав вместо обычных семи часов пять и на завтра вяло навернуться на какой-нибудь скоростной дороге, то надо поощрить заботу мужа о твоём здоровье и бодро лечь спать. И вдруг эта монотонная нервная элегантность испаряется и как гром среди ясного неба раздаётся очень спокойный голос, произносящий одну - две фразы. Не успеешь очухаться, как поток корректно текущей в своих грамматически-философских берегах равномерной речи, уносит тебя дальше. И ты даже ещё и не поняла, что ж такое произошло и откуда донеслась до тебя эта пара совершенно законченных строчек., которые в своей законченности никак не хотят никуда дальше плыть в прозе, а образуют самостоятельное стихотворение или цитату из него. (Я говорю не о тех Ваших стихах, которые Вы сами графически выделили как таковые.) Это так, как будто в этой реке прямо в ней самой - окошки. А в окошках что-нибудь еще, что совсем не из реки и ниоткуда.

Вот это и есть то, что чудесно. Не просто река и не просто окошки (с пейзажами, например), а то, что окошки есть прямо в реке, и река есть прямо с окошками. Это сравнение для моего восприятия. Я вовсе не хочу сказать, что Вы намеривались писать какими-то «реками» и «окошками». Наверное, надо было с самого начала сказать, что удивляет голос грустно-умного состоявшегося поэта. Не оттого, конечно удивляет, что нету других грустно-умных состоявшихся поэтов, а именно оттого, что они есть и вроде бы даже не занесены в «Красную книгу».

Проза, не складывающаяся в прозу, потому что она складывается в стихи. Потом снова не складывается в прозу. Потом снова складывается в стихи. И так далее... Вот каким показался мне Ваш стиль в «Дневнике».

Конечно, ужасно говорить без примеров. Но и с примерами обращаться, как в школе (связь с традицией - «плюс», лаконичность или плотность текста - «ещё плюс», поэтичность - «ещё один плюс», наличие притчи,

или глубина мифопоэтического сознания, или символизация, или эмблематика смысла - «и ещё один плюс» и т.д.), хочется не больше, чем школьнице. Самое смешное, что все эти плюсы сюда ещё и подходят. Тут и плотность юмора - да хотя бы в замечательной эмигрантско-общезитной географической карте: слева - Оберман, справа - Доберман, в Израиле Губерман, четвертая сторона света не обозначена; и перемещений географических (согласно карте) хватает: мы уже переехали - через коридор. И символизация этой поголовски смешной и адской эмигрантской жизни с её фантазмагорическими кругами общения и передвижения: Доберман - это не ещё одна бледная фигурка на карнавале, а настоящий! Настоящий приехал! Действительно, самый что ни есть, теплый боками, языком, глазами, дышащий пришелец и выходец. Ну и дальше - пронизанные тем же юмором – сразу стихи, из тех, что может быть один из самых интересных и мало популярных, хотя и хорошо представленных жанров в поэзии: портрет животного, стихи «о настоящем, изящном, как балерина, на четырех, правда, пуантах, очаровательном пинчере». Можно ли перевести это на немецкий - не знаю. Т.е. «хвостатая девочка» была бы может быть ещё лучше на немецком с его обилием уточняющих приставок. Но ведь в приложении к переводу эмигрантской географии надо дать хотя бы ильфопетровскую Варвару, пытающуюся защитить героя, находящегося среди торосов и айсбергов и получающую в ответ от дедули, что знаем мы, мол, этих Айсбергов, Вайсбергов и Айзенбергов, житья русскому человеку от них нет... За рыжей еврейской кошкой, пробравшейся - судя по тексту, исключительно благодаря своей смекалке (её не привезли, она приехала) - наконец-то за кордон, стоит весь немецкий охраняемый архангелами от избыточных членов семьи рай, в котором пришельцы вот-вот оттяпают и булки с деревьев (вот как сейчас помню, до прихода инородцев росли, ей-богу), все до последней пообдерут, да ещё и молочные речки повыхлебают. А Доберман-то ведь тоже поселился сам! И тут становится немножко грустно... И, конечно, в конце пассажа свидание с зеркалом. То ли всё сделано нарочно. То ли бессознательно так написало. Дневник же!

Ваше чувство юмора, которое, на мой взгляд, определяет структуру «Дневника» - в самом простом смысле этого слова: т.е. что, на каком месте и зачем будет записано - чрезвычайно обаятельно. Вы и присутствуете как комментатор, и оставляете «камеру» снимать, как ей снимается. Баланс между присутствием автора и его навязчивым присутствием, а также между присутствием так называемого реального быта и навязчивой бытописи, держится именно как с шестом на канате. И отчетливость и одновременно интимность картины, полное правдоподобие всех картин и фантазмагория получившейся из этого жизни, заставляют смеяться и позже цитировать.

Что касается того, с чем я согласна несогласна, то с дневником не поспоришь. Но о двух вещах, которые резко не понравились, упомяну-таки. У Вас есть мотив сравнения себя и Цветаевой. Он почти везде попадает точно. Не только в смысле: переосмысление традиции «да, и ещё один плюс» и не столько, сколько в его вызывающей неправильности или, если хотите «неправильности». Да как же так, ну при чём здесь голодная Марина Ивановна? Что это за сравнение с поэтессой (я знаю, вы не любите это слово, а вот я все-таки его ценю, как и прочие «женские окончания» как в текстах, так и в жизнях), у которой мужа убили, ребенка уморили? Посопишь носом и начинаешь потом думать: а что же это все-таки было за сравнение? И думаешь себе дальше, сколько же это бывает способов у жизни создавать людей с перехваченным горлом, которые из «синхрона» не увидишь, и ещё: какими утонченными эти способы могут вдруг стать... И как мы попадаемся в ловушки... И как откататься быть жертвой...Но вдруг въезжает грубое «мы с Цветаевой». «Грубое» потому, что оно все размышления отсекает. Про свое хитрое время уже не думаешь. Ну ясно же, всё точно так же, ну точь-в-точь, прямо тютелька в тютельку, как тогда - что уж тут думать: прочитала, посочувствовала, поехала дальше с песней по жизни.

И-второй момент: какое-то робкое, извиняющееся послесловие, словно вы не сильный и дерзкий текст опубликовали, не поступок совершили, а кому-то на ногу в автобусе нечаянно наступили....

Я заканчиваю письмо, надеюсь, прежде, что оно Вам не наскучило. Хочу дописать только одно:

с чего это я взяла, что это хорошо, если проза не складывается, а делает, говоря по-немецки, „Seitensprung“? Это не оттого, что я поэзию ставлю выше прозы наподобие того как Сологубовский Передонов ставил «Мицкевича выше Пушкина». Это хорошо оттого, что совершенно соответствует феномену Вашего «Дневника», тому как, где, кем, почему, зачем и как он написан, «Дневника» часто казалось бы ужасно некрасивого, но нигде не нелепого, не вымученного, не манерного.

Надеюсь увидеть что-то ещё Вами написанное.

Марина Межиева
Вюрцбург 14.4.99

Автор письма – несомненно тонко чувствующий, думающий и образованный человек. Возможно, филолог. (Я не знаю, что изучает, вернее, изучала тогда Марина в университете).

«Мы с Цветаевой выдержали до 49-ти...» - фраза, которая царапнула чуткий слух читательницы. Речь здесь шла, конечно, не о «сравнении» поэтических дарований,

а совсем о другом. И, пожалуй, именно в этом, в «другом», как говорится, «по большому счету» Марина Межиева права.

Что же касается как бы «извиняющегося» финала, до здесь дело обстоит не совсем так. Автор «Дневника» на всём протяжении текста показывает, как постепенно и у персонажей, и у его главной героини проходит «первый испуг, первое ожесточение», как и мысли, и чувства, и сама жизнь выравниваются и «река» входит в своё русло... «Окошки» расширяются, в них появляется НЕБО...

Марина, разумеется, не знала, что как раз в это время одно крупное немецкое издательство заинтересовалось этой вещью, но его «лектор» (грубо говоря, переводчик, потому что в издательствах Германии эта должность в ключает в себя и подбор литературы, и многое другое) предложил мне адаптировать тест для дальнейшей работы с ним, то есть, сначала «перевести» его как бы «с русского на русский», упростив стиль и синтаксис. И немножко убрать – как он написал мне в письме, вписав русское слово, – «жалобы».... Но ведь это был бы уже совсем не мой текст, а значит, таких читателей, как Марина, среди немцев я бы уже не нашла. Другие же мне, честно говоря, не нужны... Именно для таких, откликающихся сердцем – на сердце, метафорой на метафору, пусть их, к сожалению, и немного, и пишем. ...

ЛЕЖАТ В МОЕЙ ПАПКЕ И С ТЕХ САМЫХ ПОР И НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ

Когда началась травля в печати, в редакцию журнала «Родная речь» поступило несколько интересных статей. Они были насыщены серьёзным содержанием, а некоторые, как, скажем, статья г-на Тропше, можно сказать, безукоризненны и в профессиональном отношении. Авторы поднимали в этих статьях важные нравственные вопросы. Но я оказалась в сложной ситуации. Было бы как-то странно и совестно превращать «толстый» литературный журнал в «поле брани», то есть отвечать в нем на всю завуалированную и не завуалированную брань оппонентов даже и предложением серьёзной литературной полемики. Как автору мне бы, конечно, хотелось, чтобы эти статьи увидели свет, но как заместитель главного редактора большого журнала я не могла себе позволить использовать его страницы для личной защиты без особой на то необходимости. К тому же шел уже 1999 год, редакционный «портфель» был полон повестей, рассказов, стихов, накопившийся в Германии творческий потенциал хлынул на нас бурным потоком, надо было помочь как можно большему числу прозаиков и поэтов показать свои произведения читателям.

В своей же личной книге я с удовольствием предоставляю место статьям С.Миллера и Ф.Тропше и благодарю их, как и М.Межиеву, надеюсь, с прощательным, учитывая ситуацию, опозданием за честное и – подчеркиваю – вовремя сказанное слово.

ИСТОРИЯ БЕЗ ГЕОГРАФИИ или ЗАПИСКА СЕРДИТОГО ЧИТАТЕЛЯ

Прошло довольно много времени с момента выхода в свет повести Ольги Бешенковской «Viehwasen 22». Прочитал на одном дыхании. Перечитал снова, и теперь, возвращаясь к отдельным эпизодам повести, наслаждаюсь созвучием мысли и слова.

Да, нравится! (Смело, вызывающе), но не собираюсь писать Оду (не сподобил Всевышний стихами..., а жаль) в честь известной поэтессы, которая впервые открыто сумела подняться (не испугавшись за собственный имидж, рискуя „младенцем“) над «колоколенками» интеллектов, шушукающихся на кухне при опущенных ролладах или пишущих для периодики в более чем «вуальных» предложениях о проблемах «четвёртой волны».

Проблемы-то есть, господа эмигранты! И Ольга Бешенковская выразила их громко и красиво (уверен: и то, и другое - бесспорно как для тех кто принял, так и для тех, кто отверг изложенное. Если, конечно, они

достаточно знающие и вполне честные люди...)

„Эмигрантское болото“ (одни упиваясь, другие утираясь) с трудом проглотило повесть и теперь, переваривая, отрыгивает согласно этикету, воспитанию и образованию. Но в этом извержении есть одно общее - реакция „русской души“. Это нормально, и нормально в том смысле, что русская душа, а она всё-таки русская, как бы нам ни хотелось перестроиться или подстроиться под немецкую, - не получится, уважаемые! («Перестроить можно рожу, ну а душу - никогда»)... В отличие от образа и сознания душа не имеет национальности и, слава Богу, хоть что-то не надо в себя импортировать. Так вот, русская душа не знала и не знает середины (просторы Родины сказались): либо всё отвергаем „до основанья, а затем...“, либо всё принимаем, и это тоже, согласитесь, глупо, но „колоколенки“ звонят и перелив их грустно- грустный..., а впрочем это зависит ещё и от слуха...

Я не пишу рецензию на повесть или многочисленные публикации (упаси меня Господи заниматься этим ремеслом). Но тогда что это? Записка о своём, наболевшем, и, может, несколько слов в защиту сердитого эмигранта, с коим я лично солидарен во многом. Но почему я озаглавил свою статью «Записки сердитого читателя»? Потому что не появились оскорбительные отзывы на повесть «интегрировавшихся» граждан из бывшего .., „я б пера не заточил, да не в жизни бы“....

Предупреждаю, что это моя субъективная точка зрения (я не претендую на истину в последней инстанции, но пытаюсь понять и ответить на вопрос: «Почему возможно гетто?»). Здесь и дальше использую данный термин косвенно, имея в виду не изоляцию (она условна), а дискриминацию переселенцев с Востока. Ведь народ, вынесший на своих плечах боль страданий и унижений, снова оказывается виновным в развале экономики, в возрастающей преступности, в том, что он просто русский немец. Русский немец - какая нелепость в этом определении...

Знакомая бабушка жалуется мне :

- Вот ты послушай, говорю своей соседке: „Их хабе гестерн картофель гежарить“. - Она смотрит на меня и переспрашивает, что это я вчера делала... Повторила - не понимает. Вот ведь до чего язык довели...

...Вся эмиграция в разрезе, видно не вооружённым взглядом, выглядит следующим образом. (Автор повести показывает это, как бы разделив на три группы весь вонхайм). Первая, это те, что не зависимо от условия обитания „стучат на машинках“ и знают, чего хотят в этой жизни. „Видят в лужах - звёзды, не уважают самую изящную в мире лиру- графическое изображение доллара, и вообще шелесту купюр предпочитают бессмысленный шорох листы...“ Чудаки, они горды и счастливы, показывают свою независимость, но не отчуждённость от мира, их волнует всё, что происходит с людьми, с которыми они объединены единой площадью проживания. Их лично касаются и тревожит всё в этом не лучшем из миров... К таким безусловно относится и автор повести. Русскую интеллигенцию всегда занимало три вопроса: Что происходит? Кто виноват? Что делать? Она, эта всё замечающая интеллигенция, всегда стояла и стоит в оппозиции к любому режиму, к любой государственности (как к аппарату насилия), в какой бы форме насилие ни проявлялось. Сердитый эмигрант - представитель интеллигенции, попытавшийся дать ответ на эти извечные три вопроса. У людей подобного склада ума и образа мышления всегда конфликты с окружающим миром: они видят дальше и глубже простого обывателя. Знают себе цену, „убивают“ прямоотой и искренностью. Для них, „целый мир - в той или иной мере - чужбина“. В искусство эти «чудаки» вкладывают свою обнажённую душу...

Вторая - более разношерстная, суетящаяся публика, в основе своей растерявшаяся и потихоньку расслаивающаяся: одни, деградируя, скатываются к обывателям, другие тянутся вверх, к первым, стараясь занять достойное место в новом обществе. В отличие от обывателя, ещё задают себе и другим вопросы. Они считают, что им просто не повезло (или повезло) с их высшим, „верхним, заушным“ образованием. Пробуют себя в различных областях многоотраслевой экономики. Переучиваются, приобретая профессию и язык одновременно. Их что-то ещё интересует, они к чему-то стремятся, не сидят сложа руки, помня, наверное, что движение это и есть жизнь.

И, наконец, третья, самая многочисленная, самая послушная и равнодушная публика: обыватели. Их не интересует ничего, потому что для себя они сделали вывод: эта жизнь в любом случае лучше той бывшей, где они и этого не имели... Они счастливы тем, что у них есть своё гетто. Они его не ощущают, принимая за чистую монету всё и будучи свято уверены, что всё это для их же блага. Этим не надо, уважаемый Антон Павлович, выдавливать из себя по капле раба. Квартира, мебель, жрачка, машина - компоненты счастья. Газеты, книги, театры, выставочные залы не входят в круг интересов; в лучшем случае - телевизор, а там вся культура - «ляпота!» Ностальгия? - А что это такое и зачем, когда всё есть? Меня это удивляет, но не возмущает (каждому своё - как гласила надпись в одном из фашистских лагерей).

Много раз, под разным предлогом, приносил газеты и журналы своим временным коллегам по экспедиции (работал я в Археологическом центре земли Баден-Вюртемберг; в Штутгарте, как и везде в Германии, раскопки древностей производят мобилизованные биржей труда, „временные“). В лучшем случае - посмотрят предпоследние страницы газет, а на первых, дескать, одна „брехня“ - сами-то они и не читали, но так говорят... На мой вопрос, что вы читаете, удивлённо пожимают плечами и лишь один ответил (дословно): „Вообще-то я читал „ Анну Каренину“ и „ Му-му“. Я оживился, сами понимаете, ну хоть о чём-то можно поговорить с человеком, а он продолжает: „Только не помню, в какой книжке „ Му-му“ под поезд бросают“... Я не осуждаю обывателя, а может быть где-то и завидую его спокойной, согласитесь, жизни. Он не задаёт

себе вопроса по Достоевскому: "Человек я или тварь дрожащая?". И сказку Салтыкова-Щедрина о примудром пискаре (...жил дрожал и умирал дрожал...), если и читал когда, то согласно школьной программе, а уж про Ницше, Гессе, Мора, Пастернака, - да и зачем оно ему надо?..

И где ему (им) понять Ольгу Бешенковскую с её «наплывами» из истории и литературы, с её нежеланием рабства, доходящим до физической боли, с её честностью и беспощадностью к миру и, в первую очередь, к собственной личности, к собственной – правильнее сказать – героине, с её высокими (как у всех русских писателей) требованиями к человеку?.. Но их – большинство. И они – судят...

Вспоминаю анекдот с «бородой»: абитуриент сдаёт экзамен по истории. По билету не знает ничего, экзаменующий профессор предлагает ответить на дополнительные вопросы:

- Вы знаете, что была революция 1917 года ?
- Не-е, не знаю.
- А Великая Отечественная война?
- Не-е, не знаю.
- Ну, а сейчас перестройка в стране, слышали, наверное?
- Не-е, не слышал.
- Откуда вы, молодой человек?
- Я из Чугуева (Черновцы).
- Эх-х! Бросить бы всё, да уехать к вам в Чугуево... – вздыхает профессор...

Примерно так в моём субъективном (основанном на общении и чтении переодики) впечатлении выглядят в разрезе эмигранты „четвёртой“. Я не изобретаю колеса и не открываю Америку, - это естественное образование групп, соизмеряемое не социальным положением, а интеллектуальным уровнем, - и только! Отсюда различность целей, взглядов, а значит отсутствие единства, даже в принципиально важных вопросах. А наличие многочисленных „обществ“ (уже воюющих между собой) как нельзя лучше показывает, что в нас „общее“ и насколько мы можем общаться...

Не только Наполеон или Гитлер не могли понять русскую душу, но мы и сами-то себя понять не можем, разобраться со своим „скарбом скорби“, замыкаемся в себе или ищем виновных в своём окружении.

Например, на страницах мною уважаемого „Контакта“, была полемика, „что такое хорошо, что такое плохо?“ на тему „Мы в Германии“. Но нам не привита видно с детства культура ведения спора, в основе чаще всего лежит принцип: „главное прокукарекать - а там хоть не расцветай“, и особенно на животрепещущую тему „Эмиграция“. Пишущие быстро (эмоции захлёстывают) переходили от темы - к личности. Заканчивались „споры“ не выводами, а оскорблениями. Лично я исключаю такую возможность общения, ни к чему хорошему это не приведёт. Турки, например, могут заявить о себе, поднявшись над личной амбициозностью, напомнить, что они тоже люди, потребовать, чтобы считались и с их мнением. Переселенцы с Востока- никогда.

Тысячу раз прав „сердитый эмигрант“ и в этом вопросе: „Менталитет - это алфавит с человеческим лицом“...

А между тем, пока мы ковыряемся в себе, в родственниках, в соседях, как куры в навозе, что-то разгребая, выискивая, обличая, мы теряем наших детей. (Тургеневская проблема всплывает здесь острее и жестче.) Мы перестаём понимать их, а они – нас.

И пока мы носимся ошарашенно по красиво упакованному «фатерланду», как дурень с писанной торбой, законы вырастают как грибы после дождя, всё больше показывая отношение правительства к переселенцам...

Я лично не понимаю и не смогу понять, как бы мне ни старались объяснить, что это делается во благо или продиктовано какими то внутриэкономическими причинами (закон о „закреплении“, о пенсиях, о языковом тесте...) Меня возмущает статистика своей бездушностью цифр: приехало русских немцев..., уехало русских немцев..., ещё проживает в республиках бывшего...

Мы, по сути, - такие же эмигранты, как и евреи, хотя нас принимают по разным программам. И «сердитый эмигрант» в чем-то заступился и за нас тоже.

И снова иммигранты, собрав полуразобранные чемоданы, катятся из очередных временных лагерей как перекасти-поле за ветром закона на освоение не Сибири и Северного Казахстана (времена другие, государство демократическое), но почему-то приходит на память строка О.Бешенковской - „кто законопослушен - послушен любому порядку...“.

Да! Ольга Юрьевна, прав умница- Бисмарк. И Вы – очень во многом – тоже.

Говорю об этом тем, кто пишет на страницах газет и журналов о демосе как сбывшейся мечте, рассыпаясь биссером в своей благодарности. Но перед кем, позвольте вас спросить? Оглянитесь вокруг!

Мы снова платим своей жизнью за чьи-то ошибки. За чьи-то скороспелые, экономические не подготовленные договорённости «на высшем уровне». Только теперь уже не в Казахстане, а на своей исторической Родине.

Не могу не ответить эмигрантам со стажем, чьи советы, может быть, полезны для будущего, но сейчас, как „мёртвому - рукопожатия“. Вы приехали, во-первых, не на гребне „четвертой“, во-вторых, в совершенно иной моральный и экономический климат, в - третьих, вы увезли с собой (что вам и помогало) диссидентскую злобу и ненависть. И это нас рознит, а не „серпастый и молоткастый“. И ещё, никак не могу понять это выражение: «Мы живём потому что свободны». Извините мою бестактность, но свободны от чего или от кого ? От „скарба

скорби", от „корешков любимых книг", от окружения, от мыслей, от вопросов без ответов? Или всё происходящее с нами вас не касается? Ежели не касается, то и не выступайте... Промолчите, пройдите мимо...

Не делаю выводов и не даю советов (хотя и сам тоже из страны Советов), умышленно опускаю третий вопрос русской интеллигенции . „Каждый выбирает по себе - женщину, религию, дорогу," каждый несёт свой крест, каким бы тяжёлым тот ни был.

Закончу стихами Ольги Бешенковской из её «Дневника»:

«Мы стоим, как волхвы, над рождением нового дня,

И каким бы он ни был, для нас он - великое чудо...»

Сергей Миллер
Бендорф, март 1999

И хотя я не только не писала специально, но даже и не подозревала в пору ведения «Дневника» о проблемах русских немцев, дело, видимо, в том, что «Дневник», как и его автор, принципиально лишены какого-либо национализма. Националисты как правило не видят дальше своего носа, не говоря уже о том, что они, националисты, довольно часто - элементарные карьеристы, строящие свой имидж «защитников народа» за счет народов других, унижая их или, в лучшем случае, просто не замечая...

Мне близок в статье С.Миллера его общекультурный подход к национальным проблемам. Как и ему, судя по статье, - мой...

Заметки по поводу статьи Игоря Полянского „Эмиграция перед зеркалом" („Зеркало Загадок" 8/99)

Статья Игоря Полянского имеет подзаголовок «Обзор русских литературных журналов в Германии». Задача, которую поставил перед собой автор, весьма своевременна. Ещё каких-нибудь шесть-семь лет тому назад появление подобной статьи было невозможно, поскольку не было предмета разговора: не было никакой русской литературной жизни в Германии. Теперь она, благодарение БОГУ, есть и есть о чём поговорить. Читатель статьи с вышеупомянутым подзаголовком вправе рассчитывать литературоведческий анализ процесса, но именно этот аспект в статье И. Полянского почти отсутствует. Зато присутствует социологический. Например, вырываясь из явно стесняющей свободу движений темы, автор кратко и точно формулирует проблему, постоянно муссирующуюся в еврейско-эмигрантской среде: „кто мы?" Автор делит спорящих на две партии, которым он не без остроумия даёт названия: „некультурные консерваторы" и „культурные либералы". Правда, эта проблематика непосредственного отношения литературному процессу не имеет, но зато „умри, Денис, лучше не напишешь".

Бросаются в глаза три составных части рассматриваемого текста: неразборчивость (или тенденциозность?) автора в выборе примеров, несоразмерно большое место, отведённое критике повести О.Бешенковской (правильнее было бы сказать - критике самой О. Бешенковской, что наводит на мысль, что всё остальное в статье – лишь макияж, призванный замаскировать её истинную цель...), неровная стилистика. Начнём с последнего утверждения.

Как вы думаете, что может скрываться за следующим пассажем: „Создавая понятийный шум высокой концентрации и заражая читателя хроническим вербальным иллюзионизмом, „Родная речь", с одной стороны, легитимирует дезинтеграцию, а с другой, несомненно, является её вторичным продуктом."? Ну как?! Глаз невольно ищет слово „парадигма", без которого сегодня ни один «приличный» критик не обходится. Или же: „...большинство из которых объясняется ценностным, когнитивным и регулятивным дефицитом." Ох, и умён же, черт возьми, этот автор, думает иной читатель, тщетно пытаюсь продраться сквозь этот понятийный шум. А раз умён и начитан, значит, и прав. Отнюдь не всегда, возразим мы, отнюдь не всегда. Иногда, бывает, «образованность свою показать хотят», а сказать-то и нечего...

Второе. Приводя в качестве примера не очень удачный рассказ А. Сохриной „Сапоги от Жванецкого" или дважды процитировав одно стихотворение Л. Розиной (две строфы, выдаваемые автором за два произведения), И.Полянский по сути дела пытается в завуалированной форме дискредитировать журнал „Родная речь", который материалы опубликовал. К сожалению, на 250-страничном пространстве журнала наш критик не нашел ничего более заслуживающего внимания, чем эти тексты.

Пытаясь показать себя снисходительным, автор вводит в свой текст следующую фразу: «Для нас журнал „Родная речь" интересен не только публикуемыми в нем материалами (среди них есть, кстати говоря, немало удачных)...» Показательны скромные скобки и отсутствие хотя бы названий этих „удачных" материалов...

Естественно, что все публикации журнала (не только „Родной речи“) не могут, да не должны быть равноценными. Кстати, журнал „Зеркало Загадок“ также исключением из этого правила, увы, не является. Но судить об уровне того или иного журнала следует по его лучшим, „пиковым“ материалам. Став на противоположную позицию, И. Полянский демонстрирует необъективность, и, как нам кажется, не совсем верное понимание роли литературного критика; автору статьи кажется, что качество критики прямо пропорционально количеству негативных ярлыков и порою просто оскорбительных выпадов, направленных против почему-либо непонравившегося автора. Можно раздражаться гневными филиппиками, обоснованными и доказательными (просим заметить!), против неудачного с точки зрения критика произведения, но негоже оскорблять литератора. В этом смысле статья И. Полянского обнажает ментальную „советскость“ её создателя. Очевидно, принципы и приёмы „Правды“ и „Известий“ бессмертны. Их привозят с собой.

Теперь позволим себе пройтись по тексту, в котором при ближайшем рассмотрении обнаруживается немало любопытных, хотя с нашей точки зрения странных замечаний. Мы приносим заранее извинения нашему читателю за обильное, но вынужденное цитирование.

Уже во втором абзаце „Обзора“ мы наталкиваемся на следующее утверждение; „Так например, „Берега“ и „До и после“ (названия обозреваемых автором журналов - Ф.Т.) финансируются еврейскими организациями. Набор тем оответствующий.“ Прервём цитату и заметим в скобках, что и в неизвестно кем финансируемом „Зеркале Загадок“ наиболее часто встречающиеся слова – „еврей“ и „антисемит“. На узком пространстве, ограниченном этими поляным по значению, но находящимися в одном понятийном (радоп!) ряду словами построил свои редуты и сам И. Полянский. Впрочем, это вопрос мировоззрения. Продолжим прерванную цитату: „А на обложке „Родной речи“ - наоборот (что означает это „наоборот“?) - логотип издательства „Контакт“, выпускающего также русскоязычную газету. - Логотип этот набран таким зловещим готически шрифтом, что невольно поёживаешься, обнаружив на первой же странице первого номера журнала предупреждение: „Для „Родной речи“ нет, как было сказано задолго до нас, ни эллина, ни иудея“. Давайте остановимся и разберёмся в это загадочном предложении. Оно составлено так, что предполагает разночтение: готический шрифт после 15-го века прекратил своё существование. Причина поёживания И. Полянского называется „Fraktur“ Но если автора передёргивает от предупреждения „Родной речи“, то это означает, что И.Полянский не приемлет миротворческого смысла, заключённого в библейской цитате. Это означает, что обозреватель не навоевал ещё, что экстремистский эсэровский лозунг „В борьбе обретёшь ты право своё“ находит горячий отклик в его сердце. У верблюда два горба, потому что жизнь - борьба. Провозгласив русский язык отечеством (реминисценция пушкинского „отечество нам - Царское Село“), „Родная речь“ пытается найти что-то, что объединило бы всех нас - немцев, евреев, русских, украинцев, армян, белорусов, грузин - всех, кто волею судеб оказался в Германии. Все мы очень разные, но у нас есть общее прошлое - это Советский Союз и с настоящее - это русский язык. Мы думаем, что задача, которую ставит перед собой „Родная речь“, в высшей степени благородна. И даже если она в каком-то смысле наивна, то вряд ли достойна осмеяния и агрессивных нападок.

Надёргав цитат, в которых есть слово „зеркало“, из произведений разного жанра и поставив их одну за другой, И. Полянский делает весьма поверхностный вывод: «Создаётся впечатление, что русская эмиграция свободное от сочинительства время проводит преимущественно перед зеркалом. (...) А перед зеркалом по понятным причинам с особой остротой встаёт национальный вопрос...». Ответ на который, продолжим мы, по всей видимости находится за зеркалом, в которое русская эмиграция смотрит не столь часто, как хотелось бы И. Полянскому - за „Зеркалом Загадок“... Кроме того, не совсем ясно, какой национальный вопрос может вставать перед русской эмиграцией. Заметим также в скобках, что все эти рассуждения опять-таки стоят несколько в стороне от литературной полемики.

Теперь, наконец, мы подошли к третьей, обещанной нами, составляющей - к стоящей особняком критике журнала „Родная речь“ и опубликованного в нём „пространного“ (по определению нашего критика) произведения О.Бешенковской „Viehwasen 22“. Не дав никаких оценок этому произведению, не коснувшись ни его стилистики, ни формы, ни языка; не заметив вкрапленных в текст превосходных стихов, не обратив никакого внимания на выстраданную исповедальность интонации - то есть, по сути дела не прочитав этого сочинения, И. Полянский, уцепившись за начальную фразу („Господи, как я ненавижу людей... Особенно немцев и евреев“), и не разобравшись, что к чему, срочно врубаёт сигнал тревоги: „Караул! Бешенковская антисемитка!“ Сделав это открытие, критик, охваченный охотничьим азартом, кричит: „Ату её!“ и, показав свою эрудицию, тут же ставит знак равенства между повестью О.Бешенковской и произведениями классиков русского антисемитизма И. Родионова, Е. Шабельской и Н. Брешко-Брешковского. Но этого ему кажется мало, и он пускается в пространные рассуждения по поводу антисемитского романа дочери Льва Толстого Александры Толстой «Предраассветный туман». В качестве аргумента И. Полянский приводит ругательное письмо Набокова Алданову, вышеупомянутый роман напечатавшему. Критик воспламеняется всеми этими фехтовальными сценами настолько, что, похоже, забывает, что Алданов не Бешенковскую печатал, что Толстая еврейкой не была и что Набоков не против „Viehwasen 22“ протестовал. Кстати, о том, что Бешенковская принадлежит к нации, которую в СССР обозначали словом «да», И. Полянский сообщает своему читателю с большой неохотой. И обвинения в антисемитизме и после этого не снимает. Получается полная чепуха, сапоги всмятку. Еврей не может быть антисемитом: даже если он и не любит свой народ

(вспоминается замечательная, весьма популярная в старосоветские времена фраза: „Я тебя, с-с-сука, научу р-р-родину любить!“), то всё равно является его частью и страдает вместе с ним и за него. О чем, кстати, в «Дневнике сердитого эмигранта» немало страниц...

Кстати, здесь было бы уместно сообщить, что автор этих заметок тоже еврей и даже одессит, хотя „золотыми зубами и не щёлкает“ (выражение, заимствованное не у Бешенковской, замечу, а у И. Полянского...).

В одном из писем Петру Андреевичу Вяземскому Пушкин написал такую фразу: „Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног - но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство.“

Бешенковская не иностранка для своего народа и, по нашему мнению, имеет право относиться к нему, как сочтёт нужным. Разумеется, не следует понимать первую фразу из повести Бешенковской так буквально, как сделал наш уважаемый критик. (И можно ли вообще браться за литературную критику, не понимая элементарных литературных приёмов?) В каждом народе заложены какие-то узнаваемые, не самые лучшие качества, которые можно, если не ненавидеть, то по крайней мере не любить: это и французская скупость, и английский снобизм, и немецкая прямолинейность, и итальянская крикливость, и русское пьянство. В этом ряду стоит и еврейская местечковость, против которой с глубокой горечью протестует своей повестью О. Бешенковская.

Что побудило И. Полянского с такой злобой обрушиться на „Родную речь“, что подвигнуло его на прямой призыв бойкотировать новый журнал („Следующие номера „Родной речи“ покажут, существует ли „авторская цензура“ сегодня, на каких авторов этот журнал ещё может рассчитывать“), что в определённых кругах считается, мягко говоря, не комильфо? Трудно ответить на этот вопрос. Борьба за читателя? Конкуренция? Но „33“ и „РР“ конкурентами быть не должны - у них программы разные: „Родная речь“ - издание художественное, беллетристическое, „Зеркал Загадок“ прозу не печатает, делая исключение только для одного автора. Что же тогда? Мне, читателю обоих журналов, этого не понять. Но что-то же за всем этим кроется...

И последняя цитата: „Времена меняются, и некому адресовать вопрос „Зачем вы это поместили?“ (критик имеет в виду повесть О. Бешенковской - Ф.Т.), ибо „госпожа Бешенковская сама написала, сама и „поместила“. Это потому возможно - продолжим мы мысль критика - что Ольга Бешенковская является заместителем главного редактора журнала „Родная речь“.

А сам господин Полянский, между прочим, - главный редактор журнала „Зеркало Загадок“... Вывод предоставляется делать читателю. ...

Ф.Тропше
Ганновер, 02.04.1999

Сегодня я могу с многолетним опозданием ответить г-ну Тропше на вопрос, зачем И. Полянскому понадобилось дискредитировать и моё произведение, и журнал «Родная речь». «Что-то» за этим, конечно, крылось... А что именно – подробно рассказано в главе «Травля». Обиженные приятели Полянских заодно невзлюбили и всю «Родную речь». Этого оказалось достаточно, чтобы г-н Полянский накинулся и на повесть, и на журнал, не обращая внимания на их профессиональные достоинства и не стесняясь в методах достижения поставленной цели...

Филолог, критик, литературовед? Или же – «маменькин сынок», дитя околелитературной, псевдонаучной околицы?

Вывод - ещё раз - предоставляется сделать читателю...

Идут годы, а «Дневник сердитого эмигранта» всё не забывается, причем, никем: ни штутгартскими прототипами и их «друзьями» (в кавычках, потому что сослужили они плохую службу и себе, и друзьям, попытавшись учинить всеми усвоенными в СССР способами расправу над писателем), ни читателями. Второе, конечно, радует. У меня не раз просили, и устно и в письмах, дать почитать или же прислать эту книгу, а не так давно в газете «Европа -Экспресс» мелькнуло частное объявление, обращенное ко всем читателям газеты: кто поможет достать «Дневник сердитого эмигранта» и другие книги О.Бешенковской? Никто не мог помочь с «Дневником», в том числе и сам автор, потому что весь тираж этого выпуска журнала, можно сказать, даже не разошелся, а разлетелся, из штутгартской центральной библиотеки журнал исчезал дважды, у меня самой остался

только один авторский экземпляр.

И вот на календаре уже 2004-й год, а издающаяся в Берлине «Еврейская газета» снова поднимает вопрос о «Дневнике сердитого эмигранта», причем поднимает его – наконец-то в Германии! – на должную высоту...

Я привожу статью М.Савинской в полном объеме, потому что речь здесь идет не только об одной моей на шумевшей вещи, но о вещах куда более важных: о свободе литературного слова как таковой, о праве писателя открыто выражать свои мысли, о том, что «борец против антисемитизма» стало в еврейской эмиграции чем-то вроде профессии, овладеть которой куда легче, чем какой-либо другой: достаточно вскарабкаться на трибуну и клеймить «врагов», сходу причисляя к ним и крупных писателей...

ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

№ 07(23) Juli 2004

Осуждение или обсуждение?

КАК ЧАСТО ДЛЯ МНОГИХ НАШИХ ЖУРНАЛИСТОВ И ЕВРЕЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ЖИВУЩИХ В ГЕРМАНИИ, БОРЬБА ПРОТИВ АНТИСЕМИТИЗМА СТАНОВИТСЯ ПОЧТИ ПРОФЕССИЕЙ, РАДОСТНЫМ ПОВОДОМ ВОЗВЫСИТЬ СВОЙ ГОЛОС, ИЗЛИТЬСЯ «ПРАВЕДНЫМ» ГНЕВОМ И ПОГРОЗИТЬ ПАЛЬЦЕМ ВСЕМ ЗАПОДОЗРЕННЫМ В ЭТОМ ГРЕХЕ.

Недавно в информационном русскоязычном журнале Гамбурга прочитала объявление: «Осуждение Солженицына «200 лет вместе». Мне подумалось тогда, что даже если это опечатка, то опечатка знаковая, значимая, предвещающая определенную настрой и характер обсуждения. И я не ошиблась. Разбор книги проходил под знаком возмущения и, конечно же, осуждения за порой нелицеприятные, спорные, а иногда и шаблонные высказывания Солженицына о роли и месте евреев в двухсотлетней истории русско-еврейского совместного проживания.

Я пишу об этом не для того, чтобы опровергать доводы выступавших, их часто оскорбительные обвинения в адрес писателя. Для трезвого обсуждения и анализа нужно время и душевное затишье. Но я боюсь укоренившихся мифов, часто сопровождающих многие достойные писательские имена. Ведь достаточно чьих-то недобросовестных, урезанных цитат, так называемого «широкого мнения», и от нас ускользает полнота взглядов художника. И вечное клеймо антисемита мешает объективному пониманию его творчества.

Для примера хочу напомнить нечасто публикуемые высказывания Достоевского, многими признанного «законченным антисемитом». Высказывания, которые обнаруживают совсем другие взгляды художника, тоже заслуживающие внимания читателя. Да, хорошо известно, что Достоевский неприязненно относился к евреям (как и к полякам, болгарам, немцам и т.д.), чувство юдофобии усиливалось у него со временем и наиболее остро проявилось в последний период жизни, в начале 70-х годов, особенно на страницах «Дневника писателя». И всё же стоит без пылких осуждений, односторонности и штампов внимательно прочитать и понять его высказывания, тем более что сам Достоевский всегда умел воспринимать аргументы, опровергавшие его доводы. И он совсем не был постоянен в них (как во всём, что думал и писал), мучительно раздваивался, сомневался в своих мнениях. Он никогда не искал среди чужеземцев или инородцев виновных и ответственных за русские беды. Тому доказательство, прежде всего, его художественное творчество. У него русские люди творят трагедию, совершают преступления. Русские люди гибнут за металл, обуреваемые жадностью и алчностью.

Лужин и Свидригайлов, Рогожин и Тоцкий, Ставрогин и Верховенский, семейства Карамазовых и Епанчиных – всё это русский мир, русская стихия с ее пороками, страстями, грехами и грехопадениями. Да, он называет проценты, которые берет его русская старушка с нищих студентов, «жидовскими». Но он же в «Дневнике писателя» за 1877 год, где в мартовском выпуске содержатся главы о еврейском вопросе, пытается осмыслить эти расхожие, не только для него привычные в то время определения.

«Уж не потому ли обвиняют меня в ненависти, что я называю иногда еврея «жидом»? Но, во-первых, я не думаю, чтоб это было так обидно, а, во-вторых, слово «жид», сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: «жид, жидовщина, жидовское царство» и проч. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века. Можно спорить об этой идее, не соглашаться с нею, но не обижаться словом».

И объясняя эту идею, это понятие, Достоевский, хотя и «переходит черту» и слишком обидно и страшно

рассуждает о еврее-ростовщике, религиозном фанатике, хоть он и повторяет расхожие взгляды, что «еврей любит торговать чужим трудом», любит посредническую деятельность и т. д., он не призывает к насилию, а указывает на сложившиеся социальные реалии, привычную расстановку сил. Эти рассуждения, скорее, подчеркивают болезненное неприятие писателем духа наживы и торгашества, всё более усиливающегося обуржуазивания своей эпохи (отсюда и его периодические вспышки ненависти к Западу вообще).

Но когда речь заходит о социальном положении евреев в тогдашней Российской империи, то в том же «Дневнике писателя» Достоевский решительно записывает: «Несмотря на соображения, мною выставленные, я окончательно стою, однако, за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, за полнейшее равенство прав с коренным населением». А еще раньше, в 1862 году, именно журнал Достоевского «Время» одним из первых начал публикацию статей о бедственном положении еврейского населения, проживающего в черте оседлости. И там читаем такие строки: «Евреи стеснены весьма значительно, и огромное количество их живет в крайней бедности... Живут они обыкновенно в страшной тесноте и в своих занятиях, ремеслах соперничают друг с другом до последней крайности, чтобы каким-нибудь образом просуществовать... Если есть хоть тень правды в том, что евреи вредят христианскому населению того края, в котором они живут, разоряя крестьян своим настойчивым добыванием барышей, то на это одна только причина: невозможность вселиться туда, где нужна их работа, где они могут быть полезны прямым, честным трудом».

Говоря о мотивах неприязни между русскими и евреями, осуждая любое насилие на этой почве, Достоевский всегда призывал своих соотечественников искать «не в селе, а в себе». И в этом он видел решение любого трудного вопроса, в том числе и русско-еврейского: «...хочешь переделать мир - начни с себя». А свой пресловутый «Дневник писателя» он закончил призывами к братству, подчеркивая, что «для братства, для полного братства нужно братство с обеих сторон».

Кроме того, все юдофобские высказывания Достоевского чередуются с признанием исторической роли «великого племени» (так он называет еврейский народ), его жизненной силы и признанием факта, что существует «некая идея, движущая и влекущая этот народ, нечто такое мировое и глубокое, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнести своего последнего слова». Это пишет писатель, так часто беспощадно обличающий свой собственный народ.

Сложилась парадоксальная ситуация: любая уважаемая и уважающая себя нация может, как правило, спокойно выслушивать мнения о себе, может сама зло насмешничать и горько сокрушаться по поводу своих типичных слабостей, пороков и привычек. Но только не мы. О нас - достаточно слова осуждающего или недоумевающего, отнюдь не призывающего к чему-то экстремальному, как ты - уже и антисемит (ну а если два слова, то уже антисемит «зоологический»). Даже если эти слова идут от нас самих. О! Это еще хуже, тут уже обвинения в предательстве.

В этой связи хочу напомнить нападки и оскорбления, посыпавшиеся несколько лет назад на талантливые «Записки сердитого эмигранта» О.Бешенковской. Меня восхитили проза и стихи писательницы, восхитили искренностью, талантом. Это записки лирические и философские, иногда - жесткие и гневные от нахлынувшего душевного ожесточения, столь знакомого эмигрантам, но написанные болью сердца.

- Какой же болью? - спросит кто-то, начиная читать, - ведь автор открывает повествование со слов ненависти. И - о ужас! - ненависти «к немцам и евреям, вернее, к евреям и немцам» (если б только к немцам, туркам, неграм и т. д. - моих милых соплеменников это бы не только не возмутило, а нашло бы искреннее сочувствие).

И посыпались крики: «Караул! Антисемитизм!» Но прочитаем дальше: «...не об антисемитизме здесь может идти речь, ибо автору хорошо - на собственной терпкой крови - известно, что за столько веков и испытаний не отреклись евреи от веры своей, не предали главного, и не об антигерманизме, ибо доходящая до ненависти любовь свидетельствует о причастности...»

О своей причастности ко всему и ко всем писала автор. Писала она о нас, здешних, советских евреях, советских эмигрантах, сохранивших и умноживших все накопившиеся совковые унижения и амбиции и не желающих от них, этих амбиций и претензий, отказываться. Так, может быть, стоило воздержаться от нападок, остановиться на минуту, прислушаться, приглядеться, как мы выглядим, как живем в приютившей нас Германии, где по каждому из нас судят и обо всех вместе? И не было ли у автора оснований заметить в нас «малодушие, готовность унизиться, схитрить, печально-комическое раболепие»? Но в противовес словам о многих из нас, охотно обманывающих и униженных, громко «возникающих и вечно грызущихся», тут же авторский восхищенно-утверждающий вопрос: «...разве не становились евреи врачами и адвокатами, разве не оседали в столицах и не восхищали публику вдохновенным рыданием клавиш и запредельным, казалось, полетом смычка?»

Да. Становились и становятся. И мы знаем это, гордимся этим и можем позволить себе, как любая другая нация, иметь в нашей жизни и истории негодяев, комиссаров, нечестных торгашей и религиозных фанатиков-националистов. Почему же мы так нетерпимы к любым обидным для нас словам, даже сказанным талантливым и думающим автором? Почему не пытаемся заглянуть глубже, чтобы с достоинством ответить или равнодушно промолчать?

Да, мы, наверное, как ни один народ в мире, вынесли много оскорблений, наши близкие подвергались

страшным, трагическим испытаниям только потому, что родились евреями. Да, в нас живет страх, что чьи-то высказанные вслух или опубликованные недобрые мысли спровоцируют злые действия. Но это не означает (возвращаясь попутно к началу статьи), что нужно столь скоропалительно, столь оскорбительно судить писателя, посмеявшегося высказать воззрения, включающие и нелюбезные слова в наш адрес. Нетерпимость к другим взглядам - это фанатизм. А любой фанатизм, и еврейский - не исключение, нечестен. Зачем же уподобляться печально известным фанатикам националистического толка, отстаивающим свои мнения с помощью урезанных цитат, угодных им, вырванных из контекста произведений литературы? Как часто для многих наших журналистов и еврейских общественных деятелей, живущих в Германии, борьба против антисемитизма становится почти профессией, радостным поводом возвысить свой голос, излиться «праведным» гневом и погрозить пальцем всем заподозренным в этом грехе.

Но не превращаем ли мы тех, кто готов мирно обсуждать с нами нашу жизнь и нашу историю, в наших врагов? Не провоцируем ли их на то, чтобы загнать свои взгляды вглубь, промолчать, прилично посторониться до поры до времени?

Майя САВИНСКАЯ

Статья эта перепечатана мною целиком, так как речь в ней идет не только и даже не столько о моей вещи, сколько о вещах куда более важных: о праве литератора на собственное мнение и о выросших в эмиграции «идеологах».

Замечу: на календаре уже 2004 год.

И наконец год 2005-й.

Начавшаяся в 1998-м и не прекращавшаяся все эти годы травля перешла в откровенную уголовщину.

119 Но какая связь, может спросить читатель, между выходкой завистливого, возможно, психически нездорового одиночки и предшествовавшей полемикой в печати, на каком бы уровне та ни велась? Вернитесь к началу этой главы, к письму г-жи Друскиной, к «статьям-не статьям» в «Литературном Европейце» и в «Зеркале загадок», посмотрите, так ли уж отличается их содержание и смысл от анонимок, вложенных, и уже неоднократно, в газету «Импульс»? Разве это не тот же стиль, не тот самый же курс (привожу заголовок в «Еврейской газете», выступившей в защиту моего честного имени) «на полное уничтожение»? Разве это не те же самые в сущности своей оскорбления, основанные на заведомой лжи и на развязности её производителей и распространителей? Хотела бы я посмотреть на того «храброго фронтовика», который побоялся даже поставить своё имя под грязью «собственного сочинения», но не постеснялся потихоньку подсовывать его в приемные ничего не подозревающих русскоязычных врачей, в стопки газет и журналов, предназначенных для ожидающих своей очереди пациентов... (Не говоря уже о том, что почти все персонажи – см. главу «Травля» - оказались так или иначе давно знакомы друг с другом...)

Главное в таких мерзких делах, как писал С.Миллер, «прокукарекать»... Или, как ещё говорят: мажь гуще - что-нибудь да пристанет... Будем надеяться: не пристанет.

Приведенные в этой главе материалы свидетельствуют о том, что и в эмиграции всё же есть на кого надеяться, хотя на родине в такой ситуации из еврейской общины задолго до меня самой вышли бы в знак протеста коллеги по перу (если бы они, конечно, там состояли), точно так же, как выходили из Союза писателей СССР, когда травили товарища. Но борцов, не будем идеализировать прошлое, и там было негусто, чего же ждать от тех, кто приехал на Запад просто за лучшей жизнью... Радует уже то, что и здесь есть люди, не разучившиеся читать и не оставляющие без ответа подлые выпады.

Чтобы показать, до какого уровня докатилась травля в Штутгарте, прилагаю эти, как совершенно правильно выразилась в своем объяснении в «Еврейскую газету» издательница и редактор «Импульса» г-жа Фундаминская, недостойные анонимки...

О связи же звеньев в цепной (оба смысла этого слова имеют место быть...) травле, вывод – по Ф.Тропше – после всего прочитанного предоставляется сделать читателю...

АНОНС

ВЫСТАВКА фотодебила – пана Анатоля-Соломона Поц-Кузнецовича, который представил превосходную серию фотографий «ПРОМЕЖНОСТЬ», где блестяще показана (слегка подгнившая) часть тулова известнейшей пиццессы Олёнки Беженковской-Запашковской, *в разгаре*. Фотографии настолько натуральны, что посетителям при входе выдают армейские противогазы, во избежание отравления запахом, исходящим от фотографий.

НОВИНКА. В продажу поступили подарочные комплекты туалетной бумаги многократного использования со стихами большущей пи-пиццессы Олёнки Беженковской-Запашковской. После первого использования листка бумаги с напечатанными стихами О.Б.-З. стихи эти уже читаются с меньшим отвращением. Почитателям, прихлебателям и популизаторам значительная скидка. Остальным – нет.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕРОК афоризматика Анатоля-Соломона Поц-Кузнецовича состоится намеренно в издательстве «РКАЦЕКЕЛИ». Талантливый фото-и афорокузнец недавно за перлы – *«любил рисовать деньги»* (о художниках) и *«пение певицы напоминало мяуканье кошки»* (о вокалистах) был удостоен Главного приза фестиваля на Соломоновых островах – «Деревянный Остолоп». Имейте в виду, что билеты уже расхватааны.

Уважаемые соотечественники,

в декабрьском номере газеты “ВВ НОВОСТИ”, выпускаемой Zekeli-Reisen, на 16-й странице Вы можете прочесть несколько стихотворных опусов некоей Бешенковской. И самым первым из них стоит, с даже не завуалированным антисемитским душком, хамский по отношению ко всему еврейскому народу, стишок 2004-го года производства. Обратите на него внимание. Не пожалейте. Там Вы все – “... разбрелись в полпреды и в чекисты, в РОСТОВЩИКИ, в ТОРГОВЦЫ ВСЕМ И ВСЯ ... ПРОВОРНЫЙ И РЕЧИСТЫЙ живёт народ, ПО СВЕТУ КОЛЕСЯ”. Нешлохо, не правда ли? Особенно, любопытно читать эту мерзость нам – участникам войны с фашизмом. Если в известном пасквили на своих соседей по хайму она облила грязью и желчью десяток-другой людей, как евреев, так и несевреев, то теперь она уже замахнулась на весь народ еврейский. Взбрыкивает и топчет, задыхаясь от злобы, на всех и вся. Впрочем, того, кто величает её (с её же подачи) крупным русским поэтом, она снисходительно поглаживает по головке. Хотя её “крупность” замыкается лишь среди или наивных, не знающих русской и советской литературы, людей, или среди дураков, шестёрка по своей природной сути. Стишок, как и все её “эссе”, написан кипящей желчью. Особая пикантность в том, что, она сама является этнической еврейкой, что и позволило ей приехать в Германию и присосаться к дармовой жратве. Злобная и невежественная, ничего не достигшая, доживая до столь преклонного возраста, она пустилась также в откровенное враньё, утверждая, что она жертва советской власти. Однако, выяснилось, что, живя в Ленинграде, она стучала на отказников и на тех, кто собирался уезжать. Но и это не помогло ей стать литературной звездой. Стукачей, с имиджем склочников, а именно этим к тому времени прославилась она (не хочется лишний раз пачкать страницу её именем), КГБ не особенно жаловал. Услуги принимал, но не более того. Предателей и подлецов нигде не любят. Кстати, в свои частые поездки в Санкт-Петербург, не возит ли она отчёты о поведении эмигрантов? И вот теперь её “талантами” пользуется газета, выпускаемая Reisebüro, к услугам которого многие из Вас прибегают. Не известно, чем руководствуется хозяйка газеты (она же – хозяйка Reisebüro), но за ВАШИ ДЕНЬГИ в её газете появляются хамские заметки, стишки и др.

Мы предлагаем Вам прекратить пользоваться услугами этого бюро путешествий, если Вы имеете чувство собственного достоинства и не хотите оплачивать “творчество” злобных и подловатых невежд.

До полного уничтожения.

В Штутгарте травят поэта

Противно. Хочется вымыть руки. И больше никогда не прикасаться ни к чему подобному. И становится еще более противно, когда понимаешь, что это невозможно, что по роду своей работы ты вынужден копаться в той грязи (вспоминается любимый мною А. Вознесенский: «Есть, конечно, роли более пьедестальные, но кому-то надо за истопника»), горы которой наши соотечественники с увлечением раскладывают на просторах Германии, касается ли это жизни и будней еврейских общин или отдельных граждан.

Не хочу прослыть карасем-идеалистом, но, действительно, не могу понять: почему, даже находясь в окружении, которое не испытывает к нам никаких положительных эмоций (хорошо, если нейтральные), наши люди не могут жить в мире? Почему надо непременно грызть друг друга? Почему для кого-то целью жизни становится борьба до победного конца невзирая на возможные инфаркты - и свой, и противной стороны? Не потому ли, что коммунистический слоган «разрушим до основания, а затем...»?

Весь предыдущий крик души имеет в данном случае вполне конкретную основу. В Штутгарте уж весьма продолжительное время кто-то (наверное, было бы правильно, если бы этим расследованием занималась не газета, а полиция) с маниакальной страстью преследует поэта Ольгу Бешенковскую и фотохудожника Алексея Кузнецова, подбрасывая в места скопления русскоговорящего сообщества листовки оскорбительного содержания.

Цель выбрана отнюдь не случайно. Со времен литературной версии трагедии Моцарта и Сальери (историки, кстати, упорно доказывают, что Сальери не травил Моцарта) известно, что бездарность не может спокойно жить рядом с талантом. А Ольга Бешенковская - человек, без сомнения, талантливый, имеющий свое место в современной российской литературе. Не стану говорить, что она уже успела сделать, приведу лишь одну любопытную деталь. Поисковые системы русскоговорящего Интернета при запросе на словосочетание «Ольга Бешенковская» дают ссылку на почти 500 страниц и около 200 сайтов. А это что-нибудь да значит. Говорить об этой истории противно, а молчать нельзя. «ЕГ» публикует официальную позицию редакции штутгартской газеты «Импульс», в которую вкладываются эти листовки, и письмо нашего читателя из Нюрнберга и надеется, что русскоговорящая община Штутгарта сделает из этого вполне определенные выводы.

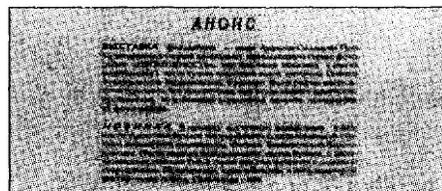
Виталий КРОПМАН

ЕВРЕЙСКАЯ

ГАЗЕТА

№ 03(31) Март 2005

Порядочность к подлецу неприменима

Открытое письмо евреям города Штутгарта

Уважаемые евреи города Штутгарта, обратиться к вам меня вынудил случай, произошедший, к сожалению, в вашем городе. Узнал я об этом случайно от одного из моих штутгартских знакомцев, приехавшего в Нюрнберг, где я проживаю.

Он привез и показал мне листок, который был вложен в газету «Импульс», распространяемую в Штутгарте.

Ни цитировать этот пасквиль, ни тем более своими словами его излагать мне не хочется, да деваться некуда, иначе вы меня просто не поймете. Итак, в этой бумаге в недопустимо хамском тоне говорилось о проживающей в вашем городе семье большого поэта Ольги Бешенковской, о творчестве её и фотохудожника

Алексея Кузнецова. Автор (хочется написать «мелкий пакостник») дошел до прямого оскорбления в печатном документе, рассчитывая на свою анонимность и безнаказанность. Как и следовало ожидать, это всё написано настолько непотребно - у таких людей таланта не бывает, - что вызывает только отвращение. Уже одно то, что фамилия Алексея Кузнецова переделана в Алексей Соломон Поц Кузнецович - показывает всю юдофобскую, антисемитскую сущность писавшего. Не хватает только слов «жид пархатый» и «пьют кровь невинных младенцев», не то это «творение» можно было бы смело распространять в среде нацистов и скинхедов, полностью будучи уверенным в их положительной и восторженной оценке этого «труда».

А ведь написал это не фашист. Написал это, я чуть было не написал «еврей», да руки не поднимаются написать такое... Скажем так, написала это тварь, приехавшая в Германию по линии еврейской эмиграции.

Для чего я всё это вам пишу?

Нет, не для того, чтобы защитить Бешенковскую и Кузнецова. Эти люди и их жизнь известны и оценены такими же, как они, умными и интеллигентными людьми и здесь, и на нашей бывшей родине. Объяснять, как сложилась жизнь у О.Бешенковской в Ленинграде, не нужно, об этом написано, читано и пережито вместе с О.Бешенковской и ее биографами. Может, я хочу успокоить Бешенковскую и Кузнецова, мол, не принимайте близко к сердцу? Собака лает - караван идет. Мало ли какая завистливая гнида, пользуясь нынешней возможностью легко размножить гадость, хочет на скандале с известными людьми вползти в литературу... Нет, и это не главная цель моего письма. Я ведь не зря в самом начале обратился к евреям города Штутгарта.

Уважаемые мои соплеменники, ведь не мог этот гад все сделать втихую, наверняка кто-то знает подлинного «автора» этой «пачкотни». Понимаю, не хотите его выдавать по причине, во-первых, порядочности (но порядочность к подлецу неприменима, на мой взгляд) или просто боитесь его мести (вполне понятно такое рассуждение, нам здесь не очень сладко и не очень уютно, все живут одним - может, дети «выбьются в люди» и будут счастливы). Так вот, я не хочу, чтобы вы его выдавали, я хочу, чтобы вы (те, кто знает автора) смотрели на него всю его оставшуюся жизнь (надеюсь, что ему не много осталось, Бог - Он всё видит) как на поганца, антисемита и выроodka и чтобы он знал, что так на него смотрят его жена, дети, родители, если они у него, к их несчастью, живы.

А я скрываться не буду и подпишу письмо даже не литературным своим псевдонимом, а подлинной, мне доставшейся от моих еврейских предков фамилией.

Валентин ЛИВШИЦ

Когда я уже приготовилась внести последние, заключительные фразы в это изрядно затянувшееся, как и сама травля, повествование, по электронной почте пришло письмо от З.Лерх, с которой и с семьей которой мы познакомились 13 лет назад в день приземления в Германии и провели вместе две первых нелёгких и незабываемых иммигрантских недели. (Там же, в аэропорту, а потом в пересыльном лагере в Эсслингене, оказалась и семья, знакомство с которой дало мне повод и материал для появления первых сатирических картин в «Дневнике сердитого эмигранта». И, похоже, для всего этого, уже нынешнего произведения - тоже...)

З.Лерх (Гдалевич) писала мне, что тоже обратилась в «Еврейскую газету», но, пока писала, урывками, после работы, свои воспоминания, выходящая раз в месяц газета успела отойти от этой темы. Зина же - теперь уже не та молоденькая, одновременно смешливая и ответственная большеглазка из Ленинграда, какой она так и останется навсегда в моей памяти, но сохранившая те же нравственные критерии госпожа Лерх - хотела обратить внимание редакции и читателей «ЕГ» на тот факт, что анонимки – далеко не единственное свидетельство травли поэта в Штутгарте, и предлагала как бы вернуться к её истокам, к реальным событиям... И хотя она несколько раз подчеркнула мне, что, будучи специалистом в совсем другой области, не претендует на литературные лавры и что просто попыталась пролить свет на последовавшие за публикацией повести события, мне кажется, что её правдивый рассказ достоин читательского внимания.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Ох, как прав был Николай Васильевич Гоголь, завещавший нам на зеркало не пенять, а лучше к лицу своему, или, не изменяя лексики классика, к роже своей, внимательно присмотреться, не крива ли... Но мы не внимаем истине и наказам ничьим не следуем, продолжаем, по-старинке, по веками протоптанной тропинке, к зеркалу бежать, чтобы в ярости его разбить-расколоматить и осколки уничтожить. За что же, милый друг, мы так его не любим? И, как ни крути, выходит, что

за правду не любим, за свою же уродливую наготу. Вот ведь парадокс какой получается. Кажется, вот зеркало разобью, или, скажем, книжку нелюбимую сожгу – и сразу от правды убегу, красотой и силой нальюсь, засияю подобно Полярной звезде, и всех своим обаянием зачарую. Только вот с книжками и кострами – ведь было это уже всё, и не раз: и книги жгли принародно, а до этого жгли еретиков, и на ведьм уже охотились, и авторов книг врагами народа провозглашали. Но... от правды убежать так и не смогли. Вот и подошли мы к существу вопроса о травле поэтессы Ольги Бешенковской – человека глубоко интеллигентного, благородного, а потому не идущего на компромиссы с собственной совестью, со своим внутренним камертоном порядочности. Отразив в своей повести, точно в зеркале, нам обоим так нежеланно близко знакомых персонажей, стала Ольга Юрьевна объектом нападков протопитов своих героев. (А они к этому времени уже и партийно, так сказать, национальную карьеру себе «сколотили», так что возможностей насолить честному и талантливому человеку у них явно прибавилось...) А вот Гоголя, напомним, мы по-прежнему, услышать не хотим. То, что отразилось в зеркале, т.е. то небольшое, что вошло в повесть «Viehwasen 22», и без меня известно, а потому не является темой моего письма. Но кроме того, что явно отражает застывшее в зеркале мгновение, есть ещё и бесконечное зазеркалье, не ограниченное ни временем, ни местом действия. Поэтому приглашаю Вас вернуться в недалекое прошлое, а именно отсчитать одну чертову дюжину лет назад, и перенестись в аэропорт города Франкфурта-на-Майне. Только что приземлился самолет из Ленинграда с двенадцатью пассажирами на борту в числе других, прибывшими на постоянное проживание в Германию. Среди них оказались мы с родителями и Ольга Бешенковская с семьей. По причине выходного дня социальная служба аэропорта была представлена в виде одной сотрудницы, а социальная касса была попросту закрыта. Сотрудница социальной службы решила отдать нам имевшиеся у нее в кошельке наличные деньги, составить акт выдачи наличности, а в следующий рабочий день получить эту же сумму назад из социальной кассы. Посчитав количество семей и поделив содержимое собственного кошелька поровну, социальная работница объявила, что каждой прилетевшей семье достанется по 20 марок на дорогу. Все выразили полное согласие и удовлетворение. Все, кроме одной наглой гражданки, лично к нашему самолету отношения не имевшей, а встречавшей своих родственников, прилетевших нашим рейсом. Фамилия этой особы, а также ее отпрыска имеет архитектурный оттенок и польское окончание. Назовем их для простоты Фасадовскими. Напористая, как танк Т-34 Фасадовская-старшая в приказном порядке требовала от меня перевода ее гневной речи неважно на какой язык, но только, чтобы социальная работница его понимала. Смысл требования сводился к тому, что помимо семьи ее сына Фасадовского-младшего, частично прилетевшей с нами, есть еще Фасадовские старшие, а именно она сама и ее супруг /надо отдать ему должное, он в этой позорной сцене не участвовал/, которым причитаются отдельные 20 марок. Почему же эта беспардонная особа не прибегла к услугам собственного сына, немного владевшего, как выяснилось потом, не каким-нибудь понятным языком, а именно немецким? Почему? Или почему ей не пришло в голову, что сияние ее бриллиантов, каждый из которых был размером с орех, могло ослепить бедную социальную работницу, так и не сумевшую собрать воедино наглые требования седовласой иммигрантки, ее же ореховые бриллианты и неимение у оной карманных денег.

Из-за отсутствия хоть каких-либо познаний в области немецкого языка и опыта пользования железнодорожными кассами в Германии, мы оказались владельцами самого дешевого группового билета, предоставляющего право проезда только на пригородных поездах, которые по пути кланялись каждому столбу. Нам пришлось преодолеть 5 пересадок в населенных пунктах, о существовании которых ни я, ни мои родители не подозревали. Добавьте к этому, что каждый следующий поезд отходил не с той платформы, куда приходил предыдущий. А читать расписание мы не умели, на раздумья отводилось от полутора до десяти минут, в зависимости от стыковки поездов; и что в нашем составе находились престарелые люди и грудные дети. А я, как всегда, оказалась групповодом. Это какое-то врожденное качество принимать огонь на себя. Когда нашу группу спросили, владеет ли кто-нибудь хоть каким-нибудь иностранным языком, я тут же отозвалась со своим школьным английским. Мне-то и вручили наш групповой билет. Как выяснилось потом, Фасадовский-младший уже тогда немного владел немецким, но пожелал остаться в стороне. Зачем для других стараться, пусть уж лучше возьмут его, касатика, под белы ручки и довезут до места назначения в целости и сохранности. И при этом неважно, кому он себя взгромоздит на шею, былинному ли богатырю или 24-летней хрупкой женщине, каковой я была тогда, – или же уже тогда известному в Ленинграде поэту, каковой была Ольга Бешенковская, главное, найти эту самую тягловую шею, а если не шею, так можно и руки... Маленькая и сублильная Ольга Юрьевна, спотыкаясь о неподъемный сундук семейства Фасадовских, была вынуждена его вытаскивать из поезда, т.к. смекалистые Фасадовские его ловко подсовывали Ольге Юрьевне под самые ноги. А она из жалости к старикам и маленькому больному ребенку в семье Фасадовских снова и снова перетаскивала сундук, рискуя заработать на этом грыжу, но отнюдь не хотя бы «спасибо»...

Перед каждой высадкой я громко проводила переключку, чтобы не растерять свою группу, в состав которой входили кроме взрослых еще и грудные дети, да их престарелые полуглухие бабушки и дедушки. А смысленный Фасадовский-младший держался от всего в стороне, только на каждой станции требовал от меня отчета о полученной от дежурного информации. К двенадцати ночи мы оказались на вокзале города Эслингена, что под Штуттгартом, окончательно обессилив и без надежды хоть когда-нибудь обрести покой и ночлег. Вот тут-то меня и подкараулила мадам Фасадовская, чтобы генеральским тоном потребовать доставки ее самой, а также ее семейства и ее скарба до пункта назначения по улице такой-то, дом такой-то. Эта была та капля, которая переполнила чашу моего терпения. И я довольно прямо и совершенно искренне сообщила всему этому малоприятному семейству о случайности нашего с ним знакомства и о нашей полной свободе друг от друга навеки веков...

Так причем же здесь Гоголь Николай Васильевич? А все при том же, что невзлюбили Фасадовские поэтессу Бешенковскую. Невзлюбили люто, аж до озноба. А чем же она перед ними провинилась, если даже сундук бабкин на своем горбу тащила? Так вот тем и провинилась, что в повести своей отразила их талантливо, узнаваемо – ну словно в зеркале.

Фасадовские – люди неглупые, хитрые, напористые, со связями, но бесталанные. Они и зеркало бить ходили, а именно повесть запретить хотели, а Ольгу Бешенковскую врагом народа объявить, только вот товарища Сталина отыскать не смогли, помер он, усатик, до времени. Зеркало-то уничтожить пытались, а зазеркалье-то пострашнее будет. Вот так-то.

Что же касается Ольги Юрьевны Бешенковской, хочу сказать, что и я, и мои родители всё помним и сегодня поздравляем Вашу семью с 13-й годовщиной приземления в Германии. Пусть «чертова дюжина» окажется счастливым числом, вопреки всем суевериям. Волею судьбы мы оказались вместе в нелегкий и памятный для всех нас день 10-го мая 1992-го года. И от всей души желаем Вам безоговорочной победы над злом! Успехов Вам в поэзии и прозе, дорогая Ольга Юрьевна!

...Мне остается только добавить, что я не хотела и не собиралась возвращаться к давно пережитому «Дневнику», хотя не раз и не два мне рассказывали (если хочешь узнать о себе что-нибудь новенькое – садись, например, в русский туристический автобус...), что «Бешенковская написала вторую часть „Viehwasen 22“, еще покруче первой»... Однажды мне даже довелось услышать своими «фарфоровыми петербургскими ушами», как одна дама, сидящая прямо напротив меня в трамвае, уверяла свою знакомую, что уже читала продолжение «Дневника», и там о ней, об этой знакомой, такое... такое...

Так выдают желаемое за действительное... Так функционирует механизм травли, по своему способствуя, между прочим, и росту популярности...

И хотя мне не доставило никакого удовольствия погружаться в помыслы, умыслы и вымыслы моих противников, разгрести и дезинфицировать этот клоповник, и можно было бы давно обратиться в суд или в полицию, я предпочла защищать свои честь и достоинство сама. Как сделала бы это, если бы «Дневник сердитого эмигранта» написала не я, а кто-то другой. Ибо и здесь тоже вижу призвание и обязанность литератора: добираться до правды...

Можно сказать, что книга эта своим появлением обязана прототипам «Дневника сердитого эмигранта» и их «добрым помощникам».

У меня были совсем другие творческие планы. Но поскольку «семья» и «команда» продолжали и продолжают в них активно вмешиваться, мне пришлось отвлечься от стихов и поэм и взяться за эту «санитарно-публицистическую» обработку фактов.

Собственно, при всём желании и старании никакие «господа фасадовские» ничего не добились. Хотя будь на моем месте менее сильный человек (не говорю уже: менее сильный поэт и публицист), вполне вероятно, что история литературы пополнилась бы ещё одной трагедией, аналогичной многим предыдущим. И тогда им было бы действительно несдобровать: потому что мёртвых поэтов народ очень любит... Не «приговоренных» к «смерти» безграмотным русскоязычным руководством еврейской общины, а реально мёртвых. Так что пусть теперь молятся денно и ночью о моём здравии: пока я жива – они, по крайней мере юридически, безнаказанны.

С клоповником не судятся, не дискутируют, не выясняют отношений. Его просто покидают и остаются с людьми...

А их, как показало и это эссе, к счастью, тоже немало..

Благодарю всех, кто своими письмами, статьями и просто достойным поведением помог мне пережить, а теперь и восстановить эту малопривлекательную, но весьма поучительную историю.

*Ольга Бешенковская
Штутгарт, сентябрь 2005*